

Кейт Лаумер

Земная кровь

Роман известного американского писателя Кейта Лаумера «Земная кровь» захватывает занимательным повествованием о судьбе юноши-землянина, родившегося вдали от родной планеты. Попадая в разные миры Галактики с их необычными, порой чудовищными обитателями, герой начинает понимать, что существует какая-то тайна, связанная и с его происхождением, и с появлением на этой планете, и с самим существованием планеты Земля. С этого момента он одержим идеей — любой ценой раскрыть эту тайну, обнаружить планету Земля и разыскать своих настоящих родителей.

ПРОЛОГ

Приклеенное на облезлой, когда-то желтой, стене объявление гласило: «Продаются жизнеспособные гуманоидные эмбрионы настоящего земного происхождения».

— Это здесь, Белла, — возвестил Раф Корней — Господи, куда нас занесло!

Белла печально улыбнулась и прикусила губу. Яркая помада, увы, уже не способна была сделать ее лицом моложе. Она придвинулась к Рафу поближе и, бросив встревоженный взгляд в сторону темного лестничного проема, прикоснулась тонкими сероватыми пальцами к его крепкой загорелой руке.

— Раф, да, мы так далеко забрались от дома, — начала она, но тут же умолкла, потому что после двадцати лет совместной жизни им не требовалось слов, чтобы понять друг друга.

Раф поправил ремни, стягивавшие его налитые широкие плечи, и провел пальцами по выпуклости короткоствольного пистолета.

— Вот увидишь, Белла, с нами будет все в порядке.

Он ободряюще похлопал ее по тонкой руке и двинулся вперед по крутым ступеням, не обходя выбоины с маслянистыми лужами. Здесь царил запах тухлятины и чужеродной кухни, но было менее жарко и шумно, чем на площади. И вот наконец участки, огороженные переплетениями ржавой проволоки, остались позади, и они добрались до высокого узкого дверного проема, занавешенного грязными стеклянными бусами. Когда Раф их осторожно раздвинул, они мягко зазвенели.

Откуда-то из глубины лавки послышалось шуршание, тяжелый стук и костяное клцанье. Чудовищно высокая, сгорбленная фигура в цветастом разукрашенном тряпье и браслетах маленькими шажками просеменила навстречу из желтоватого полумрака, шевеля вылинявшими крыльями, совершенно непригодными для полета. Они жестко зашуршали, когда существо взгромоздилось на стул, направляя свои помигивающие водянистые глаза то на Рафа, то на Беллу.

— Что надо? — прошелестел рхеопс. — Это вам не богадельня.

— Послушай-ка, здесь леди, может, для начала, предложишь ей присесть? — резко произнес Раф.

— Ну так пусть садится.

Раф огляделся, но другого стула не обнаружил. Он сердито глянул на хозяина. Ему бросилась в глаза бурая кожа на его шее и хищный нечистый клюв.

— Да, с такими, как ты, мне еще не приходилось встречаться, — сказал он. — Ты что, не знаешь, как себя вести в присутствии человеческой женщины?

— Человеческой? — рхеопс презрительно щелкнул клювом, уставившись на серую кожу йилианки.

— Не надо, Раф, — Белла мягко дотронулась до его руки. — Не обращай внимания. Ведь единственное, чего мы хотим, это ребенка.

Она чувствовала, что Раф с трудом сдерживает себя. Возможно, он и стар для официального усыновления, но по-прежнему крепок, как любой другой мужчина ста годами моложе его.

— У нас есть деньги, — выдавил из себя Раф. — Мы здесь по делу.

Глаза-плошки торговца бесстрастно мигнули.

— Сколько?

— Э-э... почти пятьсот кредитов. Существо на стуле смежило веки, потом снова распахнуло их.

— Я могу предложить вам кое-что из здоровых мутантов с гарантией коэффициента умственного развития в сорок баллов...

— Нет, — одновременно ответили Раф и Белла.

— Никакой дефектной родословной, — заявил Раф. — В объявлении внизу говорится о настоящем земном происхождении.

— Вообще-то, нежелательно иметь раба со слишком развитым интеллектом. Так вот, данная разновидность...

— Неужели ты в самом деле думаешь, будто мы собираемся из человеческого ребенка сделать раба? — перебил его Раф. — Ты что, ослеп? Не видишь, что, мы земляне? Во всяком случае, потомки землян, — добавил он, заметив, как глаза-плошки хозяина снова скользнули взглядом по нему и Белле.

Белла поежилась и плотнее закуталась в плащ.

Торговец презрительно щелкнул клювом.

— И за пятьсот кредитов вы собираетесь заполучить настоящего конкистадора? Может, вам еще патент предъявить?

— Сойдет и обычный ребенок, — сказал Раф. — Только чтобы он был нормальным. В земном смысле, конечно. Нам все равно, окажется он дальтоником или нет...

Торговец наклонил голову, настороженно разглядывая Рафа.

— Ваше гражданство?

— Что? Ну, мы свободные землевладельцы из Гфанфонта.

— Документы есть?

— Конечно. Иначе мы бы никогда...

Рхеопс развернулся вполоборота и издал пронзительный звук, из боковой комнаты выскочил маленький раб в болтающихся лохмотьях.

— Принеси-ка скамейки для моих дорогих посетителей и бренди. Флеон давней выдержки. — Он снова повернулся к Рафу, в его полуприкрытых глазах блеснуло что-то вроде мысли. — Флеон вобрал в себя запах дождя, солнца, серы, — начал он, — и...

— Хватит болтать, — оборвал его Раф. — Мы пришли сюда не на посиделки... — И тут он осекся... Не так-то просто оказалось окончить фразу и произнести: «Пришли купить человеческого мальчика... купить сына...»

— Да, но мне нравятся люди обеспеченные, я таким доверяю, — ухмыльнулся торговец. — Вы хотите наследника. Понимаю. Вы пришли вовремя. Я могу предложить

самый исключительный эмбрион мальчика, способного впоследствии сделать честь самому императору.

— Мы не императорской крови, — возразил Раф, — нам бы самого обыкновенного мальчугана...

— Так, — рхеопс взъерошил линялые перья на плечах, но вдруг от него повеяло безразличием. — Если вы хотите чего попроще, то я могу продать вам кое-что подешевле...

— Хорошо, сколько? — Держа руку на кредитном кодере, Раф поднялся со скамейки, принесенной рабом.

— Подожди! — воскликнула Белла. — Я хочу знать, что он имеет в виду... Что вы нам хотите предложить? — И она заставила Рафа присесть на скамейку.

Раб внес поднос с глиняным кувшином и стеклянными фужерами. Торговец сцепил паукообразные, по-птичьи голые пальцы, ожидая, пока раб разольет вино и уйдет. Он прищурился, глядя на Беллу.

— Дело в том, что я готов предложить высокую цену за ваше свободное гражданство...

— Ты спятил?! — выпалил Раф. — Как же мы тогда вернемся назад...

— Подожди, Раф, — остановила его Белла, взяв фужер.

Она не спеша пригубила вино и высоко подняла брови, демонстрируя свое восхищение.

— Продать гражданство! — не унимался Раф. — Да он нас принимает за деревенщину, Белла!

Рхеопс ссутулился на своем стуле, жесткие перья вздыбились венчиком вокруг головы. Он не отрывал глаз от Беллы.

— Именно сейчас в моей лаборатории, — произнес он торжественно, — есть высококачественный зародыш, предназначенный для личных нужд... самого высокого официального лица. Чудесная бластосфера, большая, жизнеспособная, и изумительный интеллектуальный потенциал.

— Так в чем же дело, почему высокопоставленное лицо не спешит его забрать? — поинтересовался Раф.

Глаза-плошки мигнули.

— Увы, шах... мертв, вместе со своими наследниками и правопреемниками. Один из этих бессмысленных бунтов. По великому счастью, мой агент... но это неважно. Я потерял двух ценных слуг, доставая этот эмбрион, который теперь, честно говоря, надо немедленно трансплантировать в подходящую искусственную плаценту, иначе он пропадет. Сами видите, насколько я вам доверяю.

— Белла, он просто набивает цену, — бросил Раф, — рекламирует товар, вот и все.

— Провинциальная проницательность — утеха для коммерсанта, — раздраженно парировал торговец.

Он пронзительно свистнул и прошептал какие-то указания своему рабу. Раф и Белла ждали. Вскоре тот вернулся, шатаясь под тяжестью небольшого, инкрустированного камнями ящичка Повинуясь жесту хозяина, он вручил ларец Рафу. Тот взял его, и руки тотчас повело вниз под непомерной тяжестью.

— Вы держите позолоченный инкубатор, усыпанный брильянтами, предназначенный для привилегированного малыша, а торгуетесь и впрямь как толстоногая деревенщина. Цена ему две тысячи кредитов или два свободных гражданства.

— Это вдвое выше цены на черном рынке, — слабо возразил Раф, всецело поглощенный ларцом и его содержимым.

— Вы не на черном рынке. Я патентованный коммерсант, получивший разрешение от самого Садомида!

— Я отдам только одно гражданство, — быстро сказал Раф. — Свое. За несколько лет я смогу заслужить себе другое.

Торговец раздраженно шелкнул клювом.

— Да я лучше выплесну это сокровище в канализацию, чем сбавлю цену хоть на полкредита! Потомок царей заслуживает и большего!

— Раф, — произнесла Белла, в ее голосе звучала мольба.

— Откуда мы знаем, что он говорит правду, Белла?

— Мне дорога моя лицензия, чужестранец, — высокомерно заявил рхеопс. — Ты полагаешь, я стану рисковать своей репутацией ради ваших ничтожных претензий? Шах заплатил пятьдесят тысяч галактических кредитов слитками радия...

— Но если ты не продашь его немедленно...

— Я сказал свою цену. Соглашайтесь или нет, но в любом случае убирайтесь отсюда!

— Ну, — замялся Раф.

— Мы согласны, — решительно сказала Белла.

Они с трудом продирались сквозь шумящую толпу на площади. Раф прокладывал путь между торговыми рядами. Белла прижимала двухдюймовый стеклянный цилиндр к худой груди. Клубилась желтая пыль, поднятая порывистым пустынным ветром. На бронзово-темном небе почти у самого горизонта висело второе солнце.

— Мы не должны тратить все кредиты, — сказал Раф, — иначе нам не вернуться домой.

— Найдем способ, — спокойно возразила Белла — Но сначала мы должны отыскать врача-человека

Раф остановился как вкопанный.

— Белла... ты не заболела?

— Мы должны трансплантировать ребенка... И немедленно, Раф.

— Белла, ты же знаешь, сейчас мы не можем себе этого позволить. Сначала нам надо добраться до Гранфонта, как мы и планировали...

— Но мы нее думали, что у нас будет время, Раф, а у нас его нет. Этот эмбрион никогда бы не продали так дешево, если бы не оставалось так мало времени... чудовищно мало.

— Но мы же собирались использовать млекопитающую искусственную мать из рода Лэн. Где мы сейчас ее найдем? К тому же нам придется ждать целых девять месяцев...

— Нам совсем не придется ждать, Раф. Я трансплантирую ребенка себе.

Пораженный услышанным, Раф словно потерял дар речи. Затем пробормотал:

— Белла, ты уверена? Я имею в виду, ты могла бы... он мог бы?..

Вместо ответа она только кивнула, а потом объяснила:

— Понимаешь, когда-то давно я спросила об этом врача. Он сказал... сначала провел уйму тестов... а потом сказал, что я могу.

— Белла, но ты же... ты не...

— Он знал, что я не чистокровная землянка, и все-таки сказал, что могу.

Ее глаза, вертикального разреза, живо заблестели на немолодом, но сохранившем пикантность лице.

— Я буду матерью нашего сына, Раф. А он — нашим человеческим мальчиком, рожденным мной...

Неожиданно Раф насторожился и, словно от чего-то ограждая, обнял жену за плечи.

— В чем дело, Раф?

— Белла, кто-то следит за нами.

— Следит... почему?

— Не знаю. Дай мне мальчика. Держись поближе

Они свернули в переулок, освещенный грубыми фонарями, и стали проталкиваться сквозь толпу. Чужие руки цеплялись за их рукава, чужие глаза смотрели на них с неприязнью и любопытством, разные голоса умоляли, проклинали, просили и угрожали. Едкая горячая пыль застилала глаза.

— Сюда, — задыхаясь, позвал Раф.

Они нырнули в узкий проход между домами.

— Нам не следовало покидать главной площади, — сказала Белла. — Туристы сюда не ходят...

— Идем.

Раф пошел вперед. Футов через тридцать извилистая дорожка оборвалась у высоких стен тупика. Пришлось повернуть обратно...

Две фигуры, закутанные в тяжелые, серого цвета, тоги, маячили у входа в тупик. Одна — приземистая, другая — высокая.

— Держись позади меня, — сказал Раф.

Он спрятал цилиндр в сумку на ремне, положил руку на рукоять пистолета под одеждой и двинулся вперед. Приземистое существо на толстых кривых ногах вышло ему навстречу. Не доходя футов десяти незнакомец остановился. Раф твердо взглянул в мертвенные глаза противника, бледное лицо которого было словно выточено из высушенной пористой древесины.

— Мы сильнее тебя, — проскрипел чужак. — Отдай нам королевского раба и уходи с миром.

— Убирайтесь с дороги, — грозно ответил Раф, доставая оружие.

Во рту у него пересохло. Голос сел. На некоторое время в проходе повисла гнетущая тишина.

— Хорошо. Мы заплатим, — сказал чужак. — Сколько?

— Я ничего вам не продам. Убирайтесь с дороги!

Раф слизнул бисеринки пота с верхней губы.

Стоявший сзади высокий налетчик подтянулся к своему низкорослому компаньону. Позади этой парочки в поле зрения появился тяжелый, ящероподобный каспоид с чешуйчатой кожей, аляповато раскрашенной кричащими тонами, а за его спиной показались еще несколько фигур.

Раф сделал шаг вперед. Оружие почти касалось пыльных складок тоги чужака.

— А ну, вон с моей дороги, а то я вас всех, к черту, перестреляю!

Мощная когтистая рука выхватила оружие. Упреждая нападение, Раф выстрелил. Вспышка голубого пламени... и оружие вылетело из рук. Тотчас чужак всем своим весом обрушился на Рафа. Раф кувыркнулся назад, успев, однако, вцепиться в когтистую руку напавшего. Крутанув ее изо всех сил и услышав, как захрустели кости, Раф отшвырнул от себя чужака и бросился на высокого. Но промахнулся — тот ловко увернулся. Оружие валялось всего в двух шагах от них. Раф прыгнул за ним, но в ту же секунду огромная тяжесть снова обрушилась на него, словно взрывом вышибив воздух из легких. Он ощутил, сильный удар булыжником в лицо и обжигающую боль, волнами накатывающуюся от плеча. Откуда-то издалека доносилось завывание Беллы.

Раф перевернулся, с трудом пытаясь подняться на колени. И в тот же миг широкая ступня в поношенной сандалиии пнула его прямо в лицо. Он схватил ее, рванул изо всех сил на себя, свалив нападавшего на землю, и услышал свой собственный надрывный крик от адской боли в плече. А затем, ощутив власть над повергнутым телом, вцепился в него и, круша ненавистную плоть, чувствовал, как хрустят суставы под его кулаками. Когда же острые когти впились в его лицо, он только застонал, продолжая избивать чужака до тех пор, пока с ним не было покончено. Не успел он опомниться, как чьи-то твердые, словно каменные, руки опрокинули его навзничь. Слепо отбиваясь, он пытался перевернуться, чтобы защитить цилиндр и тело.

Докрасна раскаленные тиски сомкнулись на его ноге. Он попытался дотянуться до оружия, которое лежало совсем рядом, но запущенный в него булыжник осадил его, легкие, казалось, в то мгновение разорвались на тысячи маленьких кусочков. Его руки и ноги все еще двигались, однако он уже не понимал, куда и зачем ему надо ползти...

А потом перед глазами полыхнуло яркое пламя и медленно погасло. Раф чувствовал, как рушится и исчезает окружающий мир, погружаясь в непроглядную темноту.

Он лежал на спине и прислушивался к голосам налетчиков.

— Он дерется как настоящий дьявол!

— ...у него не жилы, а стальные прутья!

— Добьем их...

Но сыпавшиеся на Рафа удары казались ему смягченными, словно били его через подушку. Избиение продолжалось так долго, что Раф даже не заметил, когда оно прекратилось. Он плавал в тишине, как в море расплавленного свинца. Но звуки вторглись и сюда, в спасительное для него беспамятство. Это было чье-то настойчивое озлобленное рычание и знакомый тонкий плач...

Белла!

Раф шевельнул рукой, ощупал израненное лицо и протер слипшиеся от крови веки. Сквозь красное марево он увидел Беллу, прижатую к стене налетчиком в плаще. Руки его энергично поднимались и опускались, снова и снова... Сделав над собой усилие, Раф пошарил рядом и нащупал твердую рукоять пистолета. Извиваясь от боли, как червяк на крючке, он попытался сесть и с трудом подтянул к себе оружие. Ему удалось поднять пистолет, сквозь кроваво-красный полумрак нацелиться на желтый плащ и выстрелить. Налетчик рухнул, как подкошенный. Но другой тут же схватил Беллу и прикрылся ею, как щитом

— Мы убьем твою женщину, — угрожающе заявил он. — Отдай нам императорского раба и убирайся Мы сильнее вас!

Но Раф почти не слышал его — он не спускал глаз с Беллы. Она висела в лапах налетчика, маленькая и слабая. Но вот Раф заметил едва уловимое движение ее руки.

— К чему так сопротивляться, дурак? — продолжал скрежетать налетчик.

А Белла тем временем осторожно дотянулась до пояса. В полосе света блеснула сталь. Раф видел, как ее тонкая рука шарила, нащупывая уязвимое место между пластинками панциря; потом молниеносное движение — и прикрывшийся Беллой налетчик скрючился, захрипел, затем неуклюже свалился к ее ногам. Лезвие клинка еще раз вонзилось в его тело... За спиной Беллы метнулась темная тень. Раф поспешно выстрелил, но промахнулся. Однако и после этого чужак остался стоять на месте, что-то выкрикивая на странном языке. Раф поморгал слипающимися веками и снова прицелился, ориентируясь по голосу Это было рискованно — Белла стояла совсем рядом.

— Подожди, Раф, — остановила она его. Она торопливо и неразборчиво заговорила с чужаком. Тот ей ответил.

— Раф, это йилианин, как и я, — объяснила Белла. — Он дал мне пароль.

— Пароль, черт возьми! — с трудом выдавил Раф.

— Послушай, Раф, он нужен нам. Если мы сохраним ему жизнь, он будет нашим рабом. Это правда, Раф. Таков закон Йилии.

В этот момент оружие выпало из слабых рук Рафа. Он попытался поднять его, преодолевая свою проклятую слабость, но только тихо застонал

До него доносились звуки незнакомого говора. Тонкий голос Беллы переплетался с рокотом йилианина. Раф сделал еще одну попытку...

— Белла...

— Да, да, Раф. Теперь все будет хорошо. Тхой-хой проводит нас...

— Возьми оружие, — задыхаясь, шептал Раф. — Убедись, что все мертвы... все...

— Раф, если мы сейчас же не уйдем отсюда...

— Ничего не бойся, Белла. Здесь нет никаких законов. Не оставляй им шанс... чтобы ни один раненый дьявол не сумел выследить нас, — не слушая ее, из последних сил прошептал Раф и снова впал в забытие...

Только позже, в смутном воспоминании, всплыли крепкие руки, которые несли его. Боль, точно огненное одеяло, окутавшее его, и неожиданно холодный порыв ночного ветра. А затем голоса, бряцанье ключей, наконец ложе из сваленных в кучу шкур... И — руки Беллы, ее теплое дыхание на его лице.

— Раф... бедный Раф...

Задыхаясь, он снова и снова пытался говорить

— Наш мальчик... — сказал он. Это было так важно — объяснить Белле все, как есть.

— Наш мальчик куплен не просто за деньги, его жизнь оплачена и нашей кровью,

Белла. Он теперь наш мальчик, наш...

Тяжело опершись на палку, Раф задумчиво смотрел на жену и новорожденного сына. Рядом Тхой-хой стирал тряпки в жестяной лохани, у самой двери.

— Я представлял себе все это совсем иначе, — с горечью продолжал Раф. — Не здесь, в этой лачуге на окраине гетто, не так. Но оказывается, и так бывает, Белла.

— Не горюй, Раф, — попробовала утешить его Белла, — вот поправишься и подремонтируешь домик, побелишь его, будет намного лучше. Ну а сейчас мы по крайней мере в безопасности, на другом конец Тамбула — далеко от базара, уж здесь они Роуна не найдут.

— Мой сын, — с нежностью произнес Раф, прикоснувшись к крохотному мягкому комочку — Как знать, может, уже в пятнадцать лет он станет взрослым человеком.

Глава первая

Топчась возле моющей посуду матери, Роун надоедливо канючил.

— Нет, — сказала Белла строго, — гулять мы сейчас не пойдем. Ты же видишь — у меня много работы: надо перемолоть овсяную крупу, начистить улиток, приготовить еду. Потом помыть кисточки, чтобы папа мог немного покрасить, когда вернется из города с работы. Ну, а тогда... Ну-ка, перестань! — закричала в отчаянии Белла, увидев, что Роун пытается приклеить кусочек бумажки к стене.

— А у папы получается, — захныкал он, так и не сумев приклеить бумажку.

Тут же у него потекло из носа, и он вытерся о край шторы.

— Ну, не о штору же! — вскипела Белла. — Я только что их постирала! У меня больше нет ни кусочка мыла!

Роун потянулся к солонке — если брать соль понемногу, то у нее просто восхитительный вкус! Но она тут нее вся высыпалась на пол.

— Соль! — хрипло вскрикнула Белла. — Это же последняя, папа работал целый день, чтобы купить ее для тебя, а ты высыпал ее на пол, и я не смогу ее всю собрать и очистить!

Роун снова принялся реветь — что бы он ни делал, все выходило наперекосяк.

— Ну хорошо, — наконец сдалась Белла. — Можешь немного погулять во дворе за домом. Только далеко не уходи и не трогай мясистые цветы, их сок не отстирывается.

С радостным возгласом Роун выбежал на солнце. Не прикрытая одеждой его белая кожа легко впитывала в себя солнечные лучи.

О, что за чудесные мясистые цветы! Темнее, чем пурпурные плоды, краснее, чем кровь, зеленее, чем трава! Но их нельзя трогать.

Он побрел на другую сторону двора, туда, где под крепко сбитым, уже один раз покрашенным Рафом забором словно мозаика пестрели разноцветные пятна на земле. Роун любил здесь собирать комочки оставшейся старой краски. Однако сегодня кое-что поинтересней он усмотрел за оградой. Там собралась компания крепких, худощавых грасильских ребятишек, увлеченных, кажется, чем-то очень занятным!

— Привет! — окликнул их Роун. — Эй! Вы! Давайте играть!

Среагировали на него не все.

— Ты не трехлетний грасил, — бросил кто-то.

— Трехлетние грасилы копают здесь, а не там.

— Я могу помочь, — с готовностью предложил Роун. — Помочь копать.

Он начал вскарабкиваться на забор, но задача оказалась совсем не из легких, в результате, зацепившись за торчащий край доски, он выдрал из рубашки целый клочок. В конце концов он все-таки перевалился через забор и... пришел в замешательство, увидев, как трое грасилов очень быстро копают землю своими острыми когтями.

— Я тоже хочу! — неожиданно крикнул он и залез в нору одного из них.

Тот равнодушно оттолкнул его и продолжал копать, Роун залился слезами, но все же попробовал помочь другому. И снова получил пинок.

— Комай свою нору, — недобро огрызнулся на него третий.

Роун заметил, что этот слегка отличается от остальных. Одно его крыло так и не выросло, оставшись в зачаточном состоянии.

— У тебя нет одного крыла, — сказал Роун. — Где оно?

Грасил с детской непосредственностью распахнул здоровое крыло.

— А другое у меня еще отрастет, позже, — заверил он Роуна. — А вот у тебя вообще нет крыльев.

Роун попытался ощупать лопатки, но так ничего там и не обнаружил.

— Они у меня тоже вырастут, потом, — выпалил он возбужденно. — И тогда я смогу летать. Меня зовут Роуном.

— А я — Клане, — представился новый друг, но, заметив, что из-за разговоров он отстал от других грасилов, разозлился и крикнул Роуну: — Заткнись и комай.

Роун принялся старательно рыть землю и очень скоро понял, что это не столь легкое занятие, как кажется поначалу. На поверхности земля была рыхлая, и она хорошо поддавалась рытью, а вот на глубине, несмотря на свою сырость, она сильно затвердела, и требовались невероятные усилия, чтобы сладить с нею.

— Мама обрезала мне ногти, — пожаловался вслух порядком выдохнувший Роун, прекрасно понимавший, что и при своих необрезанных ногтях он все равно не смог бы копать так, как копали грасилы.

Тогда Роун отыскал острую палку и с ее помощью стал рыть намного быстрее. Сильным ударом он неожиданно пробил дыру, земля обвалилась, и сама собой образовалась большая полость. Замечательная, просторная... Роун тут же забрался в нее. Но появился грасил, ударил его и сказал:

— Комай свою собственную нору, ты, урод! Роун взял свою палку и принялся снова копать в другом месте.

— Ты делаешь это неправильно, — заметил грасил, продолжая углублять свою нору.

И вот когда Роун стал долбить землю уже в другом месте, она снова провалилась, и он очутился в другой норе, совершенно темной и прохладной. Роун пополз вглубь, вдоль входа, и неожиданно наткнулся на что-то мягкое и совершенно невидимое в этой крошечной тьме.

— Здорово! — воскликнул Роун и засмеялся, потому что этот кто-то коснулся его сознания

ЗДЕСЬ ПРОСТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО: ПРОХЛАДНО И ТЕМНО, И НИКАКОГО ВЕТРА, ЗДЕСЬ ЖИВЕМ МЫ — ЗИСЫ, А ТЫ КТО?

— Я — Роун, — произнес мальчик.

Зис протянул мягкую лапку и пощупал Роуна.

ТЫ СОВСЕМ НЕ ТАКОЙ, КАКИМ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ СЕБЯ В СВОЕМ ВООБРАЖЕНИИ, — сказал Зис. — У ТЕБЯ НЕТ КРЫЛЬЕВ И КОГТЕЙ ДЛЯ РЫТЬЯ ЗЕМЛИ. СКАЖИ-КА МНЕ ЕЩЕ РАЗ, КТО ТЫ.

— Я — Роун, — повторил мальчик и снова рассмеялся

А потом, пока неведомое существо знакомилось с ним, сознание Роуна погрузилось в тишину И он ждал, испытывая странные чувства.

С ТОБОЙ ЧТО-ТО НЕ ТО, — наконец сказал Зис. Роун физически почувствовал, как тот отпрянул — ТЫ НЕ МОЖЕШЬ СКАЗАТЬ, КТО ТЫ ТАКОЙ. В ТВОЕМ СОЗНАНИИ СКРЫВАЕТСЯ КАКАЯ-ТО ОГРОМНАЯ СИЛА... ЧУДОВИЩНЫЕ ТАЙНЫ И СТРАННЫЕ ВЕЩИ...

Роун почувствовал, как это загадочное существо мысленно содрогнулось и, отступив, исчезло. Он остался один. Один — в холодной темноте, наедине с какими-то ужасными тайнами, которые, оказывается, затаились в его голове... Один — на дне изрытой червями ямы, пахнущей омертвелостью и сыростью, где наверняка водятся хароны, пробирающиеся по подземным ходам и пожирающие мертвых... А вдруг они подумают, что я умер? Обуреваемый ужасом Роун пополз обратно, к выходу, желая только одного: поскорее вернуться к папе с мамой. Но страх его одолел. Роун сел и разревелся. Слезы градом

катились из глаз, во рту скрипел песок, к тому же он вдруг понял, что он еще и мокрый! В отчаянии Роун заплакал еще сильнее, а потом стал кричать изо всей мочи, так, чтобы его слышали...

И вдруг он почувствовал руки — руки Рафа, которые вытаскивали его из норы. И хотя теперь Роун знал, что отец рядом, он по-прежнему продолжал реветь, все еще находясь в плену пережитого страха.

— Мальчик, мой мальчик, — нежно приговаривал Раф, успокаивая сына.

Вопли Роуна незаметно сменились его всхлипываниями

— Мальчик, я повсюду искал тебя, — отец говорил нежно и радостно, он и сам испугался не меньше. — Но я все-таки сделаю то, чего раньше никогда не делал, — строго добавил он. — Я устною тебе хорошую взбучку.

Не обращая внимания на истерику Беллы, он уложил Роуна поперек колена и тут же всыпал ему по первое число. И к всеобщему удивлению — именно во время порки Роун перестал плакать, успокоился, в общем, окончательно пришел в себя. Он спокойно поднялся, немного размялся после отцовской экзекуции и, вытерев нос рукой, серьезно спросил родителей:

— Я — кто? Кто я?

— Ты — человеческий мальчик, — охотно ответил Раф. — И однажды станешь взрослым мужчиной Ты — мальчик, настоящий землянин.

— Но у меня смешные уши, — сказал Роун, ощупывая ухо.

Ему и впрямь показалось, что все беды его именно из-за этих странных ушей — таких маленьких и таких круглых.

— А что такое землянин? — спросил Роун у Тхой-хой, который старательно отмывал его теплой водой в деревянной лохани.

— Землянин? — эхом отозвался Тхой-хой. — Ну, земляне — выходцы с Земли.

— Дядя Тхой-хой знает песни с Земли? — с надеждой спросил Роун.

Хотя поговору Тхой-хой уже было ясно, что знает. Эта особая манера, вроде распевной речи, словно он рассказывал истории на древнем, мелодичном языке Йилии.

— Да. И если ты будешь стоять смирно, пока я тебя мою, а потом съешь свой обед и пойдешь прямо в постель, я расскажу тебе эту историю.

— О, да! — восторженно выпалил Роун и радостно шлепнул рукой по воде. — Да! Да! Да!

Потом он действительно стоял спокойно. И Тхой-хой начал свое повествование.

— Давным-давно, так давно, что даже самое древнее существо в древнейшем мире не могло бы припомнить когда, существовал один мир и назывался он — Земля.

— А сейчас он есть?

— К этому мы еще подойдем. Так вот, очень давно и так далеко, что отсюда, из Тамбула, ты даже не смог бы разглядеть их Солнца, жил народ в этом самом мире по имени — Земля. И все эти люди выглядели ну прямо совсем как ты.

— Как я? — глаза у Роуна заблестели. — С такими смешными ушками?

— Твои ушки совсем не смешные, — заметил строго Тхой-хой, — во всяком случае для землянина Ну так вот, однажды эти земляне построили самые первые во всем свете космические корабли Что-то совсем новое, чего раньше никто никогда и нигде не строил. Только земляне могли делать их. Затем они прилетели в другие миры на своих космических кораблях, и через пять тысяч лет существования во Вселенной узнали, что мерцающие огоньки на небе — звезды, со множеством миров вокруг них. А раньше в каждом мире думали, что их звезда — единственная и есть только один Бог, тогда как на самом деле существует девять Богов.

И земляне научились жить в иных, чем Земля, мирах. Но некоторые из них со временем изменились. В других мирах их ожидала встреча с другими существами, не гуманоидами, хотя и не слишком отличавшимися от людей. И думали они во многом об одном и том же. Но люди знали больше.

Роун погрузился в теплую воду ванны, потому что, стоя на холодном воздухе, замерз и весь покрылся пупырышками.

— А ты не землянин, — заметил он, прикоснувшись к уху Тхой-хой.

— Конечно, нет. Я — йилианин, насколько мне известно. Так вот, между планетами, населенными различными существами, очень скоро стали возникать войны, потому что каждый захотел стать самым сильным. И тогда люди с Земли решили управлять Вселенной, чтобы сохранить мир...

— А мне мыло попало в рот, — перебил Тхой-хой Роун. — Тьфу, гадость!

Тхой-хой тщательно вытер Роуну рот влажной тряпкой и продолжал:

— А потом произошло что-то очень страшное. Пришли странные люди, издалека — с другой стороны Галактики или, быть может, даже из другой Галактики... и их оружие оказалось танки мощным, что они стали оспаривать право Земли на владение Вселенной. И они начали войну, которая длилась целую тысячу лет.

— Гадкие, — подражая тону Тхой-хой, воскликнул Роун. — Очень гадкие!

— Да, действительно, — согласился Тхой-хой. — Этих плохих людей звали ниссийцами, и сила их была такова, что земляне не могли им противостоять.

— Они что, всех землян насмерть убили?

— Нет, ну что ты! Просто они создали вокруг Земли плотное кольцо из боевых ниссийских кораблей, так что земляне никак не могли покинуть свою планету. И никто не мог прилететь на Землю в течение пяти тысяч лет.

— А что такое пять тысяч лет? — с любопытством спросил Роун, выпрыгивая из лохани прямо в сухое полотенце, которое держал Тхой-хой.

Роун обожал вытираться этим чудесным теплым полотенцем, а потом ходить, завернувшись в него, пока Тхой-хой готовил ему чистую одежду.

— О, это очень долго, очень. Я, конечно, не могу объяснить тебе точно, но очень долго.

За обедом Роун набил себе полный рот, хватая еду руками. Все усилия Рафа и Беллы заставить его пользоваться ложкой были тщетны.

— Так едят земляне, — противился Роун, защищаясь. — Да, так делают земляне, — продолжал он упорствовать, снова набивая рот руками.

— Земляне не делают так, — строго сказал Раф. — И с сегодняшнего дня ты всегда будешь есть так, как действительно едят земляне.

Тхой-хой принялся было рассказывать Роуну, как земляне едят и что, но тот уснул, даже не стараясь дождаться конца этих долгих и нудных наставлений.

Глава вторая

Подошел черед Роуна. Остальные уже давно стояли на другой стороне. За исключением одного грасила, который сорвался и теперь, вероятно, был мертв.

Крылья у всех работали отлично — молодые розовые мембраны веером раскрывались на спине вдоль торса у всех, кроме Кланса. Он даже и не делал попытки взлететь — просто заглянул вниз, в ущелье, и в одиночестве ушел домой.

А грасилы стояли на другой стороне и смеялись. Они радовались и веселились... и потому, что полет сам по себе так прекрасен, а кроме того, они смеялись над Роуном, который все еще колебался.

Это же так просто! Они гордились собой и потешались над тем грасилом, который упал на дно ущелья, так и не сумев справиться со своими крыльями. Впрочем, сметливостью тот никогда не отличался. Теперь же они с любопытством наблюдали за Роуном и подначивали его.

— Роун — семилетний болван, — распевали они. — Ду-ра-чок! Ду-ра-чок!

— Я все равно полечу, — отозвался Роун. — Вот увидите!

Но он все еще колебался — ведь у него не было крыльев! Зато его осенила идея связать несколько длинных виноградных лоз и с их помощью, взмыв в опьяняющую высоту,

перемахнуть через ущелье и спланировать на другую его сторону.

Осторожно раскачавшись, Роун проверил прочность связанных ветвей, затем посмотрел на ущелье и прикинул на глаз расстояние, разделявшее его и семилеток грасилов. Розовое лицо Роуна повлажнело, рубашка прилипла к телу — от страха он весь вспотел.

Уцепившись за раскачивающиеся ветви, он вдруг подумал: «А что... если сейчас все бросить и убежать домой?» Мама спросит: «Что ты сегодня делал?» И он ответит: «Ничего». И этот день закончится так же, как и все остальные...

Но в этот миг до него донеслось со стороны грасилов: «Дурачок! Роун — болван!» Они все время так обзывали его, и Роун окончательно решил — этого больше не повторится! В конце концов, он сможет сделать такое, что им и не снилось, да и просто не под силу!

Роун заставил себя расслабиться, мускул за мускулом, как учила его мама, когда он злился или не мог уснуть. «Надо думать только об одном, — приказал он себе, — как перелететь на другую сторону и не смотреть вниз, на ущелье». И он еще раз, на глаз, мысленно прикинул, на сколько надо отвести сооруженный им канат.

Если повезет, все удастся сделать как надо.

С канатом в руках Роун отбежал как можно дальше, а затем, вцепившись в него изо всех сил, поджал ноги. В какую-то долю секунды он почувствовал себя частью огромного маятника. Раскачиваясь все сильнее и сильнее, он наконец заставил себя уловить ту наивысшую точку взлета, когда надо отрываться и лететь.

Ветер свистел в ушах, под ногами распахивало черную пасть бесконечное ущелье, но Роун видел только зеленую траву пастбища на другой стороне. И когда он вновь достиг точки наивысшего взлета, то отпустил канат. А затем, не будучи уверенным, получится или нет, заставил себя расслабиться, готовясь к приземлению...

И снова свист ветра в ушах. Потом удар ногами о землю и падение. Инстинктивно перекувырнувшись, чтобы уменьшить силу толчка, Роун едва ли заметил, что зацепился ногой о какую-то выемку. Не обращал он внимания и на то, что внутри у него все клокотало, словно там работали кузнечные меха. Он видел лишь растерянные лица грасилов! И ликуя, рассмеялся.

— Вот так-то, я перелетел через ущелье, и лучше, чем вы! — возбужденно выпалил он и вскочил, собираясь уйти. Подумаешь, ему ничего не стоит перепрыгнуть через какую-то там канаву!

— Вот так-то! — торжествуя еще раз повторил он и — упал, потеряв сознание.

Он приходил в себя медленно, с усилием прорываясь сквозь красные и зеленые вспышки боли, и ничего не мог разглядеть, кроме сверкающего солнца. Грасилы давно ушли, бросив его одного. Они решили, что он умер.

Но если это — смерть, то кто-то же должен о нем позаботиться. Кто? Да только папа с мамой, больше никому.

И Роун пополз, с трудом подтягиваясь на руках и помогая себе правым коленом. Его левая ступня пульсировала болью, волнами перекатывающейся по всей ноге до самого паха. Он с напряжением вглядывался в яркий солнечный свет, пытаясь определить направление пути. Нужно было проползти по раскачивающемуся мостику через ущелье, а затем миновать большую часть деревни, до самого дома.

Вниз и вверх по холмикам. Его покалеченная, напоминающая о себе нестерпимой болью нога беспомощно волочилась сзади. Роун хотел умереть дома. Или остаться жить, если папа сможет вылечить его. Только не лежать и ждать смерти там, где застала тебя беда, как это делали грасилы.

Ступня ударилась об острый камень, увитый колючим кустарником. Куст впился в волочившуюся ногу, как огромное насекомое. Как харон, впившийся в мертвую плоть погибшего грасила. Того грасила, что остался на дне ущелья. От одной мысли об этом Роуна затошнило и вырвало. Он хотел было отодрать колючий куст от ноги, но сил ему хватало лишь на то, чтобы ползти, ползти вперед...

Наконец он добрался до мостика. Здесь ползти стало труднее, намного труднее: ладони

скользили по гладким, потертым доскам, опасность соскользнуть вниз была велика, если помнить еще и о том, что мостик постоянно раскачивался.

Дерево обдавало горячей сухостью, жгло ладони, а колючий куст, впиваясь все глубже, зловеще шелестел, скреб по доскам.

Целую вечность полз Роун сквозь горячий туман, его больная нога горела, словно в ней полыхал факел. И когда он наконец добрался до дома, вполз на крыльцо и позвал родителей, он снова потерял сознание. Но даже в полузабытии он продолжал звать их на помощь.

— Выпей-ка это, — мама протягивала кружку с горячей жидкостью.

И Роун послушно выпил.

— Раф, — позвала Белла, — Он очнулся.

Появился папа, его фигура неясно вырисовывалась в проеме двери. Он всегда был таким большим, а теперь почему-то показался Роуну ниже мамы.

— Прекрати всхлипывать, Белла! — строго сказал он. — Я все сделаю как надо.

Роун почему-то больше обрадовался отцу. Может быть, оттого, что увидел он мать старой, морщинистой, как высохшие листья, которые гоняет ветер.

Раф тяжело сел, устраиваясь поудобней на стуле. Его согнутые ноги неуклюже вывернулись назад, а лицо с добрыми голубыми глазами оказалось рядом с лицом Роуна.

— Не бойся, малыш, — успокаивающе произнес он. — Все в порядке.

— Я разбился, папа, — внезапно что-то осознав, сказал Роун. — Как ты, — и снова расплакался.

— О боги! — только и выдохнула мама.

— Выйди из комнаты, женщина, — строго приказал папа, наклонившись и похлопав Роуна по плечу. — Я тебя вылечу, малыш. Замолчи, Белла. Я все сделаю как надо.

Раф осторожно ощупал ступню Роуна. Тот вскрикнул от резкой боли.

— Конечно, питье немножко поможет, малыш, — сказал отец. — Но все равно будет больно. Другого выхода нет, надо потерпеть.

Роуна бил озноб. Белла расплакалась:

— Не надо, Раф, не надо! Я не смогу этого вынести.

А потом папа стал что-то делать с его ногой, терпеть пронзающую дикую боль. Роун уже был не в состоянии, в голове носилась единственная мысль: «Я умираю. Отец убивает меня, убивает за то, что я разбился...»

Через несколько дней, когда Роун впервые вышел на улицу, стараясь щадить больную ногу, его заметили грасилы-семилетки.

— Да он жив! — крикнул кто-то из них, и все остановились, глаза на Роуна.

Сначала грасилы подошли к нему поближе, а потом испуганно отбежали в сторону.

— Ну, иди, давай иди, — подтолкнул Роуна отец.

Мальчик с опаской сделал неуверенный шаг.

— Не бойся, переноси на ногу тяжесть тела, наступай на нее. И старайся не обращать внимания на боль. Покажи-ка им, на что ты способен.

— Да он ненастоящий, — протянул один из грасилов.

— Конечно, он же умер, — добавил второй.

— И отец у него не настоящий! Посмотрите-ка на него! Да они оба мертвые, ходят тут среди живых...

И детишки снова попятились, возбужденно хлопая руками и разворачивая розовые мембраны развивающихся крыльев.

Один из них сорвал ярко-оранжевый стручок цветка, росшего в садике перед домом, и запустил им в Роуна, но промахнулся. Стручок шмякнулся о белую стену дома, оставив на чистой поверхности яркое пятно.

Второй грасил швырнул коричневый стручок, и Роун успел увернуться, но вот зеленый больно ударил ему прямо в левую бровь, его едкий сок попал в глаз и начал щипать.

Отец бросился за грасилами, но те со смехом, дразня его, разлетались в разные стороны. Раф, проклиная свои кривые кости и бесполезные мускулы, пытался поймать хоть

одного, но споткнулся и, не удержав равновесия, упал. На забаву грасилам он лежал в пыли и, словно беспомощная черепаха, никак не мог перевернуться, чтобы подняться.

— Старикан Роуна свалился! — распевали задиристо грасилы. — Роун — урод, колченогий... колченогий...

Они восторженно завывали и принялись швыряться стручками и комьями грязи. Что-то отчаянно крича, на крыльцо выскочила Белла.

И тут Роун забыл о своей ноге, он даже не чувствовал, болит она или нет. Бросившись к ближайшему грасилу, он вырвал у него из рук стручок и выдавил сок прямо ему в глаза. Затем поймал второго и сделал то же самое.

Их была целая компания, но дрались они поодиночке, им даже в голову не пришло напасть на него всем скопом. Роун справлялся с каждым из них по отдельности. Из всех сил пнув первого грасила, второго схватил он за горло, а третьему врезал так, что тот забыл, как его звали.

В конце концов те, кому от него еще не досталось, огрызаясь, удрали, а остальные остались лежать, смиренно ожидая смерти.

Тем же вечером перед едой Роун снял рубашку и внимательней, чем прежде, стал рассматривать себя в зеркале. Взярошил волосы, потыкал зубы. Потом, повернувшись, скрупулезно стал изучать спину, завел руки назад, ощупывая лопатки, чувствуя, как они двигаются под тонкой кожей.

Когда же Роун наконец спустился вниз, то, даже не взглянув на еду, опять спросил у родителей:

— Я — кто? Кто я? — Он много раз задавал этот вопрос, но до сих пор не получил на него обстоятельного ответа.

— Ты — человек, — повторил отец. — И не забывай об этом.

Он всегда отвечал именно так. Роун взглянул на дымящуюся тарелку с едой, но к еде не притронулся.

— Понятно, поэтому-то я такой глупый и ничего не умею.

Раф и Белла переглянулись.

— Наоборот, именно поэтому ты можешь то, чего не могут грасилы, — возразил отец, — или любой другой.

— Ты стоишь две тысячи галактических кредитов, — с гордостью произнесла Белла.

— Так много?

— Ты — особенный, — сказала Белла. — Очень особенный.

Роун думал о своем беловатом бескрылом теле, которое только что рассматривал в зеркале... о своем неумении копать и плавать — тогда как грасилы уже с рождения все это умеют и знают, и о том, что он не позволил себе умереть, когда разбился, и, наверное, этим он причиняет слишком много страданий своим родным...

— Вы же обманываете меня! — неожиданно выпалил Роун и убежал в свою комнату поплакать в одиночестве.

Но когда глаза просохли, он почувствовал, что голоден, и, спустившись на кухню, стал с наслаждением уплетать еду. А Раф, воспользовавшись моментом, вновь стал внушать ему мысль о том, какая же это великая честь — быть человеком... настоящего, земного происхождения.

Своей беседой с сыном Раф остался доволен. Он чувствовал, что с каждым годом Роун все больше тянется к нему, становится его другом. Но как же долг и мучителен этот трудный процесс взросления.

— Ты был рожден не для того, чтобы стать рабом или солдатом. Таких купить нетрудно, шах мог позволить себе приобрести подобных хоть дюжину. А вот ты был чем-то особенным...

— А когда у меня вырастут крылья? — спросил Роун, пытливо глядя в широкое загорелое лицо Рафа.

Тот только качнул тяжелой головой.

— Тебе не нужны крылья, малыш. У тебя есть кое-что получше — человечность...

— Послушай, только не пытайся объяснить ему все сразу, — вмешалась Белла, внося еще одно горячее блюдо. — Ему ведь только семь лет, даже если он и выглядит старше.

— Он достаточно взрослый, чтобы знать о своем происхождении. Он настоящий землянин, чистого земного происхождения, — торжественно повторил Раф. — Не какой-нибудь мутант, вроде меня, — он с гордостью кивнул на мальчика — И не гуманоид, как ты, мама. — Он наклонился к Роуну. — Когда-нибудь ты узнаешь, что это значит. Настоящий землянин — из рода, который заселил всю Вселенную, который когда-то очень давно построил грандиозную Империю.

— А я думал, все они вынуждены жить только на планете Земля, — вставил Роун. — Так сказал Тхой-хой.

Похоже, это несколько смутило Рафа.

— Да, но... ты — особый случай.

— А если я настоящий землянин, то почему мы должны жить в гетто, рядом с этими старыми грасилами и...

— Послушай, не стоит забивать себе голову разной дрянью, — резко оборвал его Раф. — Ты настоящий, это правда. Я могу так сказать, потому что видел картинки с изображением землян. Взгляни на себя: бледная, как ледяная пена, кожа и волосы цвета ягодного вина...

— Но тогда как же я попал сюда? И где остальные настоящие земляне и...

— Раф, я же предупреждала тебя, не стоит затевать подобные разговоры с маленьким, мальчиком

— Когда-нибудь, когда ты станешь старше, — сказал Раф, — мы еще поговорим с тобой об этом. А теперь давай ешь свой обед и запомни одно: ты можешь гордиться собой всегда и везде. Ты — землянин, и этого у тебя никто не в состоянии отнять.

Вскоре пришел Тхой-хой, чтобы уложить Роуна в постель.

— Я не хотел его расстраивать, — признался он Рафу, — своими рассказами о блокаде Земли и прочими древними легендами...

— Не оправдывайся, — сказал Раф. — Продолжай и дальше рассказывать ему все эти легенды. Я хочу, чтобы он знал историю человечества.

— Ну, Роун, тогда сегодня я расскажу тебе песнь о Серебряном Шейне, о воине, который в одиночку уничтожил ниссийский крейсер, пробравшись через пустой инжектор. Он держал в руках водородную бомбу до тех пор, пока она не взорвалась.

Наступила зима. Нескончаемые дожди, обильно поливавшие тамбульские холмы, столь нее обильно орошали и дырявую крышу дома Корнеев. Роун невольно вслушивался в звук бесконечно капающей воды, и этот методичный аккомпанемент водной трели не только мешал его чтению, но и доводил до иступления. Поистине, он стал последней каплей, переполнившей чашу его терпения, ибо Роун давно уже находился на пределе из-за угнездившегося в их доме затхлого запаха неустроенности и нищеты. Он ненавидел всеми фибрами души этот проклятый дом, который принадлежал им только потому, что никто другой не хотел в нем жить!

— На улице дождь, — рассеянно заметила Белла.

— В доме тоже дождь, — вызывающе бросил Роун и со злостью швырнул книгу через всю комнату — Я закончил.

— Ты еще даже не начинал, — сдержанно отреагировал Раф. — Сядь на место.

Роун был в отчаянии. Белла сжала побелевшие губы и принялась сдирать шелушащуюся кожу со своих рук. Раф пытался укротить характер сына, но это ему не удавалось. «Он красив, — подумал Раф. — Другого слова не подберешь. Действительно, красив. Высокий и крепкий для своих десяти лет, с пылающим от гнева лицом, с темно-рыжими локонами...»

— Почему я всего должен добиваться таким большим усилием? — вскричал Роун. — Мне надоело! Почему им не надо учиться? Они знают, как читать, едва глянув в текст!

— Они всего лишь грасилы, — спокойно возразил Раф. — Хароны, например, тоже знают, как строить домики из грязи. Это то же самое.

— А я хочу делать все, что умеют люди, без всякой учебы! Мужчина, стоящий две тысячи кредитов, хоть на что-то да должен же быть способен!

В бешенстве от бессилия Раф стукнул кулаком по своей ладони. Хотел бы он владеть словами так же, как своими руками.

— Я постараюсь тебе объяснить, хотя, честно говоря, даже не знаю, что сказать. Понимаешь, люди — исключительные существа, но это совсем не значит, будто им все дается легко. Ты, например, можешь делать то, чего не может ни один грасил...

— Но уж одного-то люди точно не делают — не читают! — перебил его Роун. — Я ненавижу чтение!

— Но ты же превосходно читаешь, — вставила Белла, — лучше, чем я или Раф. Ты умеешь читать книги грасилов, Вселенной и те земные рукописи, которые мы купили для тебя.

— Я и сам знаю, что он читает хорошо, — возразил Раф. — Но я хочу, чтобы он читал еще лучше Хорошо читать — это еще не все.

— И вовсе люди никакие там не исключительные, — наступал Роун. — Они просто...

— Ну ладно, хватит, малыш, — резко остановил Роуна Раф.

Он качнулся на стуле, наблюдая, как Роун елозит ногой по лужице натекшей воды. Белла открыла шкаф с глиняной посудой и достала миску, чтобы подставить под струйку, стекавшую с потолка.

— Может быть, ты не способен заниматься науками? Тогда мы отправим тебя в школу юнг.

Раф нахмурился, наблюдая, как Белла вытирает пол кухонным полотенцем.

— Конечно, он может заниматься науками. Он даже не запинаясь на сложных словах, которые никогда не встречаются в грасильской письменности Любой грасил, овладевший семьюдесятью процентами грамоты, идет в науку. А Роун уж сейчас достиг этого.

Белла с трудом поднялась с пола и вытерла шелушащиеся руки о то же кухонное полотенце. Она взглянула на Роуна и прикусила губу. Этот ее привычный жест и сейчас не потерял своей привлекательности.

— Он ведь так много работает, Раф. Может быть, ему просто надо немного отдохнуть? Роун тут же направился к двери.

— Эй! Ты куда это собрался, сын? Роун вызывающе глянул на Рафа.

— Я собираюсь сделать то, что умеют люди и не умеют грасилы. Но это не чтение и не полеты.

С этими словами он выскочил на улицу под дождь.

— Раф, верни его!

— Не беспокойся, Белла. Он — человек и знает, что делает, даже если и сам об этом не подозревает

Они сидели возле узкого пластикового запотевшего окна и в ожидании наблюдали за проливным дождем, который поливал мусорную кучу. Они больше не испытывали нежных чувств друг к другу Теперь они любили только мальчика.

Десятилетние грасилы с шумным весельем играли под дождем в атакующий мяч. Роун взобрался на холм и заметил их компанию. Это, в общем, простая игра. Надо было удерживать мяч в тот момент, когда на тебя пикирует грасил, старающийся вырвать его из твоих рук. При этом того, кто терял мяч, пытались скинуть в протянувшуюся вдоль рощицы канаву, полную грязи. Грасилы играли друг с другом, летая между редкими деревьями.

Роун легко перепрыгнул через канаву и направился к ним. Увидев его, грасилы обрадовались Один из них швырнул Роуну мяч, а четверо сразу бросились на него и в одно мгновение опрокинули навзничь прямо в канаву.

— Отлично, — обрадовался и Роун, выбираясь из грязи. — Я только хотел убедиться, что вы приняли меня в игру.

Совсем рядом росло молоденькое деревце с пурпурными плодами. Роун отыскал прямую лиану и отрезал от нее довольно длинный кусок, сделав скользящий узел на одном из его концов. Свернув лиану кольцами и закинув ее за пояс, он вскарабкался на молоденькое деревце. Оно согнулось под его тяжестью, вершиной достав до земли. Это-то и надо было Роуну. Он быстро привязал лиану к верхушке и притянул ее к основанию ствола, выгнув деревце дугой. В руках у него еще оставался довольно большой запас лианы

Грасилы со смехом собрались вокруг.

— Глупая игра! — кричали они. — Так никто не играет!

— Играет, — откликнулся Роун. — Сейчас увидите

— Ну-ну, — усмехнувшись, сказал грасил, у которого в этот момент был мяч.

Он спустился было к нижней ветке дерева, но тут второй грасил напал на него и, отбросив мяч, бросился наутек. Он как раз пролетал над головой Роуна, когда тот ловко крутанул свою лиану и накинул петлю на ногу грасила, а потом с восторженным воплем подтащил его к себе.

Роуну ничего не стоило отобрать мяч и кинуть его другому грасилу. Затем он привязал своего пленника к деревцу и отпустил веревку. Тот, как снаряд, пронесся над рощицей, перелетев через канаву.

Роун без труда снова взобрался на деревце и пригнул его, затем сделал новую петлю на своем лассо и поймал следующего грасила, которому пришлось проделать тот же путь.

— Похоже, я выигрываю, — со смехом заметил Роун, привязывая к деревцу третьего грасила и отпуская веревку. Этот плюхнулся прямо в канаву, выбрался из грязи и заковылял домой.

Грасилы могли бы летать намного выше, где бы их не достало лассо Роуна, или отлететь в другое место. Но именно здесь была площадка для игр, и им даже в голову не пришло нарушить заведенный порядок.

Роун расправился еще с двумя грасилами.

— Сдается? — спросил он остальных.

— Но ты все равно не сможешь выиграть, ты ведь даже не умеешь летать, — возразил один из них.

И они продолжали играть по прежним правилам, даже не попытавшись отобрать у Роуна его лассо или помешать манипуляциям с деревцем.

Очень скоро Роун расправился и с оставшимися. На площадке никого не осталось, никого, кроме Кланса. Из-за своего дефекта он так и не научился летать, а потому только издали наблюдал за играми своих сверстников.

— Забавно, — дружелюбно заметил Клане. Роун забросил лиану в канаву, оглядел площадку, где только что играли в мяч.

— Я все-таки победил, — горделиво произнес Роун, вытирая грязные руки о штаны.

Довольный собой, он усмехнулся и пошел домной тренироваться в чтении.

Глава третья

Роун сидел на крыльце, держа на коленях большую, в яркой дорогой обложке, книгу, которая называлась «Герои Древней Земли». Он внимательно рассматривал находящиеся внутри картинки с изображением людей, кораблей и огромных городов, застроенных высокими зданиями. Книга была старая, очень старая. Некоторые страницы были уже утеряны. А вот иллюстрации сохранили свою красочность.

— Эй, идем с нами, — крикнул кто-то совсем рядом.

Роун оторвался от книги. Перед ним стоял Клане, его друг.

— Куда? — удивленно спросил Роун.

— Куда! — Клане хлопнул своим единственным бесполезным крылом.

Черное чешуйчатое лицо грасила выражало возбужденность, янтарные глаза искрились.

— Весенний брачный сезон. Все собираются в роще.

Бледное лицо Роуна вспыхнуло до корней волос.

— Не смейся, — смутился он. — Но... все равно, приятного полета.

И хотя это чистосердечное, хоть и бестактное пожелание могло показаться Клансу обидным, Роун позволил его себе, так как давно заметил, что грасил не видит в подобном большой обиды.

— Да, конечно... я не такой, как другие, — все-таки произнес Клане, но сразу же умолк.

Впрочем, Кланс заблуждался — как грасил он был красив и хорошо развит для своих четырнадцати лет. В детстве, пока отсутствие крыла не играло заметной роли, его выделяли среди прочих грасилов.

— Идем же, Роун, — снова принялся он уговаривать его.

— А что я там буду делать? — удивился землянин — Ведь я вряд ли сумею поднять женщину на дерево.

— Ну... крылья для этого вовсе не нужны. Во всяком случае, я надеюсь. Погляди-ка на меня. — И он поднял свою правую бескрылую руку.

Но Роун уже представил себе до осязаемости отвратительную сценку: с вожденными намерениями он приближается к черной грасилке, а та, хрипло крича и сильно хлопая крыльями, отталкивает его еще и унижающей насмешкой...

— Нет, — решительно заявил Роун, — я даже не стану пытаться.

И порадовался тому, что и впрямь не испытывает к подобной женщине никакого влечения...

— Но тебе уже четырнадцать! — упорствовал Клане. — Что ты собираешься делать?

— Повременю, — сказал Роун.

— Зачем? — спросил Клане, но не дождавшись ответа, бросился вслед за проходившей мимо компанией хохотавших грасилов.

Роун проводил их взглядом, а потом уставился на облака, пытаясь нарисовать в своем воображении человеческую женщину. Припоминая портреты и описания, содержащиеся в книгах, он старался воссоединить разрозненные впечатления и штрихи в единое целое, однако этого ему не удавалось сделать — каждый раз, когда ему казалось, будто он уже близок к разгадке, едва возникающее видение неизменно ускользало от него. Ведь человеческие женщины совсем не такие, как мама, думал Роун, они как... Но нужных слов Роун не мог подобрать — он просто многого не знал.

День уже клонился к вечеру, а Роун все сидел и размышлял о человеческих женщинах, потом о мужчинах, древних городах... и героях, которые покинули своих женщин, чтобы найти новые миры обитания, но так и не вернулись домой, погибнув на этом непроторенном пути.

Молодые грасилы уже давно исчезли в роще. Первая луна все еще бледным пятном висела в небе, становясь все ярче и ярче. Вскоре взойдет серп антилуны, и церемония начнется. Роун мысленно пожелал Клансу самого хорошего, надеясь, что женщина не станет сильно смеяться над ним и над его рукой без крыла.

В сторону рощи, что-то возбужденно обсуждая и смеясь, направилась еще одна группа молодежи. Но это были не грасилы.

В наступивших сумерках Роун пытался их разглядеть. Поняв, что это веды, заинтересовался — что делают они здесь, на окраине города, так далеко от своего богатого квартала?

— Может быть, убили какого-нибудь веда? — уже вслух полюбопытствовал Роун.

Он обратился к матери, стоявшей в дверях, — она умудрялась быть в курсе всех новостей, однако предпочитала о них не распространяться.

— Если и убили, — равнодушно сказала она, — мне незачем об этом знать, а тебе и тем паче. Идем лучше ужинать, ведь не собираешься же ты торчать здесь всю ночь, привлекая внимание всякой дряни...

Но Роун продолжал сидеть, наблюдая за проходившими мимо ведами. Их чешуйчатые

одежды поблескивали даже при вечернем тусклом освещении Шествовали они прямо, почти как люди, беседуя на своем языке.

— Это дети, — наконец сделал вывод Роун и пошел в дом, — приблизительно моего возраста.

— Им около пятидесяти, — уточнила мама, накладывая тушеные прозрачные зерна в тарелку — Они еще только подростки.

— Один из них — аристократ. Я успел заметить радужный квадрат на его щеке.

Роун задумался. Ну и великолепная же у этих ведов жизнь. Красивые дома, шикарные сады, бесконечные игры в ямки и цветные шары, и живут почти вечно.

— А когда я умру? — поинтересовался Роун. От неожиданности отец выронил нож с насаженными на него пурпурными плодами.

— А почему ты спрашиваешь об этом?

— Да так, просто подумал. Вот веды, к примеру, развиваются до бесконечности, грасилы умирают сразу, если разобьются. Ну а как же я?

— Видишь ли, Роун, я никогда не уходил от твоих вопросов, — сказал отец. — Отвечу тебе и сейчас — ты будешь жить долго. Вот смотри, мне уже сто восемьдесят, но у меня еще уйма лет впереди. Ты же будешь жить еще дольше потому, что ты настоящего земного происхождения, малыш

— Но это ведь если я не покалечусь или что-нибудь в этом роде, правда? А если со мной что-нибудь случится, я же умру?

— Конечно, — задумчиво произнес Раф, поднимая с пола нож, но я привлеку твое внимание к одной известной древней-древней истории. Когда-то давно, еще в начале времен, девять богов создали все виды разумных существ, а потом спросили их, что предпочли бы они — длинную жизнь или славную. Только человек выбрал славную жизнь и потом всегда этим гордился.

С улицы донесся звук шагов, и Роун, подойдя к темному окну, увидел еще одну группу ведов, которая тоже направлялась к роще. Той самой роще, где когда-то, с помощью лассо, он победил грасилов в игре с мячом и где теперь у них совершалась брачная церемония. То деревце наверняка давно уже выросло, и Клане взберется на него, чтобы потом, метнувшись вниз, поймать свою женщину.

Свет луны теперь казался желтовато-розовым, и куча мусора под окном сияла, словно груда драгоценностей. «Ведовские отбросы», — с неприязнью подумал Роун.

Ненависть к ведам заставила Роуна чуть лучше относиться к грасилам.

— Чувствую, сегодня ночью случится беда, — вдруг вымолвил он, заканчивая ужин.

Раф молча достал молоток и забил все окна досками.

— Подожди, — сказал Роун, когда Раф принялся забивать дверную задвижку.

Он аккуратно вытер нож и засунул его за веревочный пояс, потом приподнял рубашку, освобождая ноги. Раф внимательно следил за сыном.

— Там Кланс, — пояснил Роун. — Я скоро вернусь

— Подожди-ка, сынок... — начал было Раф. Но Роун уже исчез в лунном свете теплой весенней ночи.

— Зачем ты рассказал ему эту глупую историю? — укорила его Белла, чувствуя себя несчастной при одной мысли о том, что однажды Роун может не вернуться домой.

— Потому что это правда, — отозвался Раф.

Роун знал кое-что, о чем представления не имели веды. Он был знаком с каждой хибарой, каждым камнем, канавой или мусорной кучей в этом грязном закоулке. Едва он вышел из дома, как заметил еще одну группу, направлявшуюся к роще; он нырнул в проход между нагромождениями мусора. Тихо беседуя на своем свистящем языке, веды прошли совсем рядом с Роуном, и, хотя он совершенно не понимал их языка, ему все-таки удалось уловить два знакомых слова «грасил» и «луна».

Компания состояла из одних детей, значит, собирались они просто поразвлечься, а не на охоту, чтобы отомстить грасилам за какое-нибудь их преступление. Десять полукровок за

одного веда — таким законом руководствовались веда.

В разряд полукровок включались все, кроме самих ведов.

А тогда это что — детская забава или тренировка?

Роун дал возможность компании уйти вперед, а затем двинулся в ту же сторону, только задними дворами. Взорвавшись на холмик, который возвышался над оврагом, Роун увидел забавляющихся грасилов.

Они бегали между деревьями по рощице, в мерцающем свете луны, и Роун слышал их высокие пронзительные выкрики. Сейчас они не думали ни о чем, кроме своих забав. Роуну даже показалось, будто в сумеречном свете ночи на молоденьком деревце он сумел разглядеть Кланса, хлопавшего единственным своим крылом. И еще ему привиделось совсем уж нечто странное: словно с вершины высокого дерева за всей этой суетной внизу спокойно наблюдает какая-то белая фигура.

Но вдруг Роун понял, что веда, окружив рощицу, уже были готовы к атаке. И тогда, набрав полную грудь воздуха, Роун что было сил закричал с вершины холмика:

— Осторожно!

Грасилы в панике заматались по роще, стали взлетать на деревья. Веда действительно начали стремительную атаку, но, похоже, никто из них так и не отметил, что предупреждающий крик раздался не из рощи. Тем временем Роун легко перемахнул через канаву и спрятался среди деревьев. Роща буквально кишела разъяренными ведами, намеревавшимися при помощи своих острых, как бритва, когтей на земле расправиться с грасилами. Теперь же, когда грасилы взобрались на вершины деревьев, ведам стало трудно осуществить задуманное, тем более насладиться прелестью легкой победы.

Роун осторожно пробирался к ближайшему дереву вдоль края сухой канавы, когда почувствовал на своем бедре впившиеся в него крючковатые когти веда. В мгновение ока Роун выхватил из-за пояса нож и с силой всадил его в грубую плоть врага. Когтистые руки разжались. И этот короткий миг дал Роуну возможность сориентироваться и взобраться на дерево. Он примостился на толстой ветке, вслушиваясь в отчаянное хлопанье крыльев и пронзительные крики грасилов. Веда же, собравшись вокруг своего раненого товарища, что-то возмущенно обсуждали. Ни один грасил не смел применить оружие против веда.

Улавливая смысл некоторых знакомых слов, Роун понял, что они отправились на охоту без разрешения взрослых, а потому и не могут пожаловаться родителям на наглость грасилов. Они хотели сами наказать дерзких грасилов, но взобраться на деревья из-за своей неуклюжести не могли. Швырять же камни было бессмысленно.

Тогда несколько ведов ухватились за ствол тонкого деревца, на ветвях которого висели три грасила, и принялись его раскачивать. В паническом ужасе грасилы хрипло кричали, продолжая цепляться за ветви. Но когда дерево раскачалось слишком сильно и удержаться на нем не было никакой возможности, один из грасилов упал, даже не сделав попытки взлететь. Веда ликовали. Они тут же схватили упавшего грасила, и Роун заставил себя отвернуться, чтобы не видеть его ужасной смерти.

— Перелетайте на другое дерево! — крикнул он двум грасилам, оставшимся висеть на тех же ветвях. — И ничего не бойтесь! Вы же умеете летать!

Да, они действительно умели летать. Но, скованные страхом, они могли только цепляться за ветви и кричать. Это укоренилось в них, возможно, это был их инстинкт, и изменить себя грасилы не могли, даже во имя спасения собственной жизни.

Еще один грасил свалился с дерева. И тут, сообразив, в чем дело, веда быстро рассыпались по всей роще.

— Перебирайтесь на более толстые деревья! — продолжал кричать Роун. — Они не смогут их трясти!

Но ни один грасил не сдвинулся с места. Разочарованный и обозленный беспомощностью грасилов и вознегодовавший на тупую жестокость ведов, Роун вдруг спохватился, вспомнив о Клансе. Где он сейчас? Наверное, все-таки успел спастись на каком-нибудь большом дереве.

— Кланс! — позвал он, но не дождался ответа.

Скорее всего Клане просто не слышал его, как и остальные грасилы, размышлял Роун, висит на какой-нибудь ветке и кричит от ужаса. Впрочем, он всегда несколько отличался от других, может быть, и на сей раз не поддался общей панике.

Дерево, на котором сидел Роун, стало раскачиваться. Он огляделся, ища лиану, с помощью которой смог бы перебраться на какое-нибудь другое, с более мощным стволом, но ее не было. Раздосадованный своей оплошностью, Роун взвешивал, как ему действовать. Он легко встал на ветку, держась одной рукой за соседнюю и не забывая глядеть вниз, на ведов — с их ликующими белозубыми улыбками и плавными покачивающимися темными гребешками на головах.

Он заметил, как что-то упало одному из них прямо в руки. От неожиданности веды замерли, и Роун успел разглядеть белое тельце. А вдруг это человеческий ребенок, мелькнуло в его голове, и в тот же миг он прыгнул.

Роун оказался на спине того самого веда, который держал кричащее белое существо, и с ходу, не раздумывая, глубоко всадил нож в его правый глаз. Тот упал замертво.

В том же темпе Роун выдернул нож и вскочил на ноги, белое существо, повиснув на шее, всем телом прижалось к нему. Если бы веды бросились на него, ему трудно было бы обороняться. Но они и не собирались этого делать. Веды в ужасе удирали, потому что на их глазах он ранил одного из них и убил другого. Им много раз приходилось видеть смерть грасилов, но они даже помыслить не могли, что кто-нибудь посмеет поднять руку на них самих.

С озлобленным ожесточением они бросились мстить остальным грасилам. Это было безопаснее.

Роун с трудом оторвал от себя белое существо и тут разглядел его. Им оказалась белая грасилка.

— Я не мертва? — удивилась она. Как только исчезала опасность, страх у грасилов проходил. — Я думала, что разобьюсь, и приготовилась умереть... а теперь, выходит, я еще жива.

— Ты полукровка? — поинтересовался Роун. — Или мутант?

— Я — альбинос, — призналась она. — А ты спас меня, верно?

Какое-то время они молчали, разглядывая друг друга в слабом свете луны. Только что избежав подстерегавшей их опасности, они внезапно почувствовали, будто тесно связаны друг с другом. Сами того не понимая, они попытались в своем сознании преодолеть пропасть разделяющей их чужеродности.

— Теперь я принадлежу тебе, — сказала она, прижимаясь к Роуну.

Он обнял ее и поцеловал в холодные губы. И в эту секунду тревожная тьма, разъяренные веды и умирающие грасилы — все отошло на второй план. Он словно потерял связь с самим собой, ощутив единственной реальностью эту нежную грасилку, белеющую в лучах лунного света. Воздух сотрясали отчаянные вопли умирающих грасилов, но Роун слышал только ту музыку, которая в нем сейчас звучала.

— Его звали Клане, — задумчиво произнесла грасилка. — Я собиралась стать его женщиной, но теперь...

— Клане?! — невольно выпалил Роун, и ощущение прежней реальности вернулось к нему.

— Да, Клане. Но я его выбрала только потому, что никто другой меня не хотел. А теперь это не имеет никакого значения.

— Не имеет значения?! — он грубым рывком поставил ее на ноги.

— А ну-ка, покажи, где это случилось! Покажи, где Клане!

И чувство вины захлестнуло его. Он даже не слышал, что происходило вокруг! Да он еще хуже грасилов! Те просто не могли помочь друг другу, а он-то мог!

Он заметил, что веды стали покидать рощу. То ли им надоела такая забава, то ли наступило время возвращаться, чтобы родители не заметили их отсутствия.

— Он там, — рукой указала белая грасилка. — А что ты хочешь от него?

Последний вед хлестко ударил Кланса и исчез в темноте между деревьями. Роун опустился на колени перед умирающим грасилом.

— Клане, я не мог тебя найти, прости!

— Я разбился, — отрешенно произнес Кланс, глядя в пустоту невидящими глазами. — Но у меня была женщина, Роун.

— Я привел ее тебе, — сказал Роун, вставая и подводя грасилку к Клансу. — Ты можешь умереть у нее на руках, если хочешь...

— Это было глупо, — равнодушно сказала она, когда грасил умер.

Остальные грасилы спустились с деревьев и продолжили прерванную брачную церемонию.

Роун вышел из рощи и направился к большой мусорной куче, которая высилась на окраине гетто. Он взобрался на нее, сел и, глядя на убогие трущобы, снова попытался представить себе образ человеческой женщины.

Глава четвертая

Здесь, на верхотуре, куда забрался Роун, было так высоко, что даже верхушки деревьев маячили где-то далеко, совсем внизу. Здесь ветер зло хлестал песчинками, оставляя на коже болезненные царапины, прямо как грасил, безжалостно швыряющийся клубнями цветов. Зато отсюда Роун мог разглядеть ослепительно броские слова афиши над воротами арены: «Великое Ворплишское Экстраваганзоо! Прославленное в Восточном рукаве Галактики! Антрепренер Гом Балж представляет: легендарные крылатые летуны! Грандиозные, непревзойденные пловцы! Наводящие ужас Волосатые Метатели! Изумительное зрелище прыгающих живых форм! Битва Беспозвоночных! Бескрылые Кудесники Разума, Ужасающие Клыкастые Борцы! Смотрите Железного Роберта, сильнейшего из живых существ. Стеллеры — самое привлекательное существо в Галактике! Спарлерон — самый уродливый во всей Вселенной! Вход — десять галактических кредитов плюс налог».

Рука Роуна невольно потянулась к кредитному кодеру, но тут же отдернулась по воле хозяина, прекрасно понимавшего, что покажет ему балансый датчик. Ведь этот пятикредитный счет, который Роун недавно открыл благодаря небольшому заработку в магазине, был полностью им израсходован на дерево для резьбы. Как видно, придется довольствоваться только тем, что оказалось доступным, но отнюдь не желанным. Ведь даже шумовая какофония едва долетала сюда, а уж о том, чтобы видеть происходящее на арене, и говорить не приходилось — грязное ее покрытие было отгорожено от посторонних глаз деревьями и высокой стеной, хоть и порядком осыпавшейся от древности, но по-прежнему достаточно крепкой.

Правда, на другой стороне росло большое белоствольное дерево-недотрога... как раз рядом с кварталом Соэти, который раскинулся почти до самой этой стены. Но отец запрещал Роуну даже нос туда показывать. Однако на сей раз Роун и не собирался этого делать, ему просто надо было проскочить через квартал.

Уже минут через десять, тяжело дыша, Роуну удалось пролезть под нижними воротами. Он убедился, что на ближайших балконах нет ни одной старой грасильской переноски, и проворно вскарабкался на крышу одного из домов, уцепившись за древнюю зеленую черепицу. Снизу доносилось гремяние кастрюль, какие-то ленивые выкрики, хлопанье дверей. Послеобеденная сиеста заканчивалась. Но квартал был пуст — многие отправились смотреть Экстраваганзоо. Роун легко пробежал по наклонной крыше, перепрыгнул через забор между домами и двинулся дальше. Ему пришлось проползти под вырезанными из дерева фигурами дьяволов, затем нырнуть под карниз, проехать по навесу вниз и снова взобраться по резному фронту следующего дома на крышу. Потом он миновал выстроившийся ряд вырезанных из дерева Богов ветра и оказался у глянцево-черной стены. Он прыгнул на дренажный сток, спустился вниз по желобу и быстро соскользнул на землю,

прямо в грязь. И тут Роун смог наконец улыбнуться — за долгие годы жизни с грасилами он почти научился летать.

Подкоп под стеной был забит камнями и колючим кустарником, заброшенным сюда ветром. Роун уже и не помнил, когда в последний раз пользовался им, пробравшись в квартал с Йоппом, фустианским яйцекладущим. За это время он сильно вырос, ну прямо как соэtti, так сказал однажды Раф, ворча по поводу его разлезшихся новых ботинок...

Но вот наконец проход расчищен. Роун тотчас стал втискиваться в него, подтягиваясь на руках; затем, добравшись до его вертикального поворота, выпрямился и, упираясь ногами в стенку, выбрался наружу.

Йодистый запах ударил в ноздри еще до того, как Роун оказался на поверхности, в оранжевом свете туманного солнца, пробивающегося сюда сквозь натянутую над кварталом огромную сеть. Именно эта сетка помогала обитателям Соэtti поддерживать у себя особый микроклимат.

Роун вдохнул полной грудью, почувствовал прилив сил и, быстро вскочив, побежал к влекущей его стене. Он уже преодолел половину пути, когда огромный, почти пять футов в высоту, соэtti в тяжелых доспехах появился из лачуги. Он загородил дорогу и угрожающе расставил свои мощные клешни. Замедлив шаг, Роун остановился, внимательно наблюдая за движениями фиолетово-пятнистых клешней. Руки соэtti казались хилыми и худыми по сравнению с массивностью фигуры, но Роун знал, что этому существу ничего не стоит переломить хромолитовую тарелку толщиной в четверть дюйма.

А из лачуг выглядывали поблескивающие фасеточные глаза соэtti, нырявшие в темноту всякий раз, как только Роун обращал на них свой взгляд. Воин в доспехах сделал шаг вперед, клешни его щелкали словно пистолетные выстрелы. Тогда не спеша Роун поднял ветку колючего дерева буду и махнул ею перед самым носом соэtti. Непроизвольно отпрянув назад, тот угрожающе зашипел, однако Роун не собирался отступать и продолжал энергично размахивать веткой. Когда же внезапный бросок соэtti позволил его клешням сомкнуться на палке Роуна, тот резким рывком сбил горе-воина с ног, перепрыгнул через поверженное тело и со смехом удалился с места непредвиденного сражения...

Дерево-недотрога, около трех метров в обхвате, напоминало колонну из прочного белого камня, усыпанного острыми, как кинжалы, кристаллами извести. Карабкаться по нему было нетрудно — работая коленями и локтями, Роун даже не прикасался к шипам, а единственная ветка, достигавшая стены, хоть и не отличалась большой толщиной, все-таки могла выдержать его, семнадцатилетнего.

Преодоление первых пятнадцати футов не представило для него никакой трудности — шипы были достаточно толсты, на них даже можно было наступать. Другое дело дальнейший подъем, он чреват был не только препятствиями, но и оказался опасен. Неожиданно под ногой надломился шип; чтобы удержаться, Роун инстинктивно вцепился в острый конец другого, и тотчас острая боль пронзила ладонь. Роун заставил себя осторожно разжать кулак — чуда не произошло, ладонь кровоточила. Роун вознегодовал на себя — он действовал совсем как тупоумный соэtti, схватился за что попало! Но тот же не в состоянии контролировать себя, а ты-то можешь! И должен! Роун был вне себя от отчаяния.

Он снова ощутил дыхание смерти, как в тот день, когда сломал ногу. И все же что-то отличало его от того, прежнего Роуна. Сейчас он уже мог кое-что сделать, хотя бы заставить себя забыть о пораненной руке. В какой-то мере это ему удавалось, и он продолжал карабкаться вверх по стволу, продолжал держаться. Сейчас больше всего на свете он боялся поранить ногу, а такая опасность подстерегала. Протянувшаяся над стенной ветка была покрыта чешуйчатой корой, которую приходилось сдирать перед каждым шагом, окровавленная рука все время скользила и при падении не смогла бы его удержать. Он в очередной раз вытер ладонь о рубашку и снова стал карабкаться вверх.

А ветка с каждым шагом все больше и больше оседала, качаясь под его ногами. Да, конечно, Раф прав — он растет уж слишком быстро, подумал Роун, отметив, что конец ветви уже дотронулся до края стены и заскользил еще ниже. Яркие голубые листья мягко

зашуршали по выветренной каменной кладке. Однако пройти оставалось совсем немного. Пронзительные и глухие звуки, несущиеся с арены, теперь перекрывали многоголосый гомон толпы, а бело-голубые диски дуговых ламп, сверкавших над пыльной ареной, уже хорошо были видны Роуну.

Последние несколько ярдов он преодолевал с трудом. Острые колючки на ветвях запросто могли пронзить тонкие подошвы его башмаков. Существовала и другая опасность: если сук сильно провиснет, Роуну не удастся дотянуться до стены. Но тут неожиданно пригодился опыт игры с грасилами — теперь-то Роун прекрасно знал, какой вес может выдержать подобная ветка.

Осторожно балансируя, Роун принялся медленным скольжением раскачивать ветвь вверх и вниз, а затем, в момент подъема, прыгнул, ухватился за край стены, потом подтянулся и лег ничком на пыльную поверхность, еще горячую от жаркого дневного солнца.

Он разжал кулак — кровь, перемешавшись с грязью, перестала течь. Теперь по крайней мере удовольствие не будет испорчено. Роун специально похлопал ладонью по пыли, подполз к краю стены и глянул вниз, на сияющий круг арены...

Рвущиеся снизу звуки тяжелой волной ударили ему в лицо: раскатистый рокот огромной толпы, лязгающее шумовое сопровождение, шуршание чешуйчатых и кожистых тел, шарканье башмаков, скрежет когтей, клешней, копыт... Наконец крики зазывал и торговцев...

Темнело. Двадцатью футами ниже, под Роуном, раскинулось колышущееся море толпы, вздымающееся бушующими красками у проходов. На арене, гуськом, двигались быки-дьяволы в украшенных драгоценностями доспехах, рядом какое-то огромное рогатое существо, с цепью на одной ноге, выделявало кульбиты в сложном танце, и тут же топталось чудовище в клетке, широко разезая двойные челюсти.

Затаив дыхание, Роун наблюдал за процессией золотокожих существ в алых халатах, вышедших на обозрение из мерцающей огнями арки. Они рассыпались, образуя круг, скинули свои одежды, а потом быстро выстроили живую пирамиду. Через несколько секунд пирамида распалась, золотокожие существа раскланялись перед публикой и волной отхлынули к стене...

Нет, надо подобраться поближе. Роун стал изучать полуразрушенную стену, вплоть до огромной арки на дальнем ее конце, которая черным пятном выделялась на фоне люминесцирующего янтарного блеска. Конечно, ничего не стоило спрыгнуть вниз, однако был риск свалиться на раздраженного грасила или широкоскулого йилианина.

Роун двинулся вперед, осторожно ступая между камнями. Почти совсем стемнело. Впереди он ясно различил линию тяжелого прогиба толстой цепи, прикрепленной к массивному железному подъемному вороту. Поднявшись наверх, Роун взглядом смерил дугу цепи — вроде бы не сложно: основание башенки, к которой она крепилась, было прикрыто гроздьё дуговых ламп. Если спуститься там, вряд ли кто заметит...

Роун уверенно ступил на туго натянутую цепь: она оказалась довольно устойчивой опорой, идти по ней было намного легче, чем по раскачивающейся ветке.

На него не только не обратили внимания, но даже не взглянули в его сторону.

Пройдя над толпой, Роун добрался до башенки и быстро скользнул вниз, но тут чья-то рука железной клешней сомкнулась на его лодыжке. Роун глянул вниз и увидел похожую на потертый башмак морду, за ушами которой подрагивали жабры.

— Спускайся, спускайся, — произнес уродец, голос его резонировал глухим эхом. — Здорово-во я тебя-бя поймал-ал...

Роун удержался на руках и попытался высвободить ногу. Не тут-то было! С таким же успехом он мог бы пытаться выкорчевать вековое дерево.

— Дай сойти, — как можно жалостливее попросил он, словно смертельно боялся этого существа с потертой мордой.

— Ты сейчас-ас отправишься-ся к боссу-су...

Железная трехпалая рука ярко-зеленого цвета дернула Роуна за ногу, и Роун услышал хруст своих костей. Но несмотря на боль, он все-таки удержался.

— Ты хочешь-ешь, чтобы-бы я оторвал-ал те-бе-бе ногу-гу? — эхом прозвучал глухой голос.

— Ладно, — притворился Роун, сделав вид, что сдался.

Он стал осторожно спускаться и, когда свободная нога оказалась на уровне уродливой морды, с размаху пнул ненавистное существо в глаз. Пальцы того разжались, и Роун прыгнул прямо в пыль, повернулся, готовый нырнуть в сторону... и упал под натиском огромного верзилы в доспехах, который сдавил его своими кряжистыми руками, очень похожими на корни мощного дерева.

В большой палатке, куда привели Роуна, было темно и душно, пахло морскими водорослями и дымом. Он стоял навтыжку, стараясь не думать об онемевших от железной хватки руках. За спинной уже знакомое чудище хлопало жабрами и помаргивало вздувшимся глазом.

— Оу-оу, — стонало оно не переставая. — Оу-оу.

Другое существо, восседавшее за большим поцарапанным черно-коричневым столом, уставилось на Роуна огромными карими глазами, которые расположились в восьми дюймах друг от друга на голове, по размеру не уступающей вместительной лохани; голова возвышалась над огромным телом, очень похожим на бочонок в сто галлонов. Длинные руки с невероятным количеством пальцев потянулись к коробке, извлекли толстую коричневую сигару, тщательно ее размяли и воткнули в широко разинутый рот, который неожиданно обозначился прямо над карими глазами.

— Что-то вроде землянина, не так ли? — донесся басистый голос откуда-то снизу. Роун нервно сглотнул.

— Земного происхождения, — с трудом выдавил он, хоть и пытался говорить с гордостью. — Настоящего земного происхождения, — поправил он самого себя.

Огромные глаза качнулись.

— Я видел тебя на стене. Никогда раньше не доводилось наблюдать, чтобы землянин вот так запросто разгуливал по проволоке.

Казалось, голос шел откуда-то из-под пола. Роун присмотрелся, уловив мелькание свернутых бордовых щупалец. Он перевел взгляд на голову существа. Один карий глаз смотрел на него, второй — на чудище с жабрами.

— Тебе не стоило нападать на Айска, — прогремел басистый голос. — Спокойно, Айск, — испытующий взгляд карего глаза снова вернулся к Роуну. — Сними-ка тунику.

— Зачем?

— Я хочу посмотреть, какие у тебя крылья.

— У меня вообще нет крыльев, — равнодушно бросил Роун. — У настоящих землян крыльев не бывает.

— Дай-ка я посмотрю на твои руки.

— Он же их держит.

— Отпусти его, Айск.

От пристальных карих глаз не ускользнуло, как Роун разжал и снова сжал руки, поскольку на ладони снова появилась кровь.

— А ноги, — прогудел басистый голос.

Роун скинул башмак и поставил ногу на стол, пошевелил пальцами и снова водрузил ногу на место.

— Ты ходил по проволоке этими ногами? Роун не посчитал нужным ответить.

— Что ты делал наверху?

— Пробирался на представление без билета, — буркнул Роун. — И почти пробрался.

— Тебе нравится мое маленькое шоу, а?

— Я, пожалуй, его еще и не видел. — наглый землянин, а знаешь ли ты, кто я такой?

Роун отрицательно качнул головой.

— Я — Гом Балж, антрепренер второго класса, — одна из толстых рук взмахнула сигарой. — Я — владелец Экстраваганзоо. Ну а теперь, юный землянин, — тяжелое тело, водруженное на широкий стул, подалось вниз, — я скажу тебе кое-что. Раньше мне доводилось видеть мало землян, но они всегда приводили меня в восхищение, это настоящее зрелище. — Гом Балж тяжело ударил по крышке стола. — Вот этот стол сделан из земного дерева вулнут, думаю, именно так они его и называли. Более шести тысяч лет назад его нашли на старом земном лайнере, брошенном на... — он внезапно оборвал фразу. — Ладно, это совсем другая история, речь не о том. У меня к тебе конкретное предложение. Как ты согласишься на то, чтобы присоединиться к моей труппе, юный землянин? Стать частью Великого Экстраваганзоо! Путешествовать, увидеть другие миры, показать свое необычное мастерство ценителям искусства из числа избранных существ во всем Восточном рукаве Галактики?

Как Роун ни старался сдерживать себя, у него перехватило дыхание.

— Сначала оплата будет маленькой, — быстро произнес Гом Балж, скосив один глаз на Роуна. — Откровенно говоря, вообще никакой оплаты, пока не выучишься делу.

Роун глубоко вздохнул, отрицательно покачав головой. Гом Балж все еще выжидающе смотрел на него.

— Нет, не могу, — наконец сказал Роун. — Сначала надо спросить отца...

Он вдруг вспомнил, что мама сейчас ждет его с готовым обедом, а Раф... скорее всего уже беспокоится, куда это подевался его неугомонный сын.

— Мне надо идти, — выдавил Роун, испытывая какую-то непонятную подавленность.

Гом Балж пробарабанил щупальцами под столом, пощипал камнеобразным зубом и продолжал в раздумье изучать Роуна.

— Зачем же беспокоить старого отца, юный землянин? Ты уже достаточно взрослый, чтобы безбоязненно покинуть свою нору. Вероятно, он и скучать-то по тебе на станет. Появится новый помет...

— У землян не бывает помета. У мамы есть только я.

— Ну хорошо, — добродушно согласился Гом Балж. — При первой же возможности ты напишешь им о своем выборе. Привлекательная перспектива — иметь свой собственный номер в танковом шоу, как мое!

— Сначала я должен спросить отца, — стоял на своем Роун.

Гом Балж пальцем подал сигнал.

— Представь себе, как он удивится, когда однажды ты вернешься к нему, весь в сверкающих драгоценностях...

Рука Айска коснулась запястья Роуна, но тот неожиданно поднырнул под нее и бросился наутек. Что-то маленькое, с ярко-красными глазками, мелькнуло перед ним, он сбил его с ног и ринулся к башенке, пробивая себе дорогу между покупателями, изыскивая проходы между разноцветными палатками под дугowymi лампами. Наконец он обогнул клетку, в которой стонало длинноногое существо, перепрыгнул через натянутую веревку и бегом преодолел последние ярды...

Неуклюжая фигура с жабрами — двойник Айска — выпрыгнула ему навстречу. Он ловко увернулся от нее, нырнул под открытый клапан палатки, с трудом пробился сквозь толпу грасилов, шипевших и зло колотивших его шишковатыми костями своих крыльев, затем проскочил мимо огромного серого существа с длинными клыками, торчавшими из безобразного рта, успев заметить, как оно раскачивалось на маленькой стойке, нервно трубя и дуя в тяжелые серые щупальца на голове. Потом скользнул под край палатки, выскочил наружу и бросился к стене.

Увидев, как поднимаются над ликующей толпой украшенные гирляндами огней ворота, Роун зачарованно остановился. Он еще долго мог любоваться этим зрелищем, если бы не заметил направляющихся в его сторону чудищ с жабрами, расчищающих себе дорогу взмахами трехпалых когтистых лап. Роун бросился от них в толпу, чтобы, затерявшись в ней, незаметно пробиться к намеченной цели. Еще несколько ярдов и... И тут он услышал до

боли знакомый голос.

— Роун! — где-то совсем рядом отчаянно звал его этот голос. — Сюда, мальчик!..

У ворот, в толпе, маячила белая голова.

— Отец! — крикнул Роун и ринулся к нему, расталкивая едва сдвигающуюся с места толпу.

Но в тот самый миг, когда Роун оказался возле ворот, а Раф протянул ему свою трость, чудище с башмачной мордой и жабрами бросилось им наперерез.

От него увернуться Роуну удалось, но возникли другие, отставшие, и снова его руки оказались в железных тисках. Подскочивший с тростью Раф что-то разгневно стал кричать, но, из-за рева толпы, Роун не мог понять — что. Он только мог наблюдать, как Раф замахнулся и его трость, прочертив дугу, опустилась на голову с жабрами. Тиски на руке чуть ослабли, и Роун высвободил одну руку. Еще не успев этим воспользоваться, он вдруг с ужасом увидел, как мелькнувшая за спиной Рафа серая фигура приложила свою трехпалую лапу к его голове. На миг Раф словно остолбенел в недоумении, затем замертво рухнул на землю.

Отчаянный крик вырвался из груди Роуна. И в тот же миг свободной рукой он нанес бешеный удар по башмачной морде. Раздавшийся вой придал ему уверенности — нечеловеческим усилием высвободив другую руку, Роун по-боксерски послал ненавистного врага в нокаут. И... снова почувствовал на своих руках железную хватку трехпалой клешни подоспевшего чудища... Однако Роуну удалось вцепиться в омерзительные длинные пальцы, которые он стал мять и выкручивать.

Потом он куда-то падал, падал, и откуда-то доносились до него едва слышные голоса, затем и они стали постепенно затихать, пока не наступила полная тишина...

И снова он остался один — такой маленький и беспомощный в такой непроглядной и бесконечной темноте.

Глава пятая

Бриллиантовая булавка Гома Балжа поблескивала, как его глаза. Он равнодушно покурил сигару, словно перепробовал их несметное множество и от них уже устал.

— А ты — настоящий дикарь, землянин, — протянул он, направив оба глаза на Роуна. — Что за глупость — калечить Айска? Видел бы ты его руку — ужас!

— Я рад, что ему как следует досталось, — превозмогая распирающую боль в голове, упрямо произнес Роун. — Я бы его убил! И убью, при первой же возможности, я... — но, всхлипнув, замолчал, вспомнив отца, который пытался ему помочь, и то, как он упал... и пыль на его лице...

— Какая нужда в трагедиях? — лениво продолжал Гом Балж. — Если ты успокоишься и станешь пайнкой, то поймешь, насколько выгоднее жить в Экстраваганзоо. И знай — я не собираюсь отказываться от услуг Айска. Ты-то хоть понимаешь, что едва не оторвал ему пальцы?

— Он убил моего отца! — вскричал Роун и, как ни пытался, уже не мог сдержаться — слезы ручьем хлынули из его глаз, лицо сморщилось в мучительной беспомощности.

Кровавая корка болезненно стянула кожу, хватка искана — оказывается, так звались эти трехпалые уроды — усугубляла боль, но Роун не позволил себе согнуться, продолжал стоять прямо, уставясь в один глаз Гома Балжа — второй его глаз был прикован к разложенным на столе бумагам.

— Я знаю, что ты собираешься сказать, — произнес антрепренер, — поэтому не стоит себя утруждать. Только позволь заметить — тебе очень повезло, землянин. Если бы ты не был в своем уродстве таким ценным экспонатом, я бы давно упек тебя в ближайшую тюрьму за весь тот ущерб, который ты мне причинил. Но я — бизнесмен, и для меня дело превыше всего. Ты начнешь в качестве уборщика, под наблюдением зеленолицего, — он махнул огромной рукой в сторону трехпалого охранника. — Отведи его в камеру номер два, на

палубу зверинца, он достойно пополнит коллекцию уродов, и следы, чтобы дверь как следует запиралась.

Зеленые руки, словно лапища грузового крана, подхватили Роуна и поволокли в коридор. Вибрация двигателей и резкий запах озона здесь ощущались куда сильнее, чем в усталом ковчеге кабинета владельца зоо.

На какой-то момент Роун даже воспрянул духом, вдруг осознав, что находится на борту корабля в глубоком космосе. Ему захотелось узнать и куда они летят, и как долго продлится путешествие. Но он не мог спросить у искана — наверняка тот помогал убивать отца. Точно знать Роун этого не мог — все исканы были для него на одно лицо, но главного убийцу среди них он непременно бы узнал, непременно...

Роун лежал на мягкой охапке сена, которое служило ему постелью. Спертый воздух зверинца тяжело повис в камере с металлическими стенами. Роуну нечем было дышать, он задыхался и чувствовал себя вконец разбитым, больным, однако сознание оставалось ясным. И вот сейчас он с тревогой прислушивался к каким-то посторонним звукам. Снаружи кто-то возился с его дверной щеколдой. Роун насторожился, поискал глазами какой-нибудь предмет для защиты, но ничего не нашел. Четыре голые стены да охапка замызганного сена — вот и вся его наличность. Даже одежду отобрали. Но еще у него остались руки и зубы. Весь в ожидании Роун напрягся и приготовился к схватке. Он не спускал глаз с двери. Но она так и не открылась, лишь откинулась металлическая панель, и сквозь ее прорезь он неожиданно увидел бледно-карие глаза на овальном белокожем лице, нежном и гладком, как листья дерева той-тей, и облачко мягких волос цвета раннего солнца.

Затем услышал смех, прошепеставший словно слабый ночной дождик. Роун ошарашено уставился на нежный алый ротик, белые зубки и кончик розового язычка.

— Ты, — с трудом выдавил Роун, — ты человеческая женщина?..

Она снова рассмеялась, и он заметил тоненькую бордовую ниточку, которая слабо пульсировала на ее белой шее.

— Нет, — прошептал ее голос, напоминающий шепот вечернего ветра в кристаллических листьях дерева-недотроги. — Я — мул.

Пристально разглядывая ее, Роун не в состоянии был оторваться от узкой прорези, — тоненькая шейка, очертания упругой округлости под серебристой одеждой, тонкая талия, изящные линии удлиненных бедер.

— Я видел картинки, — сказал Роун, ощущая, как голос застревает в горле. — Но я никогда, никогда не видел...

— Но у тебя и возможности не было. А папа говорил, что я могла бы сойти и за чистокровную, если не слишком придираешься.

Она положила руки на прорезь, такие маленькие, нежные, гладкие ручки. Роун осторожно коснулся одной из них.

— Мулы — это смешение двух гуманоид рас, они никогда бы не смогли создать свое потомство, — сказала она рассеянно. — Мулы стерильны, — продолжала она задумчиво и, взглянув на него, без перехода спросила, — тебе порезали голову, ты плакал?

— Ты можешь, можешь... снять рубашку? — не слыша ее, пробормотал Роун и запнулся.

Все еще улыбаясь, девушка удивленно взглянула на него, а потом, вдруг покраснев до корней волос, рассмеялась, но уже совсем не так, как раньше.

— Что ты сказал?

— Пожалуйста, сними рубашку.

Светло-карие глаза какое-то время растерянно смотрели в голубые глаза Роуна, затем тонкие, мягкие пальчики выскользнули из-под его руки, и он заметил, как что-то серебристое тихо шурша сползло на пол. Девушка словно замерла перед ним, потом медленно повернулась. Роун тяжело, порывисто дышал.

— Я никогда не думал, что бывает такая красота, — выдохнул он.

Девушка сдержанно улыбнулась, плавно нагнулась, подхватила свою одежду и

убежала. Роун буквально вжал свое лицо в прорезь, чтобы еще лучше разглядеть ее изящную фигурку в момент, когда она пробегала мимо высокого гуманоида. Проводив ее пристальным взглядом, гуманоид неуклюже подошел к двери камеры и сердито посмотрел на Роуна.

— Черт побери, что случилось со Стеллери? — пролаял он, гремя ключами. — Ладно, землянин, хватит баклуши бить. Я — Наг. Будешь работать на меня, а я тебе кое в чем помогать...

Дверь с лязгом отворилась, Роун вышел, меряя привычным взглядом семифутовую фигуру. Существо назидательно подняло палец, похожий на каменную дубинку.

— И оставь свои бредни, коротышка. Выполняй работу, и все будет в порядке. Я полагаю, тебе нужна какая-нибудь обувь и рубаха, здесь только одежда отличает уродов от животных.

— Кто она? — спросил зачарованный Роун. — Куда ушла?

Наг удивленно уставился на него.

— Да ты что, спятил, коротышка? Брось думать о Стеллери — для тебя она Стеллери. А вообще-то она танцовщица, и у нее нет времени на уроков и уборщиков. А ты — уборщик, смотри себе под ноги да получше убирай. И кстати, наблюдай за своим зеленолицым. А теперь идем.

Роун следовал за неуклюжим гуманоидом по сильно резонирующим коридорам, буквально сотрясающимся от рева вентиляторов, многоголосого гула, шарканья неисчислимых ног. Наконец они добрались до плохо освещенной комнаты с раскрытыми шкафчиками, полки которых были завалены тряпьем и каким-то неизвестным Роуну оборудованием. Наг вытащил большую сумку с поношенной одеждой и вытряхнул ее на пол.

Роун стал копаться в образовавшейся куче. Отбросил лифчик, который подошел бы миниатюрной Стеллери, трубку с молнией, похоже, из кожи гуманоида, шестиугольный корсет, стянутый проволокой, и марлеву юваль. Но вот он наткнулся на простую рубаху с пуговицами, правда изрядно великоватую, обнаружил прекрасный пояс из гибких металлических звеньев, оказавшийся под стать его тонкой талии, удалось отыскать и пару высоких сандалий.

Наг хмыкнул.

— Теперь отправляйся вниз, на палубу «С», ребята скажут, что тебе делать, — распорядился он. — И не ищи приключений!

Роун в лифте спустился на палубу и сразу же ощутил удушающую атмосферу конюшни — огромного металлического помещения, эхом разносящего визг и хрюканье его обитателей, шарканье и кланье их копыт, скрежет их когтистых лап. В дверных прорезях виднелись лохматые шкуры — черные, розовые и темно-коричневые; блестящие, чешуйчатые, пупырчатые, гладкие туши; завитки волнистых хвостов, когтистые конечности и беспрерывно шевелящиеся щупальца; лучики света мерцали на рогах, клыках и бивнях.

— А, это ты, сукин-ин сын-ын, — долетело до Роуна эхо.

Роун обернулся. Из-за массивной решетки на него уставился злой взгляд семифутового искана, его трехпалая рука протянулась сквозь прорезь, стараясь схватить Роуна. Вторая его рука походила на болванку из грязных бинтов. Айск потряс ею.

— Этой-ой рукой-ой я работал-ал. Ты покале-чил-ил ее на всю жизнь-изнь.

— Отлично, — выпалил Роун, — я и вторую тебе обработаю!

— Подожди-ди там, — прошипел Айск, двигаясь вдоль решетки. — Я тебя-бя сейчас-ас убью-ю.

Роун невольно попятился, в надежде найти подходящий предмет для защиты. Возле перегородки стояли острые вилы с длинным черенком. Схватив их, Роун громыхнул по стальной стене и побежал навстречу Айску. Широкие ворота в конце коридора были открыты, искан уже стоял возле них, Роун смело шагнул в проем, поднимая вилы.

Айск сделал едва уловимое движение рукой, и тяжелая, управляемая мотором решетка обрушилась на Роуна, сбила его с ног, прижав к полу. Когтистой трехпалой ногой Айск

ударил Роуна в грудь, а здоровой рукой выхватил из-за спины нож. Он нажал кнопку, и из рукояти выскочило острое, как бритва, лезвие ножа. Роун замер. Айск пододвинулся к нему ближе, но так, чтобы Роун не мог дотянуться до него; его жабы вздыбились, налившись кровью.

— Сначала-ла я перережу-жу сухожилия-лия на руках-ах, — разнеслось зловещее эхо. — Потом-ом я выколю-лю тебе-бе глаза-за... — Он держал перед собой забинтованную руку, продолжая размахивать ножом.

Роун не спускал глаз с ножа. Каждый раз, когда тот оказывался слишком близко, он был готов выхватить его из руки-Айска. И потому, когда Айск попытался нанести ему удар в плечо, Роуну удалось отбить руку. Схватившись за бинты, на которых выступило кровавое пятно, искан отскочил. Из его глотки вырвался вой. Но он быстро пришел в себя, взял нож за кончик лезвия и принялся целиться Роуну в глаз. Роун чувствовал, что этот замах — всего лишь ложный выпад и Айск нанесет ему другой — непредвиденный удар.

В этот момент раздался лязг двери, а затем звук бегущих шагов по коридору. Послышался голос Стеллери:

— Айск, ты, вонючее животное,пусти его и убирайся отсюда! — Она уже стояла над Роуном, уперев руки в бедра.

Айск заскулил, подняв забинтованную руку.

— Из-за него-го я потерял-ял работу-ту. Теперь я всего-го лишь грязный-ый уборщик-ик...

— А тебе и совсем не поздоровится, если я расскажу обо всем Гому Балжу! — Она демонстративно ткнула пальцем в тяжелые ворота.

— Он искалечил-ил меня, — оправдывался Айск. — Оу...

Но все-таки ворота позволил поднять. Роун с облегчением перевернулся и сел, сразу же глянув в сторону вил. Стеллери перехватила его взгляд.

— Землянин, ты должен обещать, что не станешь снова затевать драку...

— Я все равно его убью... — с трудом вымолвил Роун, каждое слово болью отдавалось в его ребрах.

— Да понимаешь ли ты, что если б не я, он бы прикончил тебя! Так что вы квиты! Роун взглянул на нее:

— Может, и убил бы, а может, и нет. У него ведь куцые мозги и замедленная реакция.

— Слушай, ты должен забыть о случившемся. А уж Айск мстить не станет, — настаивала Стеллери.

— Эй, — начал было Айск.

— А ты заткнись, — огрызнулась она, — и убирайся подобру-поздорову. Ну, быстро!

Роун наблюдал, как поплелся Айск, придерживая больную руку.

— Ладно, — наконец сдался он, — я оставлю его в покое, если он не будет ко мне приставать.

Преодолевая боль, он осторожно улегся на металлический пол, довольный, что сумел сдержать стон; ему было бы стыдно проявить слабость перед девушкой. Стеллери положила прохладную ладонь ему на лоб.

— Отдохни минутку, хороший...

— Я должен работать.

— Да ты совсем еще сосунок, чтобы тебя так сурово наказывать! Лежи, пока не наберешься сил.

— Но он работает, и я могу...

— Конечно, ты сильный, кто сомневается в этом. Я видела, как ты дрался с исканами, когда они схватили тебя. У исканов мало мозгов, но уж силы не занимать, а ты сумел изувечить Айска! Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь так отважно сражался, а уж мне за свои сиротские годы много подобного довелось повидать! А из-за чего ты так на них разозлился?

Роун сел, возвращаясь памятью к случившемуся, и почувствовал, как горькие слезы

снова готовы хлынуть из его глаз.

— Они убили моего отца, — доверился он Стеллери.

— Да, хороший, это паршивое, страшное дело, и тебе сейчас очень тяжело. — Она опустила на колени и погладила его по голове. — А ты поплачь, знаешь, тебе станет легче. А что касается Айска, то ведь ты хорошо проучил его. Он больше не сможет работать в охране, Гом Балж послал его сюда, вниз, уборщиком.

— Он не должен был убивать моего отца, — твердо повторил Роун. — Мой отец стал каленой, защищая меня, когда я еще даже не родился.

— И сколько в тебе настоящего земного происхождения? — поинтересовалась Стеллери. — Твоя мать?

— Я чистого земного происхождения, — ответил Роун. — Я был приемным сыном Рафа, а мама — гуманоидом. Из-за меня ей всю жизнь пришлось жить возле мусорной кучи, и папу убили из-за меня. А Айск убил отца и разгуливает, как ни в чем не бывало. Подумаешь — рука! Да он легко отделался.

— А мои родичи были забавной парочкой, — весело откликнулась Стеллери. — Папа был водным горняком на Арко-четыре. Он выходец из Ганнских Крестов, настоящий коротышка, он мог запросто не дышать пятнадцать минут, кожа у него была очень грубая. А вот мама из Тирского мира, темнокожая, со светлыми волосами и очень стройная. У меня ее глаза, но во всем остальном, мне кажется, я — атавизм.

— Ты красивая, — сказал Роун. — Мне нравятся твои глаза. И если бы не смерть отца... я был бы рад, что меня похитили.

— Это правильно, — Стеллери нежно улыбнулась, — старайся думать только о хорошем.

— У меня никогда раньше не было друга, — признался Роун. — Настоящего друга.

— Вот это да! — воскликнула Стеллери, и ее глаза округлились, как у ребенка. — Кем тебя только не называли мужчины здесь, в зоо, но чтобы — другом! Такое со мной впервые. — Ее мягкие ладони нежно скользнули по его груди и рукам. — Станный ты все-таки. Эта щетинка, зачем она? — Стеллери прикоснулась к его щенкам. — У тебя колючее лицо.

— Это борода. Я должен бриться почти каждый день.

— А мне нравится. Проводишь по ней, и прямо мурашки по телу! Зачем это? Открой-ка рот. — Девушка увидела зубы Роуна. — Какие отличные белые зубы, но их так много. — Она быстро их пересчитала. — Целых тридцать два. А у меня только двадцать шесть...

— В таком случае, с тобой выгодно обедать, моя хорошая...

Решетчатая дверь внезапно со стуком отворилась. Толстое бескостное щупальце со ртом на кончике дотянулось до Стеллери, обвилось вокруг нее и потащило к двери.

— Стеллери! — Роун задохнулся и, вскочив, вцепился в серую конечность, напоминающую хобот.

Но, к его удивлению, Стеллери смеялась, усаживаясь в кольцо массивного щупальца. За дверью Роун увидел огромное существо, наподобие груды серых камней. Девушка поставила ногу на его гигантский изогнутый кверху бивень и спокойно шагнула на массивную голову животного.

— Да это же Джамбо! Он знает, как работает лифт, и иногда отвязывается.

Джамбо тем временем запустил свой хобот прямо в кормушку и вытащил оттуда охапку сenna, которую тут же отправил себе в рот.

— Стел! — окликнул ее скрипучий голос. — Отправь этого проклятого самца на место обратно вниз.

Толая огромными ногами, подошел лысый Наг. Он снова сердито покосился на Роуна.

— Этот землянин опасен, Стел, держись-ка от него подальше...

— Ты сейчас разговариваешь не со своими уборщиками, Наг, — оборвала его Стеллери, — так что не командуй тут. Лучше бы ты присмотрел за Айском, а то он уж слишком донимает мальчика.

Наг снова покосился на Роуна.

— Ладно, парень, все в порядке, иди работай.

— Он сегодня не будет работать, Наг. Не исключено, у него сломаны ребра, этот проклятый тупица придавил его воротами. Я собираюсь отнести юнца к ветеринару.

— Слушай, Стел...

— Скажи об этом Гому Балжу. Иди со мной, землянин.

Роун с опаской посмотрел на огромное существо, потом на Стеллери, осторожно притронулся к серой коже гиганта, затем робко вступил в изгиб щупальца, и животное с невероятной легкостью подняло его к девушке.

— Это самое удивительное существо, которое я когда-либо видел, — как можно более небрежно произнес Роун. — И пожалуйста, не называй меня больше землянином, зови Роуном.

Роун едва удерживался на ногах, когда слоноподобное существо тяжело развернулось и, раскачиваясь, двинулось по коридору.

— Да и потом, зачем мне идти к ветеринару? — добавил он. — Со мной все в порядке.

— Слушайся меня. Я отведу тебя в свою комнату и дам тебе умыться. От тебя же несет, как от настоящего мусорщика. К тому же я хочу осмотреть этот порез на твоем лице.

Глаза Роуна от удивления расширились, когда он увидел апартаменты Стеллери. Большая комната, три на четыре ярда, низкий светящийся потолок, три стены, разукрашенные рисунками цветов, в качестве четвертой — панель из зеленоватого стекла, за которой на фоне мрачного миниатюрного пейзажа, шевеля пестрыми плавниками, с какой-то удивительно мечтательной медлительностью двигалась маленькая живая рыбка. У одной из стен стояла низкая кушетка и столик из полированного черного дерева, а мягкий ворсистый ковер серого цвета, в котором ноги тонули по самую лодыжку, покрывал пол.

Наслаждаясь, Роун медленно втянул в себя воздух.

— Пахнет... как хорошо пахнет, — с удивлением отметил он. — Я раньше никогда не встречал такого приятного запаха.

— Это же духи, глупый! Садись сюда, на постель, я достану лекарства.

Роун спокойно терпел, пока Стеллери обрабатывала глубокую царапину на его щеке, замазывала ее какой-то жгучей бордовой жидкостью и наклеивала пластырь.

— Ну вот. Я сама ветеринар, не хуже Грола. По-моему, я все сделала как надо. Теперь иди туда, — указала она пальцем, — и прими ванну.

Роун подошел к двери и заглянул внутрь. На полу стоял резервуар со сверкающими кнопками и кранами вокруг.

— Я что-то не вижу воды...

Стеллери рассмеялась.

Ты на самом деле как ребенок, правда, только когда не злишься. Смотри, надо просто повернуть вот это...

Вода запенилась из трубы.

— Теперь снимай свою рубаху и залезай. Я надеюсь, мыться-то ты умеешь. Роун нырнул в теплую воду.

— Довольно странно, — недоуменно заметил он, — мыться прямо в комнате. Обычно я ходил на речку.

— Ты что, мылся прямо на улице? Вместе с рыбой и прочей ерундой? В грязи? Как же так можно!

— Ну что ты, это было замечательно. Никаких рыб, никакой грязи — я мог переплыть на другой берег и валяться там сколько угодно, глядя в небо. Мне очень это нравилось, — добавил он.

— Ладно, давай я потру тебе спину. Этот противный Наг запер тебя в камере, где раньше держали грязного борова, пока он не сдох! Надо бы мне сказать пару словечек Гому Балжу. У тебя должна быть такая же комната, как и у меня. Ты же ценный экспонат, Роун. А что за номер у тебя в шоу?

— Хожение по проволоке. Гом Балж сказал, что земляне к такому не приспособлены, но мне-то ничего не стоит это сделать.

Стеллери, вздрогнув, передернула плечами.

— А я боюсь высоты. Ну да, ты же говорил, что рос среди этих летающих существ, грасилы или как они там называются, я думаю, от них ты и научился такому мастерству. Сколько он тебе платит?

— Не знаю. Похоже, ничего, пока не выучусь делу.

— Ха! Ну еще посмотрим. На вид ты настоящий землянин. Только не говори ничего Гому Балжу о лишних зубах, и он никогда ничего не узнает.

— Мне не нужны его деньги. Я собираюсь выбраться отсюда, как только смогу...

— Ой, хороший, куда ж ты пойдешь? Сначала нужно заработать деньги на проезд, чтобы вернуться в Тамбул. Поверь, это стоит дорого. Ты бы лучше согласился выступать в шоу, по крайней мере, до тех пор, пока не накопишь немного денег, а уж я прослежу, чтоб тебе все заплатили.

— Нет, я не хочу, чтобы у тебя были неприятности

— Ну, насчет Гома Балжа можешь не беспокоиться. На самом деле он довольно приятный старикан, и тебе было бы полезно с ним побеседовать. Он привык иметь дело с грубыми джиннами и теперь уверен, будто со всеми можно так разговаривать. Хотя со мной у него этот номер не прошел.

Роун высыхал в огромном мягком полотенце, которое пахло так же приятно, как и комната.

Из шкафа, набитого яркими одеждами, Стеллери достала ему чистую рубашу.

— Идем, — сказала он. — Я покажу тебе корабль. Ему больше тысячи лет...

Долго следовал Роун за девушкой по бесконечным коридорам, с теснящимися в них какими-то суетливыми существами, с выплывающими откуда-то звуками и даже запахами цветов. Они проходили через огромные, гулко резонирующие залы, использовавшиеся раньше для проведения общественных собраний или для игр в мяч. Они поднимались вверх по широким лестницам и спускались вниз по узким проходам и наконец оказались в большой полукруглой комнате, выгнутая стена которой — из смолянисто-черного стекла — пестрела яркими точками цветных огней.

— Так это что... небо? — воскликнул Роун, заворожено любуясь мириадами движущихся огоньков.

Сейчас, здесь, он не только еще раз подумал о своем пребывании в глубоком космосе, но и немножко ощутил, что же такое Сам Космос. Эта бесконечная пустота! Он внимательно изучал комнату — огромное количество приборов и датчиков, дверь с красной сверкающей надписью: «Рубка боевого управления. Только для служебного персонала».

— Что это такое? — полюбопытствовал он. — И кто управляет приборами?

— Нас это не касается. Сюда никто не ходит и никто не знает назначения этих приборов. Гом Балж говорит, что они не связаны с системой управления и срабатывают автоматически. Во всяком случае, на нашей памяти никому не приходилось в этой комнате трогать какую-нибудь кнопку или выключатель.

Роун слушал, продолжая внимательно осматривать приборы. Настоящий земной корабль! Его строили человеческие руки, и древние герои Земли летали на нем!

— Знаешь, на этом корабле есть кое-что повнимательней, — сказала Стеллери. — Идем, я покажу тебе Железного Роберта.

— А кто это такой? — загорелся Роун. Стеллери нервно рассмеялась.

— Потерпи, увидишь.

Они поднялись на лифте, миновали зал, сотрясавшийся от вибрации работавшего вхолостую главного двигателя, прошли через комнату с высоким куполообразным потолком, где несколько дюжин тщедушных существ натужно дули и колотили в странные инструменты. Роун невольно поежился от шума визжащих флейт, воплей рожков, завывания струн.

— К чему весь этот шум? — с трудом перекричал он эту какофонию.

— Такой оркестр обычен для зоо, его истоки восходят к дням Империи, — пояснила Стеллери. — Общественные собрания старых землян не мыслились без участия оркестрантов, так их там называли. Появление некоторых наших инструментов датируется теми днями.

— Ужас! — воскликнул Роун, наблюдая за коротеньким многоруким существом, дувшим в огромный латунный рог. — Это же настоящий базар!

— Гом Балж говорит, что древние земные извлекатели шума, или как они их сами называли — оркестранты, пользовались чем-то вроде карт, поэтому у них инструменты звучали согласованно и стройно. Но наши парни представления не имеют, как читать такие карты, поэтому просто извлекают шум.

— Давай уйдем отсюда!

Миновав девять палуб, они спустились вниз, туда, где в бронированном хранилище находился груз на продажу. Стеллери тронула Роуна за руку и кивнула в сторону широкого прохода, терявшегося в темноте.

— Он здесь один, — тихо сказала она. — В его распоряжении весь нижний уровень.

— А почему ты говоришь шепотом? — поддавшись ее беспокойству, с тревогой спросил Роун, заметивший вмятины на переборках. — Это кто же оставил такие следы на земном металле? Тут что-то произошло?

— Ровным счетом ничего, просто здесь тренируется Железный Роберт. И вообще интересно, кто тут говорит шепотом? Давай лучше двинемся дальше.

Она повела его по неосвещенному проходу и остановилась перед открытой камерой, напоминавшей пещеру, полную мрака.

— Он здесь, — снова прошептала Стеллери, еще сильнее сжимая руку Роуна.

Роун подошел ближе, вглядываясь в темноту и морщась от неприятного запаха серы. Он с трудом выхватил из темноты тусклые стены, какое-то сооружение, вроде гигантской наковальни, на полу, в центре, и возле одной стены едва вырисовывающиеся огромные комковатые очертания, словно бы части статуи из серого камня.

— Да ведь здесь никого нет, — разочарованно протянул Роун, — кроме этого старого валуна.

— Тш-ш-ш, — хотела остановить его Стеллери.

Но в этот момент валун зашевелился и занял вертикальное положение. От неожиданности Роун остоленел, но уже вскоре в состоянии был увидеть высоко над собой два ярких фасеточных глаза, зеленоватыми бликами отражавших свет и сверкавших, как драгоценности. Из самых недр валуна раздался низкий недовольный рокот.

— Зачем вы разбудили Железного Роберта?

— Привет, Железный Роберт, — пропищала, трепеща, Стеллери. — Я... я хотела, чтобы наш новый экспонат встретился с тобой... Он земного происхождения и собирается ходить по проволоке... — Ее голос замер, а пальцы судорожно впились в руку Роуна.

Роун хотел отступить, но Стеллери стояла сзади, и он мог ее толкнуть. Роун не тронулся с места еще и потому, что зеленые глаза Железного Роберта притягивали его, словно кусочки светящегося нефрита у древнего идола, вырубленного из лавы.

— Ты хочешь сказать, новый урод пришел посмотреть на старого. Тогда иди-ка сюда, землянин, посмотри на меня как следует. Железный Роберт — самое сильное живое существо. Он всегда и везде всех побеждает, — голос великана был подобен раскатам грома.

Стеллери дернула Роуна за руку.

— Мы... ну... не хотели потревожить тебя, Железный Роберт, — заверила она, едва дыша.

Она снова дернула Роуна за руку, но тот продолжал стоять как ни в чем не бывало.

— У тебя что тут, нет света? — наконец раскрыл он свой рот.

Темные очертания заколебались, девятифутовая фигура поднялась в свой полный рост — настоящая гора!

— Железный Роберт любит темноту. Сидит в темноте и думает о былых битвах, старина. — Он сделал шаг, и палуба под ногами закачалась и загудела. — Ты пришел увидеть Железного Роберта? Хорошо, тогда пожми ему руку, которая ломает ногу быку! — И он протянул огромную, с тупыми пальцами, темно-коричневую ручищу.

Роун опасливо покосился на нее.

— В чем дело, землянин? Ты боишься, что Железный Роберт сломает твою руку?

Роун решительно вложил ладонь в каменные пальцы. Они были грубыми, твердыми, но теплыми, словно согретыми невидимым солнцем. И в этот миг Роун почувствовал себя мягким и слабым, как маленький лягушонок. Железный Роберт согнул пальцы, и Роун ощутил шершавое скольжение неведомой ему кристаллической кожи.

— Ты — маленькое, бледное создание, — пророкотал Железный Роберт. — Ты действительно землянин?

Роун старался стоять прямо и гордо, вспомнив, что когда-то его предки управляли Галактикой

— Да, это правда, — подтвердил он и смело глянул в грубо высеченное лицо над своей головой — А почему тебя называют Железным Робертом? Ты же каменный. — Он надеялся, что его голос звучит достаточно храбро.

Железный Роберт угробно расхохотался.

— Я происхожу от железного королевского рода, землянин. Видишь окисления? — Он повернул руку, чтобы Роуну были лучше видны чешуйки заржавевшего железа на его необычной коже.

— Такое впечатление, что ты — вечный, — заметил Роун.

Он внезапно подумал о горах, которые противостоят непогоде, и о своей неполноценной плоти. И еще о том, что, может быть, он имеет в запасе пару столетий.

— А почему бы и нет? — бросил великан, отпустил руку землянина и, развернувшись, направился к груде железных обломков, которые служили ему постелью.

Глаза Роуна уже привыкли к темноте, и теперь он мог разглядеть металлический щит на стене, над кроватью, увитый живыми цветами. Какие в бутонах, какие наполовину распустились. А один лепесток оторвался и упал с хрустким шуршанием, рассыпавшись в пыль.

— Лепестки опадают быстро, — задумчиво сказал Железный Роберт. — Исчезает последнее напоминание о доме. Цветок стареет, а вместе с ним и Железный Роберт. Поверь, землянин, у меня, быть может, и есть еще много времени, но — не вечность.

— Ну, пока, Железный Роберт, — воспользовавшись его расслабленностью, заторопилась Стеллери.

И на сей раз, когда она дернула Роуна за руку, он послушно поспешил за ней.

Этим же вечером Стеллери оставила Роуна у себя, приготовив ему постель в маленькой комнатке, рядом со своей. Она снова обработала ему щеку, перебинтовала глубокую рану на бедре, поправила одеяло. А еще сделала что-то совсем уж приятное, прикоснувшись губами к его губам.

Потом она ушла, предоставив его темноте и тишине. Но Роун не мог сомкнуть глаз, раздумья одолевали его. То его мысль обращалась к странным событиям, неожиданно кинувшим его на этот корабль; то — к его одиночеству, удушливому и тяжелому, как воздух в камере на корабле или в их домике на окраине гетто; то — к Стеллери, нежданно обретенному новому другу... и снова к тем полузабытым чувствам, которые испытал он после гибели Кланса...

Постепенно сон все-таки сморил Роуна, но покоя ему не принес. Он до осязаемости отчетливо снова увидел отца, спешащего к нему на помощь; с еще большей остротой пережил страшный момент его внезапной гибели и потрясение оттого, что не смог эту гибель предотвратить.

Гибель отца взывала к отмщению И взывала не только во сне...

Глава шестая

Роуна разбудили пинки в бок.

— Вот ты где! — прорычал Наг, нависая над его головой. — Позволь сообщить, что я нашел тебе занятие поинтересней, чем шастать по кораблю и глазеть по сторонам! А ну-ка! — и он швырнул какую-то коробку на пол рядом с Роуном. — Завтрак заканчивается через час. Ты что думаешь, это прогулочный круиз?

Роун сел, протер глаза, кожей ощутил прохладу раннего утра даже здесь, в космосе, на корабле с автоматически поддерживаемой постоянной температурой.

Он подобрал коробку, открыл ее и обнаружил там два яйца с бугристой кожурой, кусок грубого жесткого хлеба, плод, похожий на маленький бордовый фрукт, а еще кусочек сырого зеленоватого мяса и красный сгущенный пудинг, от которого его едва не вывернуло.

— Спасибо, Наг... — начал было Роун, но тот грубо перебил его.

— Если ты не будешь есть, то не сможешь работать, пошевеливайся!

Пока Роун ел, Наг продолжал ворчать насчет каких-то опасных уродов и симулянтов и что-то насчет вмешательства во что-то привилегированных особ.

Тем временем Роун окончил завтрак, надел рубаху и, потянувшись, ощутил боль в боку. Она была острее, чем от обычной раны, и Нагт помнила ему о вчерашней схватке с Айском. Чувство ненависти снова всколыхнулось в нем, сердце заколотилось быстрее. Он ненавидел Айска даже больше, чем любил Стеллери, но отчет происходящего повел все же от своего чувства к ней.

— Любовь, — произнес он вслух. — Вот что такое любовь.

Застегивая пуговицы, он размышлял о стройной мутанте и о том, что значит ощутить любовь девушки, которая была человеком или почти что им.

— Пойдешь со мной убирать. Будешь работать на складах. До Клора всего один перелет и куча дел.

Наконец застегнувшись, Роун ощутил приятный, жесткий охват пояса. И вдруг его осенило: а что, если именно поэтому и существует столько, легенд о магических поясах. Тхой-хой часто рассказывал ему подобные истории.

— Если я должен все время работать, — заговорил он, выходя за Нагом в коридор, — когда же мне тренироваться?

— Тренироваться? А что это такое?

— Но мне же надо готовиться к шоу. Гом Балж сказал...

— А... так это ты должен ходить по проволоке, как виноградная крыса? Оказывается, вот почему Гом Балж взял тебя. Понятно, понятно. Но тут ведь дело такое: либо ты умеешь, либо — нет. Ха! Тренируйся, если хочешь!

Роун шел за Нагом, с трудом одолевая все нарастающий шум в секторе уродов, или иначе — цирковых экспонатов. Он таращился на чешуйчатые, пушистые, покрытые перьями физиономии, на массивные либо миниатюрные, но равно неуклюжие в своих движениях создания; то и дело сталкивался с маленькими снующими существами, на редкость лысыми и нелепыми. Провожал взглядом неповоротливого миннида или хроннида, либо какое другое существо с легким намеком на настоящую земную или гуманоидную кровь. Наталкивался на перекрикивающихся друг друга чужаков с разгоряченными и озабоченными лицами...

И везде он искал Стеллери. Но она исчезла бесследно...

Миновал он и Гома Балжа, в центре толпы отдававшего какие-то приказания и курившего сразу две сигары. Антрепренер заметил их, махнул девятипалой рукой и тоже что-то прокричал, однако Роун в этом бедламе не сумел разобрать что.

Они спускались все ниже и ниже, и каждый следующий уровень добавлял мрака и зловония, становился пустыней. В огромном гудящем грузовом помещении Наг указал на очень неряшливое существо, напоминавшее слишком большого грасила, только без крыльев.

— Это начальник смены. Делай то, что он скажет, и постарайся избегать неприятностей, — сказал Наг и удалился, оставив Роуна один на один с компанией грязных

мусорщиков.

Мастер краем влажного глаза следил за новичком, потом подкрался к нему и издал пронзительный крик. Рабочие, возившиеся с грудой сваленных вещей, охотно все побросали и окружили Роуна. Некоторые вылезли из боковых проходов. Всех было около двадцати экземпляров, и ни один не был похож на другого. Они уставились на Роуна.

— Ты кто? — просвистел мастер. — Никогда не доводилось видеть таких, как ты.

— Я — землянин, — сказал Роун. Кто-то зашипел.

Мастер клацнул плечевыми пластинами, собрав в складки бахрому вокруг шеи.

— Я — Рик-рик, начальник, — просвистел он. — Теперь ты новенький. Твоя работа — выносить емкости с помоями. У некоторых мальчиков нет сфинктер, так что будешь заботиться и о салфетках для них. А кое-кто во время еды слишком неряшлив, рыгает, ну, сам понимаешь. Это тоже будешь убирать. И...

— Нет, — тоже твердо произнес Роун. Кольцо вокруг него сжалось. Кто-то сзади дернул Роуна за подол рубахи.

— Я здесь начальник, землянин, — закричал Рик-рик. — Ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Правда, ребята?

Кто-то снова дернул Роуна за одежду. Резко развернувшись, Роун ухватил мерзкое щупальце, без лишних разговоров подтащил его владельца к себе, а затем сильным броском отшвырнул его прямо в толпу. Притихшие было работяги взбудоражено загалдели.

Роун повернулся к Рик-рику.

— Я сюда не просился, — сказал он, отчеканивая каждое слово, — но уж если я здесь, то буду работать наравне со всеми, а не выносить помои. А блевотину твои парни могут и сами за собой убрать.

— Ты — новенький, — взвизгнул Рик-рик. — Ты обязан выносить помои. Новенькие всегда это делают.

— Но только не я, — оборвал его Роун. — Я бунду выполнять все то, что делают другие. И не вздумай помыкать мною!

Он повернулся к нему спиной и теперь вызывающе посмотрел на дергавшее его существо, которое переминалось с ноги на ногу — а их у него было не меньше восьми — и тихо пофыркивало сквозь хоботообразные щупальца. — А ты если хоть раз еще ко мне прикоснешься, я тебе все конечности завяжу узлом.

— Ну вот, испоганил настроение, — проворчал кто-то.

Рик-рик зло уставился на Роуна.

— А ты бедовый малый, как я погляжу. Небось еще и спишь за цикл по три-четыре часа, как большинство подобных тебе землян.

— Я сплю восемь часов в сутки, — жестко произнес Роун, — в постели.

— Да еще и питаться захочешь каждый день...

— Три раза в день.

— А может, ты не прочь присоединиться к нашему сексуальному кругу? — прощупывало его похожее на луковицу существо. — У нас есть вакансии в...

— Нет уж, спасибо, — отозвался Роун. — Мы, земляне, предпочитаем себе подобных.

— Шовинист, — протянул чей-то вязкий голос.

— Ха, — подхватил другой, — он и впрямь возомнил себя каким-то особенным.

— Ладно, — резко прервал всех Рик-рик, вспомнив наконец о своих обязанностях начальника — Все по местам и к работе. А что касается тебя... — он окинул Роуна угрожающим взглядом, — я с тебя глаз не спущу.

— Вот и отлично, — отозвался Роун, — только руки держи подальше...

Восемь последующих дней Роун вкалывал по семнадцать часов, таская на себе невероятные тяжести, карабкаясь с ними по длинным шатающимся лестницам. Одновременно он должен был наводить порядок среди бесконечных рядов из запасов, считая и регистрируя неисчислимое множество каких-то ящиков, банок, различных емкостей, в которых изрядно путалась их обслуга.

Когда же он отправлялся в столовую или к себе в камеру, то по пути напряженно выискивал взглядом Стеллери. Однако надежды были напрасны «Она забыла о тебе, — с горечью думал он. — Она лечила твои порезы точно так же, как и ты бы помог умирающему грасилу. Теперь ей не до тебя...»

На девятый день Наг пришел на склад и подозвал Роуна.

— Мы приближаемся к Клоре, посадка буквально на несколько минут. Будет много дел — надо установить палатки, разложить арену, расставить аппаратуру... — Роун внимательно вслушивался в привычно ворчливый тон Нага.

— Мне важно знать о своем номере, раз уж я должен ходить по проволоке, — оборвал его Роун.

— А что тебе необходимо знать? — удивился Наг. — Выступаешь сегодня вечером, вот и все. Разве птице требуются чьи-либо советы, как ей надо летать? Ты — землянин, умеющий ходить по проволоке, вот и ходи.

И тут с кораблем что-то произошло, какие-то резкие изменения, Роун едва успел ухватиться за поручни, чтобы не упасть. Ноги налились свинцом, завтрак в желудке давил камнем, ему стало очень плохо.

— В чем дело? — окликнул его Наг. — Или никогда не испытывал такой перегрузки?

— Н-нет, — едва произнес Роун, трудно сглотнув слюну.

— Ничего, привыкнешь, — безразлично буркнул Наг.

Гравитация продолжала давить, а палуба дрожала и вибрировала. Теперь раздался какой-то другой странный шум, пол под ногами накренился, а затем донеслось что-то вроде рокочущего свиста. Последний резкий толчок, и корабль замер. Сила тяжести теперь была значительно больше, чем когда-либо.

— Опустились, — констатировал Наг.

Он отпер дверь большим электронным ключом, жестом отправив Роуна в полусвещенный склад. Затем вытащил тяжелый деревянный молоток и огромную связку пластиковых стоек из шкафа, которую швырнул Роуну.

— Ступай наружу и помоги укрепить стойки. Там будет Мэг, он покажет тебе, что делать. Только держись подальше от Айска, понял? А когда кончишь, отправляйся в палатку номер три, секция ТОЗ, и будь готов к выступлению.

Он ушел, а Роун, снова взвалив на плечи тяжеленный груз, отправился наверх взглянуть на палубу, используемую для высадки с корабля.

Диковинные циркачи из труппы Экстравагант-зоо потоком хлынули в грузоподъемник, нагруженные необходимыми для выступления предметами. И Роун, стиснутый со всех сторон, оказался в лифте вместе с ними. Тем же потоком они двигались и дальше, по длинному центральному коридору корабля, затем вниз по пандусу и вышли наружу, окунувшись в непривычную атмосферу иного мира.

Роун сразу же покрылся испариной — груз за пределами корабля, в этой невыносимой жаре, оказался намного тяжелее. Сделав для себя такое открытие, он вознамерился непременно и быстро выяснить, каковы же теперь его обязанности.

Он шел через посадочное поле, не в привычном его понимании — как аккуратное, чистое поле космодрома, а через обыкновенную площадку, покрытую щербатым бетоном. Тут же рядом громоздились мусорные кучи. Они напомнили Роуну родной дом.

А сразу за свалкой высились дома из голубого металла, буквально слепившие глаза в лучах безжалостного солнца, пылающего в небе прямо над головой.

Толпа из цирковой труппы заметно поредела, каждый торопился выполнить полученное задание.

Как по мановению волшебной палочки, начали возникать невероятно огромные палатки. Роун направился в их сторону. Тщедушное красноглазое существо суетливо метнулось к нему, таща за собой тяжелую тележку. Оно остановилось перед Роуном, подпрыгнуло на месте, размахивая палкой над головой.

— Мэг! Мэг! — его голос напоминал скрежет когтей по сухому дереву.

— Я понял — ты Мэг, — отозвался Роун. — Куда мне идти?

Мэг снова двинулся со своей тележкой, и землянин последовал за ним через поле, которое сейчас очищали от мусора, чтобы возвести палатки.

Мэг палкой указал на место, отмеченное мелом Роун вбил первую вешку. Молоток походил на ствол дерева, и приходилось налегать на него всем телом.

Забив первую вешку, Роун сразу же почувствовал потребность сесть на землю и отдохнуть, но Мэг, размахивая палкой, уже пританцовывал к следующей меловой отметине. Пришлось тащиться за ним. Роун видел, многие занимались тем же самым, что и он, но в основном это были большие, сторукие гуманоиды. Они без всяких усилий, легкими взмахами молотка, двумя-тремя ударами вгоняли вешки в твердый грунт и сразу двигались дальше, к следующей отметине. Роуну же каждый взмах доставался буквально ценой борьбы с тяжестью молотка. Иногда он промахивался. После каждой забитой вешки Роун мечтал отдохнуть, но, видя, как другие работали без перерыва, он не хотел от них отставать. Однако ему становилось все труднее и труднее бить точно. Один из колышков он просто разбил сильным скользящим ударом. Увидев это, Мэг подпрыгнул, а визг его превратился в ультразвук. На какую-то долю секунды Роун все же позволил себе отдохнуть, тяжело оперевшись на молоток, и тут же снова принялся за работу.

В течение часа на слепящем солнце забивал он вешки. Вокруг и впрямь, как по волшебству, вырастали палатки, натягивались тросы, на фоне стального неба даже развевались разноцветные флажки. Народ зоо суетился, таская подпорки, оборудование, инструменты. Мимо прошествовала процессия выючных животных с засохшими комьями навоза на боках, понукаемых руганью содержателей бродячего зверинца. Уже несколько аборигенов бродило по тропинкам, глядя на обитателей зоо влюбленными глазами. Изнурительная работа не мешала Роуну видеть все это. А однажды он наверху заметил Айска, стоявшего ярдах в двадцати от него. Тот многозначительно положил здоровую руку на приклад парализующего ружья, ремешком прикрепленного к его бедру, раненая рука покоилась на перевязи. Чудище приблизилось к Роуну, его складчатые жабы нервно заколыхались.

— Я буду-ду наблюдать-ать сегодня-ня вече-ром-ом за твоим-им выступлением-ем, — сказал он. — Может-ет, ты и упадешь-ешь...

Роун заставил себя презрительно улыбнуться.

— Я когда-нибудь поймаю тебя без оружия, Айск, — тяжело дыша от усталости, произнес он, — и тогда я тебя убью.

Айск ощерил беззубую пасть и пошел прочь странной скользящей походкой, которая напомнила Роуну ведов, с их тупой ненавистью и жестокостью.

Айск жаждет реванша, думал Роун, прекрасно понимая, чего хочет искан.

В конце концов все вешки были установлены, и Мэг, пискнув, потащил свою тележку прочь, даже не обернувшись.

Роун нашел палатку номер три и в помещении ТОЗ обнаружил двух уродов. Один напоминал прозрачный столб, и вряд ли бы Роун его вообще заметил, если бы тот не сдвинулся с места. У другого кожа походила на ободранную кору дерева, расписанную оранжевым узором в горошек. Его голова с двумя лицами неуклюже была посажена на одно плечо. Интимная часть его тела явно находилась на левом колене, тщательно прикрытом лоскутом черного плаstopлекса, все же тело красовалось своей природной наготой.

Роун соорудил себе из длинной рубахи юбку, закатав ее вокруг пояса, и услышал трель колокольчика. Он проводил взглядом первое существо, вышедшее на пыльную и пылающую жаром арену. Существо процокало к ряду клеток, вошло в одну из них, плавником закрыв большой фальшивый замок — неизменное свидетельство опасности представителя данного вида. Жестом оно указало Роуну на соседнюю клетку.

Землянин с любопытством прочел надпись на этой клетке: «Первобытный человек». Он забрался внутрь и захлопнул дверцу, усевшись на деревянную скамейку, ничего сложного в такой работе не было — сиди себе и жди.

Так прошло часа два. Хилые существа Клары проходили шумными толпами, теперь уже таращась на него. Какой-то клорианин довольно долго торчал у клетки Роуна, делая пометки и наброски на чистых листах. Однажды маленький ребенок потыкал его палкой, но, похоже, аборигены все же не находили землянина по-настоящему эффектным, во всяком случае, по сравнению с теми удивительными уродами, которые его окружали.

Да и сам Роун, занятый собой, не обращал внимания на клориан. В конце концов, я должен выяснить, кто я на самом деле, мучительно размышлял он, кто мои родители, где мой народ, мой дом.

Где-то далеко в космосе затерялся его родной дом., Но это был не Тамбул.

Я возьму с собой Стеллери, продолжал строить он воздушные замки, и мы будем жить счастливо среди себе подобных. Он предполагал, что девушка по своему происхождению близка к человеческой расе, если и есть разница, то она невелика.

Уже в сумерках прозвенел второй звонок. Роун заметил, что здесь, на Клоре, сутки оказались намного короче. Подошло время настоящего шоу. Экспонаты-уроды выбирались из клеток. Роун тоже вылез, разминая онемевшие из-за долгого сидения ноги. И тут он увидел Мэга, в красных глазках которого отражался ослепительно-яркий свет дуговых ламп. Подпрыгивая на своих паучьих ногах и размахивая палкой, Мэг повел Роуна мимо огромных палаток. В наступивших сумерках становилось прохладно, хлесткий ветер раздувал тенты и стены палаток.

Роун был ошеломлен цветными вспышками огней и шумовым сопровождением оркестра.

У основания огромной мачты, толщиной с Роуна, он заметил Гома Балжа, который двинулся ему навстречу, отделившись от толпы. Антрепренер явно торопился, это было видно по тому, как волнообразно двигались его огромные щупальца.

— А, это ты, юный землянин! Ты выступаешь! Я жду от тебя великих свершений! Пойми, твоё выступление по стилю достойно Экстраваганзоо!

— А что я должен делать? — спросил Роун. — Я же не знаю, как работать. Мне дадут костюм?

— Что? Костюм? — Гом Балж удивленно уставился на Роуна своими гигантскими глазами и побарабанил по широкому торсу толстыми пальцами. — Ты у меня первый урод, который пожелал тренироваться. У тебя слишком дорогие замашки, землянин! — он стряхнул с сигары цветочный пепел, который упал ему на грудь. — Позже будет видно, а пока это для тебя испытание Конечно, большой риск — брать на работу нового исполнителя! Никогда не знаешь точно, как его воспримет публика, — он сделал гигантскую затяжку, которая заставила сигару разгореться ярко-желтым огоньком, и небрежно стряхнул пепел жестом человека, никогда не убирающего за собой.

— Я вас не просил меня похищать, — резко выпалил Роун.

— Фу! Фу! Готов забыть эти твои слова, юный землянин, — Гом Балж запахнул плащ с красным подбоем и пошевелил ногами. — Счастливо, и если вздумаешь свалиться, падай изящно, словно это — часть программы, — он выпустил огромное облако дыма из дыхательного отверстия и заторопился прочь.

Мэг указал палкой на встроенные в мачту ступеньки Роун посмотрел вверх. Он ничего не мог разглядеть, но где-то там, наверху, где царила атмосфера цирка, с ее шумовой какофонией и фейерверком цветных огней, был натянут канат, по которому ему предстояло пройти!

И вдруг откуда-то из толпы снова выплыл Айск. Его жабры подрагивали и опадали, яркий свет бросал резкие черные тени на его зеленое лицо. В здоровой руке он держал парализующее ружье.

— Лезь вверх-ерх, — приказал он. — Давай-ай лезь...

— Я-то лезу, — насмешливо ответил Роун, — а ты не хочешь попробовать? В том-то и дело — такое под силу лишь землянину.

«Короткая и славная жизнь», — вспомнил он рассказ отца, глядя на мачту и

теряющийся где-то в небе канат. Наверняка и Стеллери где-то рядом и следит за ним. Во что бы то ни стало он должен преодолеть усталость, онемение в ногах и проделать свой номер гладко, так, словно он всю свою жизнь провел в зоо. Пусть Стеллери гордится им!

Поднявшись до середины, он задержался, чтобы отдохнуть. Он хотел сберечь свои силы и боялся сбить дыхание. Хожение по канату при такой гравитации не сулило облегчения. Сложность усугублялась еще и тем, что Роуну нездоровилось, он чувствовал жар, головокружение и боль в ноге.

Рискнув посмотреть вниз, Роун сразу же заметил Айска, который все еще стоял у основания мачты. Таким маленьким и таким игрушечным он казался отсюда! Если бы... Если бы не парализующее оружие в его руках! Вздумает он выстрелить в Роуна, и все решат, что канатоходец сам свалился с каната.

Подстегнутый этими соображениями, Роун принялся карабкаться дальше, прекрасно понимая, что на канате он будет в безопасности: ружье Айска не могло взять такой высоты.

Яркое световое пятно выхватило Роуна из темноты, и он почувствовал, что тысячи глаз устремлены сейчас на него. Голос по-клориански зарокотал на всю арену, и Роун догадался, что представляют его номер, но он понял лишь единственно знакомое ему слово — «землянин».

Толпа гудела громко «и требовательно, а Роун старался не обращать на нее внимания — он продолжал карабкаться, невзирая на холодный от резкого ветра металл лестницы и предательски скользкие потные ладони.

Наконец он достиг верхней платформы. В нескольких футах над головой раздувалась и хлопала верхушка тента. Барабанный бой, долетевший снизу, возвестил о начале, а выхвативший его поток света лишь усилил и без того пылающий в нем жар. Роуну казалось, что все медленно кружится вокруг него, а сам он вот-вот упадет. Он лихорадочно ухватился за хрупкую ограду, понимая, что, если сорвется, ему уже ничто не поможет.

Роун поставил ногу на канат, еще раз глянул вниз и содрогнулся — под ногами весь мир провалился в бездну. Он невольно попятился назад и почувствовал в желудке холодок страха, постепенно сковывающего все его тело.

Роун судорожно вцепился в поручни платформы. Но даже стоять здесь, на маленькой площадке, и то ему было жутко. Он чувствовал себя элементарным трусом, но ничего поделать с собой не мог. Он просто-напросто испугался за свою драгоценную жизнь и способен был думать лишь о том, как ему вернуться обратно. Но ведь и там, внизу, его поджидает Аиск — с ружьем!

Выхода не было, Роуну захотелось умереть прямо здесь, на этой маленькой площадке, просто умереть и все... И вдруг откуда-то издалека долетел до него слабый чистый голос, звавший его, Роуна. Словно очнувшись от дурного сна, он поднял голову и увидел Стеллери на противоположной площадке. Она была одета в облегающий золотистый костюм.

— Если ты сейчас не придешь ко мне, я сама пойду по канату.

Не веря своим глазам, Роун растерянно смотрел на нее, все еще продолжая цепляться за поручни. Она смертельно боялась высоты и все-таки вскарабкалась сюда, под самое небо, понимая, что может ему понадобиться.

Он шагнул за ограду. Теперь его не страшило падение. Если даже это случится, он просто умрет, умрет, как его отец, вот и все...

Он подошел к туго натянутому черному тросу, спокойно ступил на него, постоял, осторожно балансируя, и вдруг облегченно рассмеялся — и от сознания того, что он все-таки не трус, и от любви к почти земной женщине, да и просто от ощущения радости жизни.

Роун двинулся по натянутому канату; только на миг он остановился на его середине, чтобы благодарно помахать своим невидимым зрителям. Выполняя этот смертельный номер под громкий барабанный бой, он стал настоящим повелителем толпы.

И не только толпы. Пройдя по канату до самого конца, он сразу же оказался в объятиях ожидающей его Стеллери. Как только он сделал последний шаг, она поймала его руку, притянула к себе и нежно посмотрела ему в глаза. Ее пышные волосы поблескивали

золотистой пудрой.

— Ты бы действительно это сделала? — спросил он ее потом, когда они уже спустились на усыпанную опилками землю, словно подернутую дымкой от дуговых ламп.

— Во всяком случае, я бы попыталась, — подтвердила она свою готовность. — А теперь я должна идти, скоро мой выход.

Она сжала ему руку и снова ускользнула в темноту. Желая проводить ее взглядом, Роун обернулся и увидел устремленные на него желтые глаза Айска, неотступно преследующего его.

Выступление Стеллери потрясало: это был великолепный эротический танец в пяти вариациях, одна из которых — довольно грубая — предназначалась для клориан. Толпа по достоинству оценила его, взревев от восторга.

Но другая вариация, бесспорно, посвящалась Роуну, и он был горд, что эта женщина, которую сейчас возжелали тысячи мужчин, принадлежит только ему одному.

К нему подошел старый лысый глун.

— Даже мне она кажется привлекательной, — восхищенно проскрипел он. — Она танцует, как настоящая королевская самка глунов. Она может изобразить все, что хочешь, стоит только ей заплатить Редкого таланта проститутка.

Роун в гневе сжал кулаки, готовый броситься на глуна, но того уж и след простыл.

Он до конца наблюдал за танцем, хотя и не получал от него прежнего удовольствия. Роун знал, что у Стеллери было много мужчин, вернее, даже не мужчин, а так, разного рода самцов. Но Роун знал и другое — никакая она не проститутка, а отныне и вообще у нее будет только один мужчина, это он сам — Роун.

Выступление Стеллери закончилось, и Роун стал ее ждать. Но она так и не появилась. Она опять исчезла.

Он безрезультатно пытался найти ее в этом ревущем хаосе, среди палаток и канатов, хлопающих на ветру знамен и ярких огней, в этой вопящей толпе, которая словно грязный поток хлынула на арену и в палаточный городок. Он расспрашивал о ней встречающих, но в ответ получал либо презрительное фырканье, либо оскорбление. Наконец какое-то жирное существо в серебряном парике проводило его в ее уборную.

Однако и там ее не оказалось. Совершенно растерявшись, Роун не знал, что делать. Оставалось лишь прислушиваться к своему непростому, чуть поколебленному чувству. Но наперекор всему Роуну хотелось вновь обрести веру в Стеллери.

— Куда она пошла? — спросил он у Хелы, делившей со Стеллери уборную. — Ты ее видела?

С удлинненными и сильно накрашенными глазами, стройная и грациозная, Хела отдаленно напоминала гуманоидную ящерицу. Она легонько хлопнула Роуна театральным хлыстом и показана маленькие зубки.

— Айск пришел и забрал ее. Он кое-что хотел. Она скромно уставилась в пол и хитрым движением мускулов выгнула свои веки вверх.

— Обычно он берет меня, — добавила она.

— Чего он от нее хотел?

— Чтобы она ему станцевала!

— Куда они пошли? Ты видела?

— Нет, но Айск разместился в секторе „С“, — накладывая бордовую краску на чешуйки губ, раздраженно ответила Хела.

Через ринги, сквозь толпу, во время продолжающегося представления, он пробирался на другую сторону арены. Он заметил уродливое лицо Нага, который окликнул его, но Роун даже не повернулся в его сторону. Где-то глубоко внутри засел в нем липкий страх, какое-то беспокойное чувство, он даже себе не мог объяснить какое.

А на арене, на потеху зрителям, пушки расстреливали шута; в воздухе запахло порохом. Огни вспыхивали и снова угасали, разноцветные светящиеся пятна расстилались ковром по арене в калейдоскопе танцующих узоров. Роун миновал большую палатку и

вошел в соседнюю, маленькую, где расположились рабочие. На бочонке, поставленном на попа, сидело сморщенное существо оливкового цвета, обнявшее свою огромную грязную морду обеими руками.

— Где Стеллери? — спросил Роун. Старик медленно вздохнул.

— Работает, — прохрипел он.

— Где?

— На себя работает.

Из примыкающей комнаты послышался сдавленный животный стон. В мгновение ока перебравшись через жесткие перегородки, Роун оказался в полутемном, грязном помещении с потертыми ковриками на полу. Картину дополняли бусы, развешанные по стенам, и неприятный запах странного фимиама. У противоположной стены, неуклюже сжимая в здоровой руке парализующее ружье, находился Айск. Его жабы импульсивно подергивались. Перед ним стояла беззащитная Стеллери, одна рука ее висела плетью, золотистый костюм сполз с плеча.

— Танцуй-уй, — скомандовал Айск, целясь в нее.

Роун видел, как она вздрогнула от этого раздваивающегося эхом голоса. Тут же рядом расположились у стены служители цирка, помощник директора, пара рабочих исканов и несколько мелких экземпляров в костюмах запасных шутов. Один из них, с опиумной сигарой во рту, обдал Стеллери облаком вонючего дыма.

— Давай, танцуй, — безразлично-лениво подстегнул он ее.

Стеллери испуганно попятилась назад.

— Ну, давай-ай, — злобно прикрикнул Айск.

Она повернулась, чтобы выбежать из палатки, но палец Айска нажал на спусковой крючок Стеллери упала, слабый стон вырвался из ее груди.

Роуну казалось, что все это происходит с ним самим, он просто физически ощущал ту боль, которую сейчас испытывала Стеллери, но усилием воли заставил себя сдержаться, чтобы не выдать своего присутствия. Он еще не мог вступать в схватку. Тихо отступив в темноту, он перебежал на другую сторону палатки, где мерзкое существо икало над своим пивом, потом выбежал в темные сумерки. Совсем рядом должна была лежать целая куча острых кольев. Спотыкаясь о тентовые канаты, он долго шарил во тьме руками, пока не наткнулся на нужный узел. Рванув бечевку, он выхватил подходящий пластиковый брус и стремглав бросился к тому выходу палатки, который открывался на аллею. Приподняв тяжелый полог, Роун осторожно ступил в провонявшее змеями и наркотиками помещение. У входа сидел маленький клоун в разноцветном ярком тряпье, рядом с ним стоял Айск, высокий, тощий, с покатыми плечами и длинной шеей. Он прижимал забинтованную руку к боку, а другая, неуклюже отведенная в сторону, все еще сжимала парализующее ружье. Вот оно-то и представляло собой главную опасность — такому оружию Роун ничего не мог противопоставить. Но сейчас речь не шла о честной игре. Надо спасти Стеллери любой ценой. И если он ошибется, то другого шанса уже просто не будет.

Роун сжал в руках кол, внезапно выскочил из-за спины клоуна и нанес сильный удар по здоровой руке Айска. Он не ударил по голове только потому, что не знал, где расположен у искана мозг.

Ружье вывалилось из руки Айска, а он все еще продолжал держать ее на весу, правда, теперь она кровоточила. Искан стал разворачиваться, и Роун снова замахнулся колом, метя в его шею. Тот успел развернуться, удар пришелся по плечу, а кол, соскользнув, вырвался из рук Роуна. И тут землянин лицом к лицу оказался с высоким, бледно-зеленым исканом. Обезумевшие глаза последнего бешено тарасились, грязно-белая бахрома жабр нервно дергалась, источая дурной запах крови.

— Оу-у-у, — выл Айск, замахнувшись ногой.

Но Роун уклонился и поймал ногу чудища, он изо всех сил крутанул ее и сбил Айска. Однако свалился и сам прямо на него. Жилистое тело искана упруго выгнулось под ним, круглые колени уперлись Роуну в грудь. Но он не ослабил хватку и продолжал выкручивать

ногу Айска, слыша, как хрустят податливые суставы. Он вспомнил отца и Стеллери, это придало ему сил.

Айск рычал раздваивающимся рокотом, пытаясь вырваться и уползти, но Роун ухватил его вторую ногу и с той же яростью принялся выкручивать ее. Потом он взгромоздился на спину Айска и стал его душить, он не отпускал его до тех пор, пока тот не затих.

Прерывисто дыша и покачиваясь, Роун тяжело поднялся. Он с трудом воспринимал творящееся вокруг, среагировал лишь на Стеллери, все еще лежавшую на полу, на рядом валявшегося Айска да заметил кол на куче грязного белья. Он подобрал кол и повернулся к искану. Тот лежал на боку, нелепо раскинув вывернутые ноги; желтые жабы еще подергивались, конвульсия сотрясала все тело. Роун замахнулся колом и замер. Не потому, что колебался, а потому, что выбирал место, куда нанести удар.

Желтые глаза неожиданно открылись.

— Быстреей-ей, — попросил Айск.

Роун с силой обрушил на него кол, удовлетворенно отметив, как дернулись конечности искана. Он нанес ему пару ударов, чтобы окончательно убедиться — больше Айск никогда не возникнет на его пути. Потом он отшвырнул его в сторону, подобрал грязное покрывало и вытер забрызганную желтоватую кровь со своего лица и рук. Он смерил взглядом всех собравшихся. Двое маленьких клоунов придвинулись к мертвому искану, капельки слюны заблестели на уголках их клювоподобных плотоядных ртов.

— Никто не помог Стеллери, — осуждающе сказал он. — Никто не помог мне. Может, сейчас кто-нибудь из друзей Айска захочет драться со мной? Если хочет, я к его услугам.

Сжимая руки, он бросил взгляд на кол. Роун тяжело дышал, он еще не пришел в себя полностью, но в глубине души надеялся, что хоть кто-нибудь из исканов все-таки выступит против него. После случившегося он был по-настоящему возбужден от одной только мысли, что в состоянии убить любого из них или всех скопом.

Однако вперед так никто и не вышел. Существо, курившее опиумную сигару, потушило ее и спрятало в карман своей черной рубахи.

— Это твоя битва, Роун. Айск был ценным домашним скотом, Гому Балжу это может не понравиться. Но кто же ему скажет! Он может вообще ничего не заметить. Ну, а кто позаботится о мертвом?

— Мы позаботимся, — плотоядно откликнулись маленькие шуты, склонившиеся над исканом в предвкушении пира.

Остальные начали тихонько разбредаться, поскольку забаве пришел конец. Роун подошел к обессиленной Стеллери и поднял ее на руки. Он даже не ожидал, что она такая хрупкая и такая легкая. И впервые почувствовал острое желание заботиться о ней.

Она слабо улыбнулась ему.

— Он... наверное... сошел с ума...

— Не бойся, Стеллери, он уже больше никогда тебя не потревожит.

Роун вынес ее из палатки в холод сверкающей звездами ночи, стараясь поскорее укрыться от глаз ревушей толпы. Рука Стеллери нежно обвилась вокруг его шеи. Ее измученное лицо было так близко, ласковые губы жадно приоткрылись рядом с его губами.

— Отнеси меня... в мою палатку... — выдохнула она. Роун повернулся и по узкой тропинке двинулся мимо палаток, способный чувствовать только запах ее духов и чудесное прикосновение ее нежного тела.

Глава седьмая

В сером свете клорианского заката снова загружали корабль, возвращая на него цирковое оборудование. Роун работал наравне со всеми, разбирая палатки, складывая огромные полотна, свертывая кольцами целые мили канатов, связывая кольца, выбивая опоры, упаковывая оборудование и костюмы.

Позже, в своей комнате, Стеллери налила Роуну стакан вина и села к нему на колени.

— Знаешь, до того момента, как ты защитил меня от Айска, я даже не предполагала, как сильно люблю тебя, — сказала она нежно.

— Странно, о нем даже никто не вспомнил, — задумчиво произнес Роун. Они что, не станут выяснять обстоятельства его смерти?

— А зачем? Последнее время со своей разбитой рукой он был не слишком-то полезен.

— Ну, а его друзья?

— Ты рассуждаешь как землянин, — засмеялась Стеллери, с удовольствием отпив немного вина.

Роун тоже пригубил стакан, в нем оказался „розовый бутон“ Дари с Афелы, вкусом он напоминал очень сладкий виноград.

Ал гол-два представлял собой полукруг бледно-голубого цвета с золотым ободком. Его изображение заполняло большую часть экрана в старой пыльной комнате, которая когда-то служила грандиозной обсерваторией.

— У меня есть идея, — сказал Роун, обнимая Стеллери за тонкую талию. — Ты говорила когда-то, что на Алголе живут земные мутанты и что климат здесь близок к земному. А почему бы нам не остаться здесь? Когда шоу кончится, мы исчезнем. Гом Балж не станет тратить на поиски наших особ...

— А зачем? — удивилась Стеллери, вскидывая брови, подведенные фиолетовым карандашом. — Что мы будем делать на Алголе-два?

— Поживем там, пока не наберем достаточно кредитов на отъезд. Я должен вернуться в Тамбул. Ведь мама осталась совершенно одна.

— Но зоо — мой дом! С десяти лет я не покидаю этот корабль, здесь безопасно, к тому же мы можем быть вместе.

— Понимаешь, — продолжал Роун, — мама знает о моем настоящем происхождении. Может быть, даже кто мои родные отец и мать. Я должен это выяснить, а потом отправиться на Землю...

— Роун, Земля — это всего лишь мифическая планета! Ты не можешь...

— Могу, — упрямо перебил он. — Земля — это реальная планета. Я знаю, я чувствую это. Она не похожа на другие миры. На Земле все происходит как должно. Никакой ненависти и жестокости, грязи и бессмысленной смерти. Я никогда не бывал там, но мне кажется, знаю тот мир так же хорошо, как если бы всю жизнь там провел. Этому миру я принадлежу.

Стеллери прижалась к нему, взяв его за руку.

— Ах, хороший, будем надеяться, что так оно и есть. И если Земля в самом деле существует, ты ее обязательно найдешь.

Зоо благополучно прибыл на Алгол-два и сразу дал представление. На этот раз Роун не волновался, был совершенно в себе уверен и выступил успешно, пройдясь по канату при пониженной гравитации. Танец Стеллери тоже имел огромный успех у земных мутантов. Это были странного вида карлики — с кустистыми баками на висках и кривыми ногами, с огромными животами и без видимых признаков пола. Однако они в такой степени активно оценили эротический заряд танца Стеллери, что некоторые из занимавших боковые балконы с серьезным видом принялись совокупляться с партнерами еще до того, как закончился танец.

После выступления Роун нашел Стеллери возле барьера арены. Она наблюдала, как Железный Роберт проводит обязательную разминку.

— Я придумал способ удрать, — сказал Роун тихо. — Как только...

— Тс-с-с... — она положила ладонь на его руку, вся поглощенная происходящим на арене, где каменный гигант душил огромное вооруженное существо с обезумевшими, выпученными глазами. Противник уже почти не сопротивлялся, а Железный Роберт продолжал избивать его на потребу толпе, которая даже помыслить не могла, что подобное существо может быть поверженным

— Слушай, — настаивал Роун. — У меня есть одежда и еда в узле, ты готова идти?

Она повернулась и с сомнением посмотрела на него.

— Ты действительно решился? Сейчас? Просто так, взять и уйти...

— А как иначе? Сейчас самое подходящее время.

— Роун, это сумасшествие! Но если ты уходишь, я уйду с тобой. Только давай подождем, пока закончится выступление Железного Роберта. Мы сможем незаметно проскользнуть, когда будут спускаться верхние зрители. Сейчас же обязательно кто-нибудь нас заметит. Ты же не хочешь, чтобы нас поймали. Гом Балж довольно изобретателен по части наказания дезертиров.

— Хорошо. Как только закончится поединок и появятся извлекатели шума, мы смешаемся с толпой и выйдем через девятнадцатые ворота. На той стороне есть большие плантации, мы можем нырнуть туда, а потом добраться до города.

Раздались редкие хлопки, когда Железный Роберт отшвырнул в сторону свою жертву и поднял огромные ручки в знак победы. Он подошел к Роуну и Стеллери, на лету поймал полотенце, брошенное ему Мэгом или кем-то из его братьев, вытер бледно-розовую кровь с лица и рук, затем достал скребок из поясной сумки и, хмурясь, принялся чистить себя, даже не замечая звукового сопровождения наподобие скрежета зубов. Железный Роберт был очень чистоплотным и педантичным, чтобы отвлекаться на пустое.

— Как тебе понравился поединок, землянин? — спросил он неожиданно.

— Я по-настоящему не видел его, — признался Роун. — Когда я пришел, он уже заканчивался.

Железный Роберт фыркнул так, словно валун скатился по склону.

— Любителям нравится смотреть большое представление, — прогудел он. — Железный же Роберт убивает слишком быстро, надо немного продлить номер, чтобы оправдать потраченные ими деньги, — он закончил свой туалет и убрал скребок.

— Следующий бой, видно, будет другим, — продолжал он. — Парегон — слабый противник, его можно разорвать и голыми руками. Но за ним — криназель. Никогда его раньше не видел. Говорят, он достаточно силен. Кто он? Кто знает. И его разорвать я должен?!

— Полагаю, ты можешь справиться с любым, кого они захотят выставить против тебя, — убежденно заявил Роун, оглядываясь по сторонам.

Он высматривал Гома Балжа — только не хватало попасться ему на глаза в момент побега.

— Пока, землянин, пока, — сказал гигант. Он смотрел на Роуна со странным выражением своих зеленых, стекловидных глаз. — До сих пор Железный Роберт побеждал всех, но когда-нибудь и он встретит существо намного сильнее, — он махнул рукой в сторону трибун. — Ведь за этим они все сюда и приходят. И однажды они увидят не только мое поражение, но и мою смерть. Это может случиться сегодня, в следующем году или через сто лет. Но когда бы это ни произошло, я должен драться во имя победы и до последнего вздоха. Железный Роберт рожден для борьбы. И он будет бороться, пока не погибнет...

Призывно взревела труба. На вычищенной арене рабочие завершали установку тяжелой ограды, громкоговорители гроыхали над головами, рекламируя предстоящий поединок. Железный Роберт одним глотком опустошил бутылку, отшвырнул ее в сторону и ступил на середину ринга, тотчас оказавшись в самом фокусе пересекающихся лучей юпитеров. Появился Джамбо, едва волочащий огромную клетку из железных прутьев, которая ходила ходуном от мощных ударов какого-то гигантского существа. Толпа враз умолкла. Невероятно тощая, высоченная особь в зеленых шелках потянула канат — дверь клетки опустилась.

Треугольная чешуйчатая голова, высунувшаяся наружу, вопросительным знаком покачивалась на длинной змеиной шее. Затем криназель, сотрясая арену, мощным прыжком выскочил из клетки и, приземлившись, замер, словно выставив себя напоказ. Он имел определенное сходство с динозавром из первобытного мира, в роговых пластинах вдоль „дугобразного хребта. Но пугал не столько его внешний вид, сколько энергия разума в его

маленьких горящих глазках. На миг застыв, криназель всматривался в море лиц за барьером, смерил взглядом и Железного Роберта, который был вдвое меньше его и в свою очередь внимательно изучал противника.

Роун слышал глубокий вздох Стеллери.

— Неудивительно, что ставки так высоки, — вымолвила она. — Гом Балж говорил, что синдикат специально для поединка привез кого-то с Алгола-три. Это планета с высокой гравитацией, такой монстр там весит в два раза больше, чем здесь. Посмотри на него! Нет, это ужасно...

— Послушай, но в этом же нет ничего страшного, верно? — чего-то не улавливая, спросил Роун. — Ведь так было задумано, разве нет?

Стеллери повернулась к нему:

— Я знаю Железного Роберта еще с детства. Я видела, как он выступал против ужасающих борцов и самых жестоких убийц в сотнях миров, и он всегда побеждал честно. Побеждал — своей силой и мужеством. Ему никто никогда не помогал, — и она бросила тревожный взгляд на арену.

Криназель буквально впился глазами в Железного Роберта, который стоял к нему спиной, высоко подняв руки в гладиаторском приветствии публике.

— Я боюсь за него, Роун, — прошептала Стеллери. — Ему никогда не приходилось бороться ни с чем подобным!

Неожиданно криназель сгруппировался и прыгнул, оттолкнувшись своими кожистыми лапами. Как неуклюжая огромная птица, он взмыл вверх, прямо на плечи Железного Роберта, будто специально для него подставленные. Пальцы Стеллери глубоко вонзились в руку Роуна.

— Почему он не оборачивается?

Но в самую последнюю долю секунды Железный Роберт все-таки успел обернуться со стремительностью, совершенно невероятной для его массивного тела. Он увернулся от броска криназеля и ударил его своей дубинообразной рукой. Но удар не причинил никакого вреда словно бронированному животному, кулак отлетел от него, как пушечное ядро отлетает от каменной кладки. Правда, зверь немного пошатнулся, споткнулся, вздымая фонтан пыли, затем вскочил, развернулся и снова стал атаковать. Отвратительная треугольная голова метнулась вниз с открытой пастью и лягнула о каменную кожу Железного Роберта, сбив его с ног. Однако Железный Роберт сумел обхватить чешуйчатую шею. Зверь взвился и перевернулся, но Железный Роберт продолжал держать треугольную голову, сворачивая ее набок. Его каменные пальцы сомкнулись на углах зажатого рта. Тяжелый хвост рептилии бился о землю, поднимая огромный столб пыли, а когти коротких лап остервенело скребли по груди и плечам каменного гиганта, высекая снопы искр. Затем криназель удалось разомкнуть челюсти и высвободить шею, отшвырнув Железного Роберта в сторону. Тот покатился в пыль и еще до того, как успел вскочить на ноги, получил от криназеля страшный удар, который потряс всю арену.

Поднявшаяся пыль на несколько мгновений скрыла от всех место битвы. Роун закашлялся.

— Я не могу больше смотреть... — заплакала Стеллери. — Что случилось?

Однако Железный Роберт все-таки снова успел подняться и даже схватить кожистую лапу зверя размером почти с него самого. Криназель неуклюже дернулся в сторону, пытаясь освободить лапу, его голова на длинной шее снова обрушилась на Железного Роберта. Но тот лишь весь сжался, подтягиваясь вверх.

— Эта тварь слишком велика для него, — всхлипывала Стеллери. — Он даже не может дотянуться до уязвимого места...

В этот момент криназель порывисто поднял попавшую в ловушку ногу и резко ударил ею о землю. Железный Роберт достойно выдержал этот удар о твердую, как камень, поверхность арены; из последних сил он продолжал держаться.

— Ему больно! — задыхнулась в отчаянии Стеллери. — Ему остается только

держаться. Он больше ничего не может сделать! Но если только он отпустит зверя, то получит еще более страшный удар.

— Во всяком случае, зубы этой твари никакого вреда ему не причиняют, — заметил Роун чуть встревоженно, словами стараясь прежде всего успокоить самого себя. — С ним все в порядке. Он будет держаться до тех пор, пока не вымотает эту зверюгу, ну а потом...

— В том-то и дело, что криназель не вымотается Во всяком случае, при такой низкой гравитации

Ребристые бока животного тяжело вздымались, голова на длинной шее поворачивалась, стараясь все время видеть Железного Роберта. Воспользовавшись этой секундной передышкой, каменный гигант подпрыгнул, ухватился за костистый отросток, украшавший холку криназеля, и быстро взобрался к нему на спину. Ноги зверя расползлись, и внезапно он рухнул, массивной челюстью ударившись о землю, но сила этого удара неожиданно скинула с его спины Железного Роберта.

Уже в следующую секунду криназель выскочил из пыльного облака, развернулся и бросился на противника. Перепрыгивая через него, он нанес страшный удар хвостом, подобным стволу мощного дерева. Железный Роберт упал, криназель снова агрессивно рванулся... И тут Роун увидел, что хвост его сломан, кожа разорвана и кровь скатывается по чешуйкам, образуя пыльные комочки. Треугольная голова на длинной шее импульсивно задергалась из стороны в сторону, словно в поисках избавления от мучительной боли. А в это время в пятидесяти ярдах от него Железный Роберт с трудом поднимался на четвереньки.

— Ему же больно! — вскричала Стеллери. — О, пожалуйста, Железный Роберт, вставай, ну, пожалуйста!

Но встать он так и не успел, потому что пошатывающийся криназель приблизился к нему и огромной ногой нанес еще один удар, всколыхнувший землю вокруг.

— Гом Балж должен прекратить это! — почти в истерике закричала Стеллери, потрясая руками — Эта тварь убьет его!

— Подожди! — Роун поймал ее руку. — Еще не конец! Смотри!

Все так же пошатываясь, криназель неуклюже двигался боком, словно потеряв ориентацию, голова его низко свесилась. И вот тогда Железный Роберт обхватил эту согнутую шею и вонзил каменный палец в маленький глаз криназеля. Зверь вздыбился, но Железный Роберт удержался, развернулся и выбил ему второй глаз. С диким воплем криназель рванулся назад и безнадежно завалился набок, а каменный гигант отлетел в сторону, упав на спину. Он было поднял окровавленную руку, но она бессильно упала.

Ослепленный криназель чуть приподнялся, затем присел; густая кровь ползла по его треугольной морде, судорожно разевающей свою примитивную пасть в беззвучной агонии. Он даже сделал попытку пробежать немножко, волоча свой сломанный хвост, но силы окончательно оставили его, неполностью сломленный своей беспомощностью, он снова присел. От его коварства не осталось и следа.

Шепоток пробежал по смолкшей было толпе, кто-то даже зашипел; при этом звуке криназель подскочил и тут же грудью налетел на толстую перегородку. Зрители в ужасе отпрянули назад, истошно крича. Запаниковавший зверь в страхе метнулся вперед, но, сбив секцию ограды, бросился обратно и снова налетел на барьер. Как раз в это время из системы оповещения раздались призывные звуки трубы и появилась яркая, раздувшаяся фигура Гома Балжа в алом плаще; в руках он держал тяжелое ружье. Он молча прицелился и снес голову искалеченному зверю. Тот рухнул в боковой проход и вскоре замер, оставив после себя лужу черной маслянистой жидкости.

Гом Балж подошел к Железному Роберту, постоял, глядя на каменного гиганта без тени сожаления, и поднял ружье.

— Нет! — Стеллери обогнула барьер и бросилась наперерез антрепренеру. — Не смей! — услышал Роун ее решительный голос, едва пробивший недовольный рокот толпы.

Толпа пришла сюда поразвлечься, поглядеть на самых страшных борцов во всей Галактике и теперь чувствовала себя обманутой, поскольку уже не будет продолжения

кровавого зрелища.

Когда подошел Роун, Гом Балж все еще держал ружье.

— Как хочешь, моя дорогая! — пророкотал он. — Я просто думал...

— Железный Роберт — это не какое-нибудь раненое животное, — выпалила Стеллери.

— Но ведь так оно и есть, — прогудел Гом Балж, закуривая сигару футовой длины. — А как же, по-твоему, его еще назвать? Впрочем, неважно, попрощайтесь с ним или что там еще и возвращайтесь к работе, хорошо? — И он отвернулся.

— Мы должны вызвать сюда команду, — сказал Роун.

— Он слишком тяжелый, его не поднять...

— Бросьте его здесь, — предложил Гом Балж. — Захоронение — это проблема местных. А теперь я должен...

— И ты даже не собираешься помочь? — не переставал удивляться Роун, преграждая дорогу объемистому бизнесмену.

Гом Балж подмигнул Роуну, махнув сигарой.

— Эх вы, земляне, — усмехнулся он, — такие непрактичные...

Он быстро скользнул в сторону, и толпа суетливых циркачей поглотила его. Публика расходилась, поток схлынул, и команда рабочих принялась разбирать верхние ряды. Стеллери наклонилась к Железному Роберту.

— Прощай, — сказала она грустно. — Ты здорово боролся, Железный Роберт, но он оказался, сильнее.

Каменный гигант открыл глаза.

— Криназель... яростный боец, — произнес он скрипучим, измученным голосом. — Грязный... след... выбитых глаз, — его каменное лицо исказилось гримасой боли, а гигантская грудь вздыбилась в усилии вздохнуть.

— Послушай, ты сможешь встать? — спросил Роун.

Он ухватил массивную руку и потянул, но это было равносильно попытке поднять мощный ствол рухнувшего дерева.

— Сейчас что-нибудь придумаем, — он сосредоточенно посмотрел в сторону корабля, который теперь высился на месте палаток.

Команда рабочих переносила на корабль аренное покрытие, перегородки, а группа суетливых аборигенов тем временем принялась сдирать шкуру с мертвого криназеля. Больше никого рядом не было.

— Никто не поможет, — сказала Стеллери в отчаянии. — Они никогда никому не помогают. Во всяком случае... — она осеклась, увидев, как Железный Роберт с трудом вытянулся на спине.

— Во всяком случае... никакого толка, — прорычал гигант. — Железный Роберт побежден... кость спины сломана. Ноги... не двигаются. Идите... Гому Валжу не понравится... что вы задерживаетесь...

Подошел какой-то толстый, лысый гуманоид, покачивая ружьем.

— Давайте, вы двое, — приказал он. — Там для вас работа. Гом Балж сказал...

— Не командуй мной, Буллаг, — огрызнулась Стеллери. — Мы просто собираемся...

— Я его здесь не оставлю в таком состоянии, — жестко произнес Роун.

Он беспомощно огляделся. Местные жители уже почти полностью ободрали кожу с боков криназеля, обнажив белую, как кость, плоть животного. Да, Роун уже давно понял, что никому ни до кого здесь дела нет, тем более до Железного Роберта. Никто о нем не позаботится.

Мимо команды, складывавшей покрытие арены, вверх по кормовым сходням корабля медленно двигались животные. И тут Роун увидел Джамбо, возвышающегося над обитателями зоо, как корабль в открытом море.

— Веди сюда Джамбо, — крикнул он Стелленри. — А я найду какой-нибудь канат...

— Но, Роун!..

— Делай, что я тебе говорю! — приказал он и куда-то побежал.

— Эй! — охранник повернул ружье.

— Заткнись, Буллаг, — одернула его Стеллери. — И не вздумай пустить в ход ружье. Оно у тебя только для острастки.

Роун сделал петлю из толстого каната, накинул ее на руку Железного Роберта и затянул узлом Стеллери уселась на голову Джамбо, свесив ноги на его морщинистый лоб, а Джамбо, пока Роун привязывал канат к его железной сбруе, нее время вертел хоботом.

Бросив взгляд в сторону корабля, Роун заменил, что почти все животные уже были на борту, последние повозки со скарбом медленно поднимались по пандусам. С корабля послышался пронзительный свист.

— Эй, шевелитесь! — поторопил Буллаг. — Скоро отчаливаем. Вы что, хотите остаться?

— Тяни, Джамбо! — закричала Стеллери. — Быстрее! Тяни!

Слон сделал шаг и рывком остановился, затем посмотрел назад, через плечо, и растерянно похлопал ушами.

— Ну, тяни же, тяни, Джамбо, — умоляла его Стеллери.

И Джамбо налег на упряжь, словно понимая, что от него сейчас многое зависит. Из всех сил упираясь в пол арены своими мощными ногами, Джамбо напрягся, и многотонное тело Железного Роберта наконец сдвинулось с места, пропахав по грязной глине уже пустой арены глубокую борозду.

Стоявший на сходах Буллаг подпрыгнул от внезапного пронзительного свистка. Он нервно взмахнул ружьем. С корабля с любопытством выглядывали удивленные лица.

— Пять минут до отправления, — бушевал охранник — Можете бросить эту глыбу прямо здесь и поднимайтесь на борт!

Джамбо ступил на широкие сходни и начал подъем. В громкоговорителе монотонно звучал перечень распоряжений. Наверху появился Гом Балле.

— Эй, эй, это еще что такое? — проревел он и замахал рукой, оглядываясь точно преступник.

Огромное тело Железного Роберта, тащившееся по грязи, как сброшенный с постамента монумент, достигло края сходней и застряло. Джамбо старался, как мог, ремни натянулись на его груди, одна из заклепок с треском отлетела, лязгнув о борт. Роун подбежал к каменному гиганту и подставил шест под его огромное плечо. Джамбо качнулся пару раз, затем сделал рывок, и Железный Роберт медленно пополз по пандусу с таким скрежетом, словно волокли по стапелям разбитый корабль.

Так они оказались на корабле. Гом Балж недовольно перебирал своими двигательными щупальцами, громко ворча. Любопытствующие, немного поглазев, вскоре исчезли — им надоела глупость землянина....

Лавандовая пудра Стеллери смешалась с потом, два золотистых ногтя оказались сломаны. Но Роуну все в ней казалось прекрасным — и скорбное выражение светло-карих глаз, и прилипшая к телу туника, и даже грязные потеки на лице. Лацпорт с грохотом закрылся, загорелись бортовые огни, а они все стояли и смотрели на безжизненное тело Железного Роберта, которого все-таки не бросили, а может быть, и спасли.

— Да, возможность удрать из зоо упущена, — вздохнула Стеллери. — Что теперь собираешься делать? Бросить его здесь?

— Приведу ветеринара, он поставит его на ноги А мы будем его кормить и чистить будем. В конце концов, он поправится.

Стеллери с любопытством смотрела на Роуна.

— Почему? — удивленно спросила она. — Он же ничего для тебя не значил, ты едва знал его...

— Никто не должен один на один оставаться со своей бедой, тем более — смертью, да еще только потому, что проиграл бой, — коротко ответил Роун.

— Ты сумасшедший, смешной землянин, — сказала Стеллери, а потом вдруг расплакалась.

Обняв ее, Роун думал, что она, конечно же, полукровка и, наверное, потому ей так трудно его понять.

Около двух месяцев Железный Роберт недвижно пролежал за парусиновой перегородкой, закованный в массивные бетонные шины. Роун и Стеллери без устали ухаживали за ним — кормили, чистили его и, как могли, подбадривали. То и дело спускался Гом Балж посмотреть на гигантского инвалида, постучать щупальцами по шинам и поворчать насчет расходов.

И вот наконец наступил день, когда ветеринар разрешил снять шины. Вместе с Роуном спустился и Наг, помогая землянину тяжелым молотком сбить с Железного Роберта бетон. Когда они завершили эту сложнейшую процедуру, каменный гигант неуклюже сел, затем поднялся на ноги, словно с ним ничего и не произошло.

— Земные обычаи — странные, — прогромыхал он, глядя сверху вниз на Роуна. — Я не буду больше называть тебя землянином. Ты для меня теперь Роун. Железный Роберт — твой друг, Роун. Но все равно я не понимаю земных законов, наверное, они лучше всех тех, которые Железный Роберт знал раньше.

Появился Гом Балж, попыхивая двумя сигаретами, и, оглядев Железного Роберта, тряхнул головой:

— Удивительно, юный землянин, но ты оказался прав. Ты вернул мне ценное имущество, надеюсь, он теперь как новенький. Я справедливый человек, землянин, и решил вознаградить тебя. С этого момента можешь считать полукровку Стеллери своей наложницей, она теперь только для твоего пользования. Правда, за исключением тех случаев, когда у меня будут гости земного происхождения.

— Она не твоя собственность, Гом Балж, чтобы ты мог вот так запросто дарить ее кому-либо, — резко оборвал его Роун.

— Как это не моя? — Гом Балж растерянно заморгал, глядя на Роуна. — А зачем же я платил...

— Никто не вправе владеть Стеллери.

— Слушай-ка, парень, тебе бы лучше вспомнить, с кем разговариваешь! А то ведь прикажу связать тебя ремнями и пороть целую неделю! Забыл о такой перспективе?

— Ну уж нет! — пророкотал Железный Роберт — С этого момента никто и пальцем Роуна не тронет, Гом Балж! Железный Роберт убьет любого, кто попытается его обидеть, даже тебя.

— Вот как?! — Гом Балж невольно попятился, дико озираясь по сторонам. — Что это за порядки пошли! Мной помыкает моя же собственность!

— Железный Роберт не собственность, — прогремел угрожающе великан. — Железный Роберт принадлежит королевскому роду, им не может владеть другое существо. А Роун — мой друг. И скажи своей команде — Роун друг Железного Роберта

— А поскольку ты не можешь меня отдать, — вставила Стеллери, — ты все-таки должен вознаградить Роуна. Думаю, самое время дать ему статуе равноправного существа и начать ему платить. Его надо освободить от всех обязанностей, кроме выступления на канате. Он должен есть с другими артистами на общих обедах.

— Как это... как это... — заикался ошеломленный Гом Балж.

Однако в конечном счете ему пришлось согласиться, и вскоре он предпочел удалиться, все еще недовольно ворча.

Глава восьмая

Они отмечали победу Железного Роберта над Огненным Клинком с Дибы. Роун выпил слишком много и не отпускал Стеллери до самого отбоя. Теперь же его мучили ночные кошмары — ему казалось, что он борется с какими-то огромными железными руками, которые пытались его поймать, потом до него доносился зовущий любимый голос, а он не в состоянии был откликнуться...

Роун с трудом продрал глаза и ясно услышал собственное дыхание, с хрипом рвавшееся из горла, и откуда-то несущиеся пронзительные завывания сирены. Он хотел вскочить с постели, однако сокрушительная тяжесть удерживала его, распластав на спине. Край кровати врезался в руку, а складки одеяла впились в тело словно лезвие клинка. Где-то далеко бренчали колокольчики, а тусклый свет за черным стеклом диска над дверью почему-то превращался в зловещую красноту — то вспыхивающую, то гаснущую...

Роун с невероятным трудом перевернулся на бок, буквально переложив онемевшую руку словно железную колоду. Попытавшись все-таки встать, он с грохотом свалился с кровати на пол.

Лежа на полу ничком, он почувствовал сильную вибрацию, сотрясающую и палубные плиты. Двигатели работали — здесь, в глубоком космосе, за четыре парсека до ближайшей системы! Задыхаясь, он поднялся на ноги, кости его хрустели от появившихся при ускорении перегрузок. Наверняка сейчас около трех нормальных сил тяжести. Сквозь рев двигателей, бречение колокольчиков и вой сирены донесся до него, как ему показалось, призывный голос Джамбо.

Роун с трудом вышел из комнаты в коридор, волоча ноги точно якоря. Тем временем шум нарастал, выли пронзительные сирены, откуда-то издали неслись зовущие голоса. В конце коридора ждал распахнутый лифт. Забравшись внутрь, Роун с трудом дотянулся до контрольной панели и нажал кнопку палубы зверинца. Чудесным образом на какое-то мгновение убивающий вес исчез, и Роун успел перевести дыхание; затем снова сдавила многотонная темнота, прочерчиваемая крошечными красными огоньками...

Он лежал на полу, ощущая запах крови. Бело-голубое мерцание с потолка позволило ему рассмотреть длинный белый коридор и решетчатые двери в стенах. Роун пополз по коридору и вдруг увидел, как из-под дверей вытекают черно-красные и ярко-зеленые струйки, быстро превращающиеся в поблескивающую пленку с каким-то странным замысловатым узором.

Преодолевая разрывающий его голову гул двигателей и рвущиеся из клеток рев и стоны последней агонии, Роун заставлял себя двигаться дальше, не заглядывая в клетки.

Высокая, решетчатая дверь стояла Джамбо была выгнута наружу, двухдюймовый стальной прут вырван из гнезда. Слепший слон лежал со сломанными ребрами, и только его хобот еще немного двигался. Кровь текла из его открытого рта и из-под опущенных век. Роун представил, какой отчаянной была борьба животного за глоток воздуха.

— Джамбо! — выдохнул он.

Тяжелый хобот слегка шевельнулся. Огромные ноги дрогнули, стон вырвался из разбитой груди.

Роун взглянул на укрепленное в скобах ружье. Вытащив его, проверил заряд, поднял, преодолевая сопротивление тяжести, прицелился в промежуток между истекающими кровью закрытыми глазами Джамбо. И нажал курок...

В покрытом коврами коридоре, ведущем к апартаментам Гома Балжа, сирена звучала глуше. Роун проталился на свинцовых ногах мимо искана, лежавшего с вытянутой трехпалой рукой, в сторону комнат хозяина.

В кабинете лежал Гом Балж, его тело было вдавлено в пол, глаза вылезли из орбит. Он едва пошевелился, когда Роун приблизился к нему, и с трудом поднялся на четвереньки.

— Зачем ты... убиваешь нас всех... Гом Балж? — спросил Роун и замолк, чтобы отдышаться.

— Не я... — прохрипел антрепренер. — Это не я... юный землянин, — он хрипло выдохнул. — Каким-то образом... пришли в действие старые... поенные... схемы... отражения... Максимальное ускорение... три стандартных... силы тяжести...

— Почему?

— Никто не знает... почему... юный землянин...

— Что ты... можешь сделать?

— Это... очень плохо... юный землянин. Нин какой надежды... Пришло время...

завершить... биологический процесс...

— Ты имеешь в виду... умереть?

— Когда... окружающая обстановка... становится... враждебной... быстрая смерть... самое желанное...

— Я хочу жить. Скажи... что мне делать?! Казалось, огромная голова Гома Балжа еще больше втянулась в сдавленную массу тела.

— Инстинкт самосохранения... интересно... Жаль... у нас нет... возможности... обсудить это.

— Что я могу сделать, Гом Балж? — Роун притронулся к его толстой руке. — Я должен... попытаться.

— Нужно поберечь... дыхание. Пять минут... еще можно дышать... что касается меня... я могу немного... по сопротивляться... не обращай... внимания...

— Я выключу двигатели, — Роун задохнулся — Как?

— Бесплезно... юный землянин. Слишком поздно... смотри... у тебя из носа... течет кровь...

— Скажи, что мне делать...

— На военной палубе, — прохрипел Гом Балж, — командная... контрольная панель... рычаг, выкрашенный белым... но ты... не сможешь...

— Я попытаюсь, — сказал Роун.

Нескончаемо долго полз Роун по серой палубе, оставляя за собой кровавую дорожку, прежде чем оказался у высокого порога нужного ему помещения. Красная мерцающая панель над дверью предупреждала: "Военный контрольный пункт, только для командного состава".

С трудом одолев высокий порог, Роун оказался в пыльной комнате со множеством панелей и огромных экранов. На его глазах мертвая серость огромных экранов ожила в зеленоватой белизне панели мигающими яркими огоньками. По главному экрану двигалось вниз темное изображение, подрагивали датчики давления и расстояния; данные появлялись, а затем исчезали на циферблате землистого стекла. Роун втиснул себя в кресло боевого управления, сумел прочесть и расшифровать светящиеся голубым символы: РПС БЛОКИРОВКИ (РПС — радиолокационная противоракетная система.). Какой-то темный силуэт обозначился на главном экране. Изображение напоминало космический корабль.

Неожиданно в центре панели мелькнул зеленый огонек. На экране появились красные буквы, они образовали фразу на каком-то древнем языке: "ГЛАВНЫЕ БАТАРЕИ К БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ".

Затем фраза видоизменилась: "ГЛАВНЫЕ БАТАРЕИ К БОЮ. ГОТОВНОСТЬ ДЕСЯТЬ СЕКУНД".

На вспомогательных панелях словно разыгрывалась цветовая гамма — желтый цвет уступал место красному, а тот — белому.

"ОГОНЫ" — появилось на панели. И в тот же миг Роун почувствовал, как корабль задрожал, одновременно что-то щелкнуло внутри панели. Ряд за рядом вспыхнули контрольные приборы, выдавая информацию, настойчиво мигали сигнальными огнями датчики — автоматика контролировала боевую ситуацию.

От напряжения глаза Роуна словно заволокло туманом, он крепко зажмурился, стараясь их как бы прочистить, и, открыв их, действительно увидел тот самый белый рычаг, о котором ему говорил Гом Балж.

Рычаг находился справа от красной, расположенной по кругу мрачной надписи: "ГЛАВНЫЙ РАДАР — СЛЕЖЕНИЕ". Неимоверным усилием Роун поднял тяжелую руку, потянувшись, ухватился за гладкий рычаг и перевел его с положения авто" — на ручное. Боевые огни померкли.

Изучив управление, Роун обнаружил еще одну рукоятку — с зубриками, на ней были высечены буквы, образовавшие фразу: "ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ УСКОРЕНИЕ". Роун перевел ее на ноль.

Мириады шумов умолкли. Сила тяжести упала до нормальной корабельной, что означало — в половину стандартной силы тяжести. Роун буквально взмыл вверх, вылетев из кресла. В наступившей тишине скрипел металл, приспособиваясь к сниженным нагрузкам. А откуда-то издалека все еще неслись надрывные призывные крики.

И тут Роун вспомнил о Стеллери. Минув коридоры, он бросился к ее комнате. Дверь была приоткрыта, он лихорадочно ее толкнул...

Страшным грохотом пространство ударило ему в лицо... Он почувствовал себя пылинкой, несущейся в просторах желтого неба. Где-то далеко слышались зловещие раскаты грома, откуда-то продолжали нестись зовущие голоса... Он хотел ответить и не мог — легкие были забиты дымом. Он попытался вздохнуть, и когда это ему удалось, сумел открыть глаза... То, что он увидел, повергло его в леденящий ужас — рухнувшие металлические фермы, обломки лепных украшений, обугленные куски того, что было раньше комнатой Стеллери...

— Стеллери! — в отчаянии закричал Роун и опустился перед ней на колени. Железный брус пробил ей бедро, намертво пригвоздив к полу. Роун почувствовал ком в горле. Сдерживая слезы, он ухватился за холодный металл, чтобы вытащить его из тела Стеллери, рванул его с такой силой, что комната поплыла перед глазами. Но безрезультатно.

Роун с трудом поднялся, в голове звенело. Комната утопала в едком, удушающем дыму, бледно-желтые языки пламени без устали лизали разбросанную где попало бумагу и разорванную ткань. Скрученная проволока и лопнувшие трубы свисали с разбитой стены. Вода тонкой струйкой текла из отверстия, а рядом бежал целый поток какой-то жидкости с резким запахом.

Бледно окрашенная мертвая рыба из аквариума лежала на полу...

Слишком поздно... Роун повернулся, подхватил стеганое одеяло и швырнул его на горящую бумагу. Со свистом полыхнула смазочная жидкость, пламя взметнуло черные клубы дыма, и волна жара плетью ударила Роуна в лицо. Он схватил одеяло, сунул его под разбитый водопровод, а затем накрыл им тело Стеллери. Прикоснувшись к полу вокруг нее, мокрая ткань зашипела. Не замечая обжигающей боли в спине, он снова попытался выдернуть брус, но с одинаковым успехом он мог бы попробовать сдвинуть с места гранитный утес.

Пламя достигало уже потолка, жар становился невыносимым, воздух жег горло и грудь.

Роуну под руку попался кусок металлической трубы. Он подпихнул его под брус и стал нажимать, как на рычаг, до тех пор, пока не ощутил на своих ладонях прыгающие язычки пламени. Роун вовремя успел их сбить.

Волосы Стеллери полыхали огнем, золотая одежда, обгорев, закручивалась спиралью. Спотыкаясь, Роун поспешил в коридор — надо было срочно найти Железного Роберта, вместе они спасут Стеллери...

Гом Балж так и лежал на полу в своих апартаментах, где его оставил Роун. Тяжелые веки наполовину прикрывали его огромные глаза, которые сейчас ничего не выражали.

— Тебе все-таки удалось, юный землянин, — его голос звучал тихо, слабое подобие прежнего рокота. — Слишком поздно для меня, я боюсь...

Роун обессилено покачнулся.

— Где Железный Роберт, Гом Балж?

— Я не знаю. — Бессмысленный взгляд упал на руки Роуна и остановился на почерневшей одежде.

— Ты обгорел, бедный парень. Теперь ты умрешь. Жаль. А я думал о тебе, юный землянин. Однажды... я бы объявил тебя... величайшим существом в Галактике...

— Там Стеллери, — произнес Роун, с трудом прорываясь сквозь черный туман, который все сильнее и сильнее обволакивал его сознание. — Мне нужен Железный Роберт...

Стенной микрофон шелкнул, и странный голос возвестил:

— Внимание всем! Собраться в главном обеденном зале! Оружие не брать! Неповиновение карается смертью!

— Что это за голос? — слабо произнес Гом Балж. — Выходит, мы взяты на абордаж?

Роун усилием воли стряхнул с себя оцепенение

— Я видел корабль на экране, — сказал он. — Мы выстрелили, а потом они — в ответ. Думаю, они победили.

— Да. — Гом Балж мигал тяжелыми веками. — Я знал это. Я чувствовал беду. В свое время "Белшаззар" был могучим имперским крейсером, но сейчас прозвучал его последний аккорд... — почти беззвучно прошептал он.

— Что мне делать, Гом Балж? — закричал Роун в отчаянии.

По тяжелому телу Гома Балжа пробежала конвульсия, наружу вырвался последний хрип, и стало совсем тихо.

— Ну вот и все, Гом Балж мертв, — медленно вымолвил Роун вслух. — Джамбо мертв... и... — Он повернулся и бросился по коридору в обеденный зал.

Звуки разрушения эхом разносились по металлическим отсекам. Приглушенный взрыв потряс палубные плиты под ногами. Едкий запах горячего металла и горячей изоляции перехватил дыхание. Роун приблизился к арочному входу и двумя длинными прыжками перенес себя в широкий обеденный зал с его потертыми коврами, почерневшими позолоченными украшениями. И... остановился, ошарашенный, глядя на опрокинутые столы и массу бездыханных тел...

Посреди этого хаоса, сжимая оружие и широко расставив ноги, стояли неизвестные существа со слегка вьющимися волосами.

— Помогите мне! — позвал их Роун.

Существо, стоявшее поближе, обернулось, легким движением вскинув ружье. Па голове у него торчали рога, а глаза напоминали черные камни. Один из стоявших поодаль, в противорадиационной маске, шагнул в сторону рогача, одним ударом вышиб оружие из его рук и направил на Роуна свой пистолет.

— Стеллери! Помогите мне! — продолжал искать помощи Роун.

Высокий спрятал свой пистолет в кобуру и снял маску. Роун увидел большие серые глаза, тонкий нос и белые зубы, как у него, у Роуна. Роун признал в нем гуманоида.

От неожиданности Роун застыл на месте.

— Похоже, ты довольно чистого происхождения, малыш, — сказал высокий мужчина. — Откуда ты?

— Я — землянин, — ответил Роун. — Помоги мне. Огонь...

Рогатое существо приблизилось и взмахнуло рукой над головой Роуна... Он пошатнулся от удара, комната поплыла перед глазами.

— Прочь руки от малыша, — приказал высокий. Роун потряс головой, сгоняя туманную поволоку

— Но я задал тебе вопрос, малыш. А Генри Дред не спрашивает дважды, — пистолет по-прежнему был направлен на грудь Роуна.

Роун повернулся, чтобы уйти. Рогатый гуманоид встал поперек дороги, готовясь к новому замаху.

— Убирайся с моей дороги! — выпалил Роун. — Я должен найти Железного Роберта.

— Держи его, — приказал Генри Дред, выхватывая из кобуры пистолет и поворачиваясь к арочному проему двери.

Высокий, зеленокожий искан появился в проеме сзади Роуна. Кзак вскинул свое ружье, раздался оглушительный взрыв, и вспышка голубого пламени полыхнула по глазам. Искан опрокинулся навзничь.

— Посмотри, есть ли там еще кто-нибудь. — Генри Дред ткнул в пустоту пистолетом.

Волосатое существо со сторбленными плечами и лысым черепом прошло мимо Роуна, высоко поднимая ноги. И тут Роун увидел силуэт, темневший на фоне освещенного коридора.

— Железный Роберт! — закричал Роун. — Беги!

Столкнувшись с каменным гигантом, лысое существо выстрелило в упор. Роун увидел

вспышку голубого пламени, которое с секунду плясало на широкой груди Железного Роберта, услышал его глухое недовольное рокотание, затем он испытал удовольствие от того, как каменный гигант с легкостью оторвал лысого от пола и швырнул его в стену. Рикошетом отлетев на несколько футов, тот грохнулся на пол и застыл неподвижно. Лицо его странно расплоснилось, из разбитого уха текла кровь.

— Всем стоять! — рявкнул Генри Дред. — Мои бластеры его достанут.

Роун ребром ладони ударил рогатого по запястью, на лету поймал выпавшее ружье и навел его на Генри Дреда.

— Не стреляй в него! — приказал Роун.

Железный Роберт спокойно стоял в проеме, медленно переводя взгляд с одного на другого. Все шесть ружей были направлены на него.

— Чего вы ждете? Убейте его! — Рогатое существо указало на Роуна.

Генри Дред нацелил ружье в лицо Роуна и приказал:

— Брось оружие, малыш.

— Нет, — отрезал Роун.

Рот мужчины скривился. На лбу проступили капельки пота.

— Не вздумай стрелять, малыш, у меня отличная реакция, к тому же ты на мушке. Лучше опусти ружье.

— Роун, — пророкотал глубокий голос Железного Роберта. — Давай я его убью? — И он сделал шаг в сторону Генри Дреда.

Все шесть ружей проследовали за ним дулами.

— Нет, Железный Роберт. Иди к Стеллери, быстро!

— Я запросто расправлюсь с ним, — настаивал Железный Роберт. — У него всего два маленьких ружья.

— Помоги Стеллери, Железный Роберт! — закричал Роун. — Делай, как я тебе говорю.

Роун с трудом заставлял себя стоять прямо, не думать о Стеллери, об ожогах на руках и теле, о запахе обугленной плоти. Он просто старался удержать в руках ружье, нацеленное в грудь пирата. И Железный Роберт все понял, он развернулся и пошел.

— Будь умницей, малыш, — процедил сквозь стиснутые зубы Генри Дред. — Брось ружье, пока я тебя не спалил.

Высокий и крепкий, со шрамами на лице, он стоял натянутый, как тетива, направив на Роуна два ружья, и готовый к действиям. Пот капельками стекал по его лицу.

— Попробуй, — как можно спокойней ответил Роун.

Генри Дред скривил рот, пытаясь изобразить ухмылку.

— Да, ты шустрый малый. Раньше никому не удавалось отобрать таким способом ружье у Кзака. Не думаю, что ему это понравилось.

— Почему ты не прикончишь этого навозного червя?

Рогатый стоял на полусогнутых, с ненавистью взирая на Роуна.

— Ну давай, Кзак, прыгай на него. Бьюсь об заклад, он успеет срезать тебя наповал. Хочешь рискнуть?

Другой рогатый что-то сказал на своем языке. Дред в ответ гневно рявкнул, видно, отдал какой-то приказ. Окружение его засуетилось, двое, минуя Роуна, выскочили в коридор.

— Не вздумай спалить Железного Роберта, — предупредил Роун. — Если он не вернется, я тебя пристрелю.

Пират облизнул пересохшие губы. Он в упор смотрел на Роуна.

— На кой черт тебе этот ходячий Боло, малыш? Ты же человек...

— Он мой друг.

— Дружишь с джиком? — усмехнулся Генри

Дред.

— Зачем ты всех убил?

— Эта лоханка первой выстрелила по моему кораблю. Конечно, мои экраны с легкостью могли бы отразить ту музейную рухлядь, которой вы в меня запустили, — глаза

мужчины сузились, — но никто не может уйти безнаказанным от Генри Дреда.

— Ты убил Джамбо, Гома Балжа и, может быть... — Голос Роуна осекся.

— Да не принимай ты все близко к сердцу, малыш. Для меня это бизнес. Мне нужны горячее и боеприпасы... — Голос его то ослабевал, то усиливался, плавая в пустоте.

Роун старался не закрывать глаз, прислонившись к стене, он все еще крепко сжимал ружье.

— ...а эта лохань попалась под руку. Такова жизнь.

В коридоре, за спиной Генри Дреда произошло какое-то движение. Появился Железный Роберт. За ним шагнуло из двери лохматое существо и вскинуло ружье.

Прежде чем кто-либо успел сообразить, Роун развернул свое ружье, выстрелил в пирата и снова прицелился в Генри Дреда. Лохматый пират замертво свалился на пол.

— Подожди там, Железный Роберт, — окликнул его Роун.

Дред опустил свои пистолеты и отбросил их в сторону. Казалось, он был потрясен.

— Похоже, держать такие вещички опасно, — спокойно заметил он. — Малыш, у тебя реакция ящерицы, но ты сильно обгорел. Надо, чтобы тебя осмотрел мой медик. А теперь убери-ка бластер и давай обговорим кое-что.

Роун упорно держал ружье, прислушиваясь к дикой пульсации в голове. В проеме двери ждал Железный Роберт.

— Слушай, малыш, давай сделаем так — ты отложишь ружье, а я гарантирую тебе полную безопасность. Тебе и человекоподобному силачу тоже. Ты же не можешь держать меня на прицеле вечно?

Роун взглянул в глаза мужчины. Они смотрели на него в упор.

— Ты мне даешь мужское слово гуманоида? — спросил Роун.

Дред облегченно выдохнул.

— Конечно, малыш, — он бросил взгляд на Кзака и остальных. — Вы все это слышали, — произнес он безразлично.

Роун опустил ружье. Кзак тут же бросился к нему, выхватил ружье и вскинул его... И в тот же миг сполз по стене, сбитый выверенным ударом Генри Дреда. Генри Дред раздосадованно помассировал кулак.

— Этот тупица слишком туго соображает, — бросил он Роуну. — Я полагаю, мы — люди — должны понимать и держаться друг друга, не так ли, малыш?

Он наклонился и сгреб оружие. Железный Роберт двинулся к нему, на плече чернело оплавленное пятно.

— Мне убить его? — пророкотал он.

— Нет... Железный Роберт... Стеллери... — Роун прислонился к стене, чувствуя сбивающее с ног головокружение. Железный Роберт едва успел его подхватить.

— Нет, Роун. — Огромная каменная голова медленно качнулась. — Светловолосая ушла навсегда. Сейчас она танцует для Богов в их высоком жилище, ей повезло... — Казалось, глубокий и проникновенный голос шел откуда-то совсем издалека. — А ты отведи Роуна к своему доктору, — сказал Железный Роберт Дреду.

— Да, малыш в плохой форме. Тебе, верзила, нелишне тоже показаться. Ведь в тебя всадили половину заряда с пяти шагов, а тебе хоть бы что. Да, пожалуй, и я не прочь использовать такого джика в своих делах.

Глава девятая

Чьи-то чужие твердые, будто покрытые чешуйчатой кожей, руки своими тонкими пальцами долго, настойчиво тормошили и мяли Роуна. Они не были такими, как у Стеллери, — теплыми и мягкими, человеческими руками, они не успокаивали и не согревали; совсем напротив — их прикосновение сопровождалось болью. Резким движением Роун попытался оттолкнуть их от себя, но обжигающая боль снова повергла его в полубоморочное состояние. И даже не столько сама эта боль, сколько вдруг остро

пронзившая его мысль — он больше никогда не увидит бело-золотистых волос, смеющихся светло-карих глаз. И мягкие теплые руки никогда не прикоснутся к нему, не согреют его душу...

— Он просыпается, — произнес пронзительно резкий голос. — Живучий организм. Не такой, как у некоторых этих, курчавых. Я прямо чувствую, как их души дрожат и сжимаются под моими руками, и умирают-то они как-то сразу, словно одним дуновением свечу задули. А этот — нет...

— Заставь Роуна жить, доктор, — гремел бас Железного Роберта рядом. — Сделай его сильным.

— Да, да, только отойди назад, огромный, уродливый увалень. Я промыл ему раны. Вот у меня здесь. — Слышно было, как врач что-то ищет среди лекарств. — Ага! Ну, теперь посмотрим...

У Роуна перехватило дыхание от страшной боли в груди, словно ее залили расплавленным свинцом. Пробудил его проникающий сквозь закрытые веки яркий свет. Роун застонал.

— Ну вот, теперь он почувствует себя лучше. Лежи спокойно, землянин. Это всего лишь боль...

— Ты облегчил ему боль, доктор? — не унимался Железный Роберт.

— Долго же я мечтал о таком пациенте, которому подошли бы мои препараты, великан! Легендарная фармакология. Все сделано, чтобы эпоха землян умерла. А я ведь так долго их спасал. Генри Дред любит болтать, будто у его мошенников человеческая кровь, но мои-то ножи знают все их секреты. Полукровки, мутанты, гуманоидный мусор! А этот парень — совсем другое дело. Он почти классический пример земного происхождения. Редкое существо...

Тонкий голос все болтал и болтал, в то время как руки ощупывали и ощупывали, а пламя прикасалось, обжигая, и оборачивалось тупой нечувствительностью. Роун медленно вздохнул и ощутил приятную наркотическую сонливость, погружающую его словно в теплую воду.

— Это строение! Эта кожа, — продолжал голос издалека. — Как легко скользит по ней лезвие! И цвет. Видишь иллюстрацию к своей книге...

— Он спит, доктор, или...

— Он спит, монстр. Тьфу! Хорошо, что мне не надо полосовать твою железную оболочку... А теперь отойди. Мне предстоят целых два часа трудной работы, и не надо, чтобы твои габариты мешали мне.

Через несколько часов Роун открыл глаза и в слабом свете, робко пробивающемся сквозь решетчатую фрамугу, увидел перед собой массивный силуэт.

— Железный Роберт... — голос Роуна почему-то звучал как слабое лягушачье кваканье.

— Ты уже очнулся, Роун. Ты хорошо спал. Доктор — малость глуповатое создание, но лечит хорошо.

— Я бы его пристрелил, Железный Роберт...

— Зачем же, Роун, он ведь вылечил тебя.

— Я имею в виду мужчину, их командира. Он убил Стеллери. А ведь ты мог разгромить их всех, вместе с кораблем...

— Но тогда Роун и Железный Роберт тоже умерли бы. Ты и так чуть не умер. А ведь здесь столько разных интересных вещей, мест, куда можно отправиться. У тебя впереди еще длинная жизнь, Роун.

— Только не у меня. Я ведь всего лишь земной урод, и моя жизнь коротка. Отец говорил, что людям отпущен короткий век. А теперь мне и жизнь не в радость...

— Не говори так, Роун, в твоей жизни еще будет много радостей. Отведать доброго вина, например, посмотреть далекие солнца, покорить много женщин и убить много врагов; узнать о целых Вселенных. Надо многое узнать, Роун, и так же много испытать самому. Впереди достаточно времени, а умереть еще успеешь.

— Все мои друзья мертвы. И Стеллери.

— Но я-то жив, Роун. — Железный Роберт задвигался, и Роун услышал какой-то металлический звук. — Железный Роберт по-прежнему твой друг.

Превозмогая боль в перевязанной руке, Роун приподнялся на локте, всматриваясь в полумрак. Ему бросилась в глаза массивная цепь, лежащая на коленях Железного Роберта, и закованные в железные наручники его запястья.

— Железный Роберт, ты прикован к стене?! — вскричал Роун.

— Конечно, уж будь уверен. Генри Дред боится меня. Я разрешил себя приковать, если он пришлет тебе доктора.

Роун рывком сел, не обращая внимания на головокружение и неистовую пульсацию в висках. Он тяжело спустил ноги на пол. Полная кружащихся огней темнота заполонила комнату; он ухватился за край койки, пережидая, когда пройдет эта сумасшедшая круговерть.

— Я заставлю его убрать кандалы, — услышал он свои собственные слова как бы со стороны. — Я заставлю его... Он же обещал, как человек человеку...

— Не надо, Роун, ложись! Тебе сейчас вредно двигаться...

— Я не хочу ложиться. Позови его, позови Генри Дреда...

— Роун! Ты должен делать так, как сказал доктор, иначе будет плохо...

Роун с трудом поднялся на ноги и с удивлением отметил, что пол раскачивается под его ногами, как канат на высоте.

— Генри Дред! — позвал он, понимая, что вместо крика снова вырывается просто громкое кваканье.

— Подожди, Роун, кто-то идет...

В коридоре раздался металлический звук шагов, неожиданно вспыхнули световые блики, от распахнутой двери упали длинные тени, и высокая, широкоплечая фигура появилась в комнате.

— Ты меня звал, мальчик, верно? Эй, да ты уже на ногах?!

— Ты заковал Железного Роберта. Ты не сдержал своего слова, — выпалил горячо Роун.

— Генри Дред всегда держит свое слово...

Роуну показалось, что широкая фигура мужчины стала расплываться. Он прищурился, напрягая зрение, и вдруг покачнулся.

— Вели расковать его. Он мой друг! — продолжал требовать Роун.

— Ты бы лучше забрался обратно на койку, мальчик, ты бредишь! На борту этого корабля я — капитан, а ты — пленный. Я позволил костоправу подлатать тебя, но не бери в голову...

Роун двинулся к Генри Дреду, плохо владея своими ногами.

— Вели расковать его, лжец! Держи свое слово, убийца!

Глаза Дреда угрожающе сузились.

— Послушай ты, паршивый, маленький...

Роун сделал выпад, но Генри Дред отскочил, выхватив из набедренной кобуры пистолет, и прицелился. Железный Роберт поднялся, гремя цепями.

— Я целюсь тебе между глаз, землянин, — сквозь зубы процедил Генри Дред. — Еще один шаг, и вот увидишь, я спалю тебя.

— Плевать я на это хотел, — отмахнулся Роун. — Чушь!

— Нет, Роун! — пророкотал Железный Роберт — Послушай, что говорит Генри Дред!

Роун попытался сделать еще один шаг, но пол под ним словно опрокинулся. Стиснув зубы, он собрал последние свои силы, чтобы не упасть и отогнать наваливающуюся на него темноту.

— Я ношу цепи ради тебя, Роун. А ты сделай это ради меня, — уговаривал его Железный Роберт

— Малыш, да ты просто свихнулся! — пролаял голос Генри Дреда. — Ты же убьешь

себя!

— Подожди, Роун, — ухватился за нужный аргумент Железный Роберт. — Вот когда ты поправишься, у тебя и появится шанс убить его.

Генри Дред расхохотался, и смех его звучал как свирепое рычание.

— Вот-вот, послушай своего кореша, малыш. Убьешь меня, когда будешь чувствовать себя получше

Затем тени сдвинулись, свет померк, затихло звяканье металла. Роун наклонился, ошупью нашел кровать и грохнулся поперек нее.

— Он — человек, Железный Роберт. Землянин, почти как я. Но совсем не такой, какими были земляне, по рассказам отца.

— Генри Дред слишком сильно напуган, — как мог мягче пробормотал Железный Роберт — И, видно, он не настолько человек, каким сам себе кажется. Ты заметил, стоило тебе только его позвать, он сразу и пришел. Может быть, Генри Дред очень одинок, и в этом все дело, Роун...

Прутья, приваренные поперек дверного проема хранилища боеголовок, были толщиной с руку Роуна и располагались близко друг к другу. Роун оперся на швабру и посмотрел на Железного Роберта, находящегося за этими прутьями. Тот сидел на дюралевой плите, прогнувшейся под его тяжестью, почти невидимый в тени неосвещенной камеры.

— Минид, которого зовут Шишколобом, самый противный, — сказал Роун. — Он около семи футов ростом и воняет, как грязевой улей харонов. Вчера он толкнул меня, и я едва не свалился с пандуса.

Оковы Железного Роберта забренчали. Роун видел, как поблескивают его маленькие глазки.

— Будь осторожен, Роун. Не позволяй этим подонкам светить себя с ума. Делай, как я сказал, — жди.

— Почему я должен ждать? Я не хочу ждать. Я...

— Потому что ты получил тяжелые ожоги. Надо, чтобы они зажили. Или хочешь остаться калекой на всю жизнь? Жди и не обращай внимания на их подначки и издевательства.

— Я и так не обращаю, но я-то знаю, кого убью в первую очередь, как только...

— Роун, прекрати этот глупый разговор. Ты же обещал делать все, что я скажу тебе...

— И я сдержу свое обещание, Железный Роберт, я же не Генри Дред!

— Подожди-ка, Роун, ты просто слишком сердит на него. Он держит свое слово. Он же обещал, что не убьет нас, и мы пока еще живем. Так что все в порядке.

— Знаешь, я ему скажу, что если он не освободит тебя, то при первой же возможности я выкраду ружье и прикокошу его.

— Если ты это сделаешь, Роун, то будешь большим дураком. Я совсем не против сидеть здесь, в темноте, и отдыхать. Не так уж много выпадало мне спокойных дней в последние времена. Я сижу и размышляю о старом доме, о тех годах, когда Железный Роберт был молодым; радости не обходили меня, и у меня много приятных воспоминаний — запахи, ощущения, звуки, лица. Знаешь, Роун, действительно, у меня впервые появилось время как бы со стороны окинуть взглядом всю свою жизнь.

— Ты сильнее, чем любой из нас... — У Роуна перехватило дыхание, и он заставил свой голос звучать зло, чтобы скрыть собственную слабость — А ты позволил им заковать себя, ты — немой кусок металлолома...

Железный Роберт раскатисто захохотал.

— Ну, сидеть за решеткой в цепях — это ведь совсем не сложно. А вот оставаться снаружи и позволять Шишколобому третировать себя — это уже опасно. Но ты ведешь себя умно, Роун. Остаешься спокойным и выжидаешь. Скоро ты поправишься окончательно, а потом мы посмотрим, что будет.

Роун бросил взгляд вдоль коридора. Грохнула крышка люка, и три миниды вышли из грузового отсека.

— Ну, тебе представляется сейчас возможность насладиться спектаклем, Железный Роберт, — Роун почувствовал необходимость взять себя в руки.

— Ладно, Роун, теперь иди, быстро, не связывайся с этим грязным стадом...

— Нет, я добьюсь своего, не давая сдачи, — процедил Роун сквозь зубы. — И я не собираюсь от них удирать, мне плевать, что они там будут говорить.

И, наклонившись, внешне спокойно, он принялся работать шваброй.

Минид, оставляя маслянистые отпечатки на блестящем пространстве только что вымытого пола, подошел к Роуну и, зацепив большим пальцем провисший пистолетный пояс, устоял на землянина. У этого существа были толстые кривые ноги и лысый череп, а в голубоватых лопатообразных зубах, которые он обнажал в кривой ухмылке, виднелись дыры. Три нитки грубо обработанных драгоценных камней висели на грязном мундире с золотой тесьмой. Он глянул на Роуна, выдернул курительную палочку из нагрудного кармана, откусил кончик и сплюнул его прямо на пол, затем, с чувством потянув широкими ноздрями и фальшиво удивившись, сказал:

— Эй, малыш, смотри-ка, что это тут у тебя, никак мусор? Что это, фу-ты, ну-ты, лапти гнуты — у малыша взыграло, как у взрослого дайка?

— Теперь этот маленький милый гомик воркует со своей прелестью через решетку, — резвясь, подхватил второй минид. — Ну, так для него, наверное, этот расовый урод чрезвычайно сексуален

— Эй, не говорите ему гадостей, — насмешливо продолжил третий. — А то еще научится мальчик разным грязным словечкам и расстроит свою мамочку

— Все же я не верил, что старина кэп такой упрямый, — признался Шишколобый. — Сейчас он займет себе куколку для забавы, — он презрительно фыркнул, — в другой раз заведет маленькую земную самочку и с ее помощью начнет размножаться — Он закашлялся и сплюнул прямо на ноги Роуну.

Роун перестал двигать шваброй, распрямился и стал спокойно разглядывать декоративную панораму с аудиовизуальным пейзажем бушующего моря. В корабельной тишине грохот и шипение волн производили впечатление. Шишколобый снова фыркнул, затаился и демонстративно бросил курительную палочку на пол.

— Но я замечаю, Генри еще не очень-то ему доверяет, он так и не снимает со своего ремня ружье. Видно, здорово он тогда испугался своего любимчика.

Вроде бы случайно Роун шлепнул мокрой шваброй по сандалиии Шишколобого, тот с воплем отпрыгнул назад, топая мокрой ногой по палубе. Ухмылка вмиг исчезла с его рыхлогубого рта. Другие миниды наблюдали за происходящим с нескрываемым любопытством. Шишколобый втянул массивную голову в дородные плечи. Его рот открылся, брови нахмурились.

Делая вид, что не обращает на него внимания, Роун запихнул конец швабры в фильтровальный блок и с подчеркнутым интересом наблюдал, как сомкнулись и разомкнулись там ролики. Потом он продолжил работу.

Шишколобый шагнул ему навстречу и упер свой грязный палец в его грудь. Роун устоял на огромную морду с торчащими там и тут пучками жестких волос, выползающих прямо из воспаленных бородавочных пятен; он даже не пытался скрыть своего отвращения.

— Как ты думаешь, на кого ты сейчас тарачишься, сопляк?

— Похоже, на задницу морщинистого зверя, — произнес Роун отчетливо. — Только волосатее.

Грубая морда напряглась, палец еще ошутимее воткнулся в грудь.

— У тебя куча шансов, милый...

— Что бы там ни было, я все запомню, — пообещал Роун.

Глаза Шишколобого сузились.

— Паршивый разговор. Не надо слишком много мужества, чтобы пойти на попятную, — произнес он вкрадчиво.

И тут же короткая тяжелая рука схватила Роуна и ударила его головой о

металлическую переборку Роун пошатнулся, но быстро восстановил равновесие и глухо произнес:

— И это все... на что ты способен? Догадываюсь, боишься более весомых выпадов, вас-то всего трое...

Минид тряхнул когтистыми руками и сунул их под нос Роуну.

— В один прекрасный день я запущу в тебя эти пальчики. И запущу так, что света белого больше не увидишь!

Роун взглянул в его блеклые глаза.

— Неужели ты думаешь, Генри Дред тебе это позволит?

Рыхлогубый скривился, одутловатое лицо стало бледно-розовым.

— Да плевать я хотел на Генри Дреда! Когда и решу прикончить тебя, я пошлю его к чертовой матери!

— Осторожно, — предупредил его Роун, кивнув в сторону наблюдающей братии. — Они же все слышат.

— Что? — Тяжелая голова быстро обернулась, глаза впились в дружков. Те как ни в чем не бывало сразу уставились в потолок. — Ладно, вы, тупицы, идемте. Нечего тратить время на болтовню с маленьким слюнтяем.

И они гуськом зашагали по коридору.

— Я до тебя все равно доберусь, дрянь, — проскрипел Шишколобый.

— Роун, — голос Железного Роберта рокотал из камеры, — надо уметь иногда держать язык за зубами. А что, эта космическая крыса сильно ударила тебя?

— Да нет, не сильно, — лицо Роуна казалось бледным, может, в темноте.

— Не будь ты таким глупцом, не огрызайся без собой нужды, лишний раз не схлопочешь такое.

— Это того стоит.

— Когда-нибудь он взбесится по-настоящему, тогда тебе несдобровать.

— Да ему-то и досталось от меня не слишком.

— А по-моему, он получил оплеуху посильней, чем кажется тебе. Может быть, то, что ты ему сказал, не так уж и далеко от истины.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть. Генри Дред куда более близкий друг тебе, чем ты предполагаешь, Роун. Думаю, он приказал своим гукам и джикам держать руки подальше от человеческого мальчика. Наверняка у него кое-какие планы насчет тебя, Роун.

Глава десятая

Врач чмокал безгубым ртом, осторожно отдирая с плеч и рук Роуна защитную пленку, под которой в течение долгих недель потихоньку заживали ожоги.

— О, прелестно, просто замечательно! — восхищался он увиденным. — Розовый и новенький, словно только что вылупившийся грудничок! Кожа гладкая, ни одного шрама не останется!

— Аш-ш-ш! — зашипел Роун. — Больно!

— Не обращай внимания, юноша, — рассеянно заметил врач, сосредоточась на его локтевом суставе. Удовлетворенный, он кивнул головой, проверяя дальше запястье, потом пальцы Роуна. — Вся конечность в порядке, ну-ка, подними сюда, — и он показал на уровень плеча. Роун поднял руку, поморщившись от боли. Роговые пальцы врача прошлись по плечевому суставу, надавливая на него и массируя. — Никакой потери двигательных функций, — пробормотал он. — Нагнись, теперь выпрями спину.

Роун наклонился, повернулся, работая плечом и растянув кожу на только что зажившем месте от ожога. На лбу выступили капельки пота.

— Сначала будет казаться, что кожа лопается, — предупредил врач. — Но это ерунда. Роун выпрямился.

— Я постараюсь помнить об этом. Врач кивнул, закрывая чемоданчик с инструментом
— Ты очень скоро восстановишь полную функцию конечностей. Пока же кожа очень чувствительна, и еще — будет боль с суставах, это естественно, но потом и это пройдет.

— Я могу... выполнять тяжелую работу?

— Умеренно. Но будь осторожен, у меня вовсе нет желания видеть мой призовой экспонат подпорченным, — щебетал довольный собой врач, радостно потирая руки. — Подожди, когда тебя посмотрит Генри Дред, — прогоготал он. — Называет меня джиком, да? Грозится вышвырнуть из воздушного шлюза, да? А где он вообще найдет другого врача, да еще с моим мастерством? — Весь преисполненный гордости, он посмотрел на Роуна и удалился.

Тем временем Роун надел рубаху через голову, застегнул пояс и осторожно вытянул руки. Над дверью выступала широкая балка. Он ухватился за нее и медленно подтянулся. Ощущение было странное и не из приятных, так, наверное, бывает, когда харон сдирает шкуру с умирающего грасила... Однако поврежденная рука все-таки выдержала его вес...

Он спрыгнул вниз и вышел в коридор. Возле мусорного бачка в углу валялся разбитый упаковочный ящик. Оторвав от него черную, толщиной с дюйм палку трехфутовой длины, Роун посмотрел в сторону ярко освещенного пересечения главных коридоров. Стюард в грязной белой форме проковылял мимо на кривых ногах, держа поднос в короткой поднятой руке. Дред и его офицеры будут сейчас пировать в своей кают-компании. Как нельзя более кстати...

Роун повернулся и, ориентируясь по тускло-красным индикаторным огням, проследовал на нижние палубы.

Он оказался в узком, плохо освещенном коридоре с тусклыми, мерцающими панелями. Поблизости завывали какие-то голоса, слышались непонятные крики, звучали пьяные песни и рычание. Часы, находившиеся рядом с помещением команды, пробили один раз. Роун на руке взвесил добытую дубинку. Она была достаточно тяжелой

Со стороны перекрестка коридоров слышались чьи-то шаги. Роун нырнул в боковой проход и прижался к стене. Мимо прошествовали два гуманоида с круглыми спинами и бочкообразной грудью. Они высоко поднимали босые трехпалые ноги, и колокольчики, привязанные к шнуровке на ногах, звенели при каждом их движении. Когда они скрылись, Роун вышел из своего укрытия и двинулся дальше, используя в качестве компаса маленькие зеленые цифры, светящиеся над дверьми. Возле одной из них — большей, чем другие, — Роун остановился и прислушался — из помещения доносилось приглушенное бормотание. Он сдвинул панель в сторону и вошел.

Это была настоящая казарма, и Роун невольно поморщился от спертого воздуха, сконцентрировавшего в себе запахи несвежей постели, грязных тел, пролитого спиртного и каких-то гниющих продуктов. Узкий, едва освещенный проход вел между высокими кроватями. Блеклоглазый хронид устался на Роуна со своей черной постели. Роун прошел мимо, осторожно переступая через разбросанные ботинки, пустые бутылки, вытянутую с раскладного парусинового стула пару шестипалых ног в драных носках. Посередине комнаты на маленьких скамеечках сидели четыре больших миниды, сдвинувшие свои лысые головы друг к другу. Как по команде, они подняли глаза на Роуна. В одном из них Роун узнал Шишколобого.

Тот зевнул, затем широкий его рот растянулся в холодной ухмылке. Отбросив в сторону кожаную винную кружку, он вытер рот тыльной стороной толстой, квадратной ладони и поднялся. Медленно вытащив из-за спины нож с девятнадцатидюймовым лезвием, он провел им по голому запястью.

— Ну, посмотрим, каков толк от твоей щепки... — начал он.

— Хватит болтать, выходи, — перебил его Роун.

Он шагнул вперед и сделал ложный выпад дубинкой. Шишколобый тяжело отступил назад, весело фыркнув.

— Эй, похоже, это мордочка сосунка, вымазанного густой сахарной кашей, — он

окинул взглядом наблюдателей. — Что будем с ним делать, ребята...

В этот момент дубинка Роуна свистнула в воздухе, и Шишколобый с воплем отпрянул назад, потому что тяжелое дерево чувствительно проехалось по его ребрам. Он угрожающе махнул ножом и перепрыгнул через упавшую скамейку. Роун успел уклониться и с силой обрушил дубинку на голову миниды. Тот сильно споткнулся и набросился на Роуна с ревущей бранью. Ручеек густой черноватой крови пополз по кожистой шее. Шишколобый снова сделал выпад, но Роун попятился и обрушил дубинку прямо на лысую макушку миниды. Шишколобый крутанулся, отбросил в сторону скамейку и, широко расставив ноги, выставил лезвие перед собой. Он смахнул кровь с глаз.

— Это проглаживание макаронной палочки по моей голове мне не страшно, а тебе не поможет, — проскрипел он, хищно растянув свой рот в голубовато-белой усмешке. — А вот теперь я тебя прикончу...

Он бросился вперед. Роун, следя за лезвием, метнувшимся к нему в стремительном ударе, в последний миг отпрянул в сторону, развернулся и столь же стремительно обрушил удар на ключицу миниды. Деревянная дубинка закричала, как сломавшаяся дубовая ветка. Шишколобый взмыл от боли и схватился за плечо, не забывая увертываться от Роуна. Его безобразное лицо перекосилось, когда он замахнулся ножом, перебросив его в левую руку.

— Теперь уж я точно тебя убью, землянин.

— Вот и отлично, — отозвался Роун, едва переводя дыхание, — потому что если этого не сделаешь ты, то убью тебя я.

Сквозь нависший в помещении дым трудно было что-либо хорошо рассмотреть, но Роуну удалось разглядеть широкие глаза на больших мордах минидов, смутные фигуры хронидов, лужу разлитого пива под упавшей скамейкой, темное пятно крови на щеке Шишколобого. Минид не сдавал позиции, продолжая держать перед собой нож. Роун изловчился и внезапно нанес удар дубинкой по ножу. Отпрыгнуть минид не успел, лезвие выскочило из его кожистой руки. Роун было снова замахнулся тяжелой дубинкой, но поскользнулся и упал. Шишколобый, как ястреб, бросился на него сверху, его широкая морда расплылась еще шире в гримасе триумфа. Роун попробовал вывернуться, однако руки миниды крепко стиснули его, потом принялись колотить и душить. Все попытки выскользнуть из-под миниды оставались безрезультатными. Роун слышал над собой его прерывистое дыхание и задыхался от резкого запаха крови и пота, исходящего от него. А затем толстенные руки сжали его еще сильнее, дыхание совсем перехватило, дым и лица расплылись...

— ...надо дать ему немного вздохнуть, — долетел до него словно издали голос Шишколобого, и он почувствовал, как чуть расслабились сжимавшие его руки. — А потом мы немного поразвлечемся — выколем ему глаза, разукрасим его слегка ножиком.

Роун рванулся, пытаясь использовать момент, но руки снова сжались на его горле.

— Ха, еще живой, даже брыкается.

Роун почувствовал, как шероховатая кожистая рука приподняла его подбородок, запрокинув голову назад, и тупой палец нажал на глаз.

— Давай начнем с этого, — прошипел Шишколобый.

Роун, напрягшись, изо всех сил откинул голову в сторону, затем молниеносно ухватил зубами край кожистой ладони и что есть мочи прикусил ее, сжав свои челюсти. Минид зарычал, пытаясь выдернуть руку, но Роун, чувствуя едкую кровь на языке и прикасаясь к обнажившейся кости прокушенной ладони, не отпущал ее.

Наконец Шишколобому удалось вырвать руку. И они с Роуном снова сцепились. Они катались по полу, попеременно одолевая друг друга, но все чаще минид наносил неистовые удары — в пусноту. Роун свободно откатился в сторону и стал приподниматься.

— Во имя девяти дьяволов, что здесь происходит? — рявкнул голос, прорывая шум толпы.

Генри Дред растолкал команду, тупо глазающую на Роуна. Взгляд его упал на Шишколобого.

— Что с ним случилось? — требовательно спросил он.

Роун с трудом вздохнул измученной грудью.

— Я его убиваю.

— Убиваешь его, в самом деле? — Генри Дред удивленно уставился на побелевшее лицо Роуна, его влажные темно-рыжие волосы и измазанные кровью губы. Он кивнул и широко улыбнулся. — Ну, теперь-то я уверен, парень, что ты настоящего земного происхождения. С инстинктами у тебя все в порядке. — Он поднял нож Шишколонбого и протянул его Роуну. — Давай, прикончи его.

Роун взглянул на минада. Порезы на голом скальпе сильно кровоточили, еще больше крови вытекло из разорванного плеча. Шишколобый сел на пол, вытянул ноги, постанывая, и стал словно убаюкивать укушенную руку. Слезы пронестили бледные дорожки на его окровавленном лице.

— Нет, — твердо отказался Роун.

— Что значит нет?

— Я не хочу его убивать. Я с ним и так уже покончил.

Генри Дред все еще протягивал Роуну нож.

— Я сказал, убей его, — требовательно пронскрежетал он.

— Лучше приведи ветеринара, — бросил Роун, — пусть подлатает его как следует.

Генри сначала ошарашенно уставился на Роуна, потом расхохотался.

— Кишка тонка закончить начатое, да? — Он швырнул нож неповоротливому хрониду и кивнул в сторону Шишколобого.

— Веди ветеринара! — выпалил Роун, глядя в упор на хрониду. — Только попробуй его тронь, и я тебя убью! — произнес он медленно, стараясь сдержать тяжелое дыхание.

В наступившей тишине было слышно только рыдание Шишколобого.

— Может быть, ты и прав, — разрядил обстановку Генри Дред. — Живой он будет ходячим примером для всех остальных, забывчивых. Ладно, Хулан, веди сюда врача. — И он вопрошающе посмотрел на остальных членов команды. — Я же даю малышу полный статус члена экипажа. Есть возражения?

Роун вслушивался в слова капитана, борясь с тошнотворным комом, подкатывающим к горлу. Затем он пошел мимо Генри Дреда между высонкими койками по направлению к коридору.

— Эй, малыш, — бросил Генри Дред ему вслед. — Тебя трясет, как гроака в период линьки. Черт побери, где твои повязки?

— Я собираюсь вернуться к своей швабре, — безразлично ответил Роун, почувствовавший себя вконец опустошенным; у него сильно болела грудь, и не было сил даже говорить.

— К черту швабру, послушай, малыш...

— Этим я зарабатываю себе на еду, не так ли? И я не нуждаюсь в твоих благодеяниях.

— Пойдем со мной, малыш, — мягко сказал Генри Дред. — Пора нам с тобой потолковать.

Роуна удивило наличие книг в каюте Генри Дреда, капитан же не придавал этому удивлению значения. Усадив Роуна в глубокое кресло, он налил два стакана коричневатой жидкости.

— Я поражен, малыш, что ты так долго мог терпеть все эти издевательства, вместо того чтобы сразу показать себя настоящим человеком. Но теперь надо быть осторожным, кое-кто наверняка захочет прикончить тебя, как только меня не окажется рядом.

— Я постараюсь этого избежать, — заверил Роун. — Но почему они хотят меня убить?

— Тебе еще надо многому научиться, парень. Большинство ребят — гуманоиды. У меня даже есть парочка таких, которые считают себя настоящими землянами. Думаю, в них действительно есть немного земной крови, но их предки подверглись сильной мутации. Им чертовски не нравится видеть нас, чистокровных, рядом с собой. Это и делает их именно теми, кем они и являются, — то есть гуками. — Он глотнул из стакана, выпустив воздух

сквозь зубы. — Мне тоже не нравится работать с гуками, но это лучше, чем жить среди джиков.

— А какая между ними разница?

— Условно говоря, если существо гуманоидное, как минид или хронид, например, ладно, можно было бы не сомневаться. Его предки могли произойти от испытывшего мутацию человеческого рода. Поэтому ты должен считаться с гуками. Но джики!.. Это уж точно негуманоидная форма жизни.

— Почему ты ненавидишь джиков?

— Да нет, на самом деле я не испытываю к ним ненависти, но вопрос стоит так — либо — они, либо — мы.

Роун отхлебнул из стакана, закашлялся и отставил напиток.

— Что это? Вкус ужасный.

— Виски. Ты скоро полюбишь этот напиток, он помогает забыть неприятное.

Роун отхлебнул еще раз и скорчил гримасу.

— Не действует, — констатировал он. — Я все помню.

— Подожди немного. — Генри Дред встал и начал расхаживать по каюте. — Что ты знаешь о земной истории, мальчик?

— Полагаю, немного. Мне как-то отец рассказывал, что когда-то земляне управляли всей Галактикой, но что-то случилось, и теперь они разрознены, а те, кто остался в живых...

— Не "они", малыш, а — мы. Я — землянин, ты — тоже. И нас значительно больше, нежели принято думать. Конечно, мы разрознены и во множестве миров просто подверглись мутации; и мы совсем не заботимся о появлении себе подобных. Но мы все еще — земляне, все еще — люнди. И эта Галактика пока принадлежит нам. Праздник гуков и джиков слишком затянулся, малыш. Сейчас человечество на пути к возрождению, и каждый из нас должен внести свою лепту в этот наиважнейший процесс.

— Это значит — убивать Стеллеры и Гома Балжа, то есть людей их типа?

— Слушай, что сделано, то сделано. И джики для меня — это только джики. Я сожалею о девчонке, но, черт побери, ты же сам сказал, что она была полукровкой...

Роун привстал, Генри Дред, как бы сдаваясь, поднял руки.

— Ладно, ладно, никаких возражений. Я полагаю, мы с тобой должны заключить союз. Так что давай на время отложим ссору. Мы оба — земляне, вот с этим и надо считаться.

— Но почему я должен ненавидеть джиков? — Роун допил виски и с отвращением отставил стакан. — Вот ненавидеть тебя — у меня есть причины, а джики меня воспитывали. Они ничуть не хуже твоих гуков. Некоторые из них были моими друзьями. Единственным человеком, которого я знал, был мой отец, но, полагаю, и в его жилах текла не совсем земная кровь. Он был ниже тебя и шире в плечах, а руки такие же толстые, как у миниды. Да и кожа темно-коричневого цвета. Он, наверное, не принадлежал к настоящему земному роду.

— Трудно сказать. Я где-то читал, что очень давно, кажется, еще в преисторические времена, люди были разной расцветки — черные, красные, желтые, бордовые, может, даже зеленые, я точно не знаю. Позже они смешались, и истинные цветовые расы исчезли. Но, может быть, твой старикан был атавизмом или даже происходил из настоящего древнего рода.

— А кто-нибудь знает, как выглядит настоящий землянин? — Роун двумя пальцами вытянул прядь своих густых темно-рыжих волос и закатил глаза, чтобы на них взглянуть. — Ты когда-нибудь вообще-то видел танкой цвет волос?

— Нет, но тебе нечего беспокоиться по этому поводу. У каждого свои недостатки. Черт, люди бродят по Галактике вот уже более тридцати тысяч лет. Неудивительно, что они адаптировались к самым разным условиям самых различных миров, они на себе испытали все — от мутагенных вирусов до космической радиации и урановых ожогов. Потому мы и

варьируем в пределах истинного происхождения. Но истинные или нет, мы все равно — люди. И должны держаться вместе.

Роун смотрел на пустой стакан, Генри наполнил его, и Роун снова хлебнул.

— Вообще-то, Раф был мне не настоящим отцом, — задумчиво произнес Роун. — Они с мамой купили меня на воровском рынке в Тамбуле за две тысячи кредитов.

— Тамбул? Хм, поганое место для такого парня, как ты. Это там ты воспитывался? Роун кивнул.

— А кто были твои настоящие родители? Почему они продали тебя?

— Не знаю. Я тогда был всего лишь оплодотворенной клеткой.

— Где же эти чертовы джики взяли настоящую земную расу?

— Не знаю. Отец и мама никогда об этом не говорили, а дядя Тхой-хой тем более. Думаю, манма ему просто запрещала.

— Ну, это неважно. Я вижу, ты ближе других к истинному земному происхождению. Я сделал тебя членом моей команды...

— Я не хочу быть членом твоей команды, — перебил его Роун. — Я хочу вернуться домой. Я даже не знаю, жива ли еще моя мать, ведь отец погиб, и о ней некому позаботиться. Я и Стеллеры потерял. Я даже потерял Гома Балжа...

— Перестань плакаться, малыш. Черт побери, ты мне нравишься! Играй по правилам, и все будет отлично! Ты увидишь Галактику, полунчишь свою долю добычи и однажды совершишь такое, о чем даже боялся мечтать.

— Я не хочу добычи — хочу вернуться к своему народу. Я не хочу разрушать — я хочу строить.

— Конечно, у тебя есть мечта, малыш. У каждого человека она есть. Но если ты не будешь драться за эту мечту, то ее осуществит кто-то другой.

— Но Галактика так велика, неужели в ней не найдется места для всех нас?

— Мальчик, ты еще должен узнать очень многое о себе подобных. У тебя есть воля к жизни, и ты должен уметь завоевывать или суметь умереть, если придется. Когда-нибудь мы сделаем из этой Галактики нечто вроде нашего собственного рая, но только для нас и ни для кого больше.

— Существуют миллионы джиков, — сказал Роун. — А ты — единственный человек, которого я видел.

— Земляне разбросаны по всей Галактике, где только Империя имела свои аванпосты. И я собираюсь найти их. Если даже и останусь в одиночестве. Неужели ты полагаешь, будто я здесь только ради наживы? Никогда в жизни, мальчик. Я мог бы купаться в роскоши еще двадцать лет назад, но у меня есть цель.

— А зачем тебе нужен именно я? Я не собираюсь ради твоих целей убивать джиков.

— Слушай, малыш, эта команда тупиц — дрянь. Я могу нанять кого угодно за один лишь обед, устроенный в Марпарли на Буна-два. Но ты — человек, а мне важен каждый человек, где бы я его ни встретил.

— А я ничего не забыл, — Роун кивнул на опорожненный стакан. — Эти виски — мошенничество. Как и ты сам. Ты убил моих друзей и после этого думаешь, что я смогу помогать тебе?

Генри твердой рукой схватил Роуна за плечо.

— Слушай, малыш, человек должен жить. Я начинал в земном гетто на Берглу, со мной плохо обращались, буквально плевали в лицо, я рабонтал, как вол. Дня не проходило без напоминания, что я — человек, а человеческая доля — это пинки и проклятия, одни неприятности. Дальше черлого хода меня не пускали, а жрал я только отбросы. Но человек всегда стремится жить — неважно как. Мне приходилось слушать, видеть и запоминать многое. Они дразнили и смеялись надо мной; они рассказывали, как когда-то Земная Империя заволодела пол-Галактики и как земляне петухами разгуливали по городам в мирнадах миров, подчиняя вся и всех. И как теперь я стал рабом, и что мне еще выпало счастье чинстить их вонючую одежду и бегать по их поручениям. И возможно, однажды,

если я буду хонрошим работником, так и быть, они дадут мне девочку-полукровку и позволят наплодить деток-мулов, иначе — рабов, которые будут работать на них, когда я отдохну. Я внимательно слушал все это и извлекал из их рассказов такую информанцию, о которой они не в состоянии были даже помыслить! Они не знали землян, мальчик. Каждый раз они показывали мне книги с картинками земных военных офицеров в полной форме и рассказывали, как ниссийцы разгромили флот; или вручали мне старый земной пистолет и опинсывали, как их великий дедушка добивал уминравших от голода людей. Они пытались внушить мне рабскую покорность, не подозревая, что все их рассказы пробуждали и воспитывали во мне чувство завоевателя. Как-то один из них допунстил ошибку, он позволил мне взять ручной бланстер. К тому времени я уже прочел о нем пару книг и знал, как им пользоваться. Я снял его с предохранителя и сжег старого Круга, пару свиндетелей, затем расплавил ленту на ноге.

Генри Дред замолчал, стянул ботинок и сондрал носок. Роун уставился на глубокий синеванто-серый шрам, окольцовывавший его лодыжку.

— Я отправился в порт, — продолжал Генри Дред, — там была земная разведывательная лодка, дряхлая-предряхлая, вся заросшая травой. Когда я был маленьким, то частенько играл возле нее. Мне почему-то казалось, что именно на ней я и смогу скрыться. Там была система безопасности замков... Быстро освоив ее, я удрал. Я был свободен как никогда. Мне пришлось подсуетиться в разных значных местах, чтобы сколонтить приличную команду, но я всегда оставался командиром. Теперь у меня есть база, готовая к боевым действиям, и линкоры, правда, никто не знает, где они. Как только я получу официальное капитанство... Да, у меня есть планы, мальчик, грандиозные планы, но в них нет места господствующим в Галактике джикам.

— Железный Роберт — джик, он мой друг и лучше любого из твоих гуков...

— Это верно, мальчик. Держись за своих друзей. Но ты уверен, что, когда полетят щепки, он и тогда останется предан тебе?

— Он уже доказал свою преданность. Генри Дред кивнул.

— Я должен доверять ему. Мне нужна лояльность разных существ, даже джиков. Может быть, с этой старой калошей и все в порядке, может быть, но никогда не забывай исходную позицию. Хорошая, крепкая ненависть — сильное оружие, и не позволяй ему притупляться.

— Железный Роберт — хорошее существо, — возразил Роун. — Он намного лучше меня или данже тебя. — Роун замолчал и сглотнул слюну, — Знаешь, меня что-то тошнит, — выдавил он через силу.

Генри рассмеялся.

— Иди проспись, малыш. Все будет в порядке. Займи офицерскую каюту здесь, через зал. Землянин, член команды, больше не должен спать с гуками.

— У меня там немного ветоши в коридоре, за камерой Железного Роберта. Я буду спать там.

— Нет, не будешь, малыш. Я не могу позвонить, чтобы ради какого-то джика землянин тенрял свое лицо в глазах гуков.

Неуверенно ступая, Роун направился к двери.

— У тебя есть ружье, — сказал он через пленчо. — Можешь меня убить, если хочешь. Но я сонбираюсь оставаться с Железным Робертом до тех пор, пока ты его не выпустишь.

— Эта железная чурка останется там!

— Тогда и я буду спать в коридоре.

— В конце концов, ты должен выбрать, — в голосе Генри Дреда зазвучали железные нотки. — Научишься подчиняться — у тебя будет прекрасная жизнь, а будешь упрямиться — останешься в тряпье и отбросах...

— Плевать мне на тряпье и отбросы. Мы с Железным Робертом разговаривали...

— Я прошу тебя, малыш, ступай в соседнюю комнату и забудь о джике.

— Твой напиток плохой — я так ничего и не забыл.

— Да что с тобой творится, парень? Я только и знаю, что уговариваю тебя! А ведь куда проще отправить тебя на нижние палубы драить душное помещение в свинцовых браслетах!

— Почему же не посылаешь?

— Пошел вон! — зарычал Генри Дред. — Ты уж слишком злоупотребляешь моей добротой. И все только потому, что очень похож на человека. Но пока не научишься себя вести как настоящий землянин, лучше не показывайся мне на глаза!

В коридоре Роун прислонился к стене, ожидая, когда пройдет головокружение. Ему показалось, что кто-то стал поворачивать дверную задвижку, но дверь так и не отворилась.

В конце концов он с трудом спустился к Женлезному Роберту и лег спать.

Глава одиннадцатая

Железный Роберт в неистовстве тряс решетку.

— Ты — просто большой дурак, Роун. Отправляться в набег с этими подонками? Зачем? Тебе на корабле безопасней...

— Мне надоело все время торчать на корабле, Железный Роберт. Генри Дред впервые предложил мне выйти за его пределы. Не переживай, со мной будет все в порядке.

— А какое оружие тебе дает Генри Дред?

— Мне не нужно оружие, я не собираюсь драться.

— Генри Дред все еще боится давать тебе оружие, правда? Он тоже большой дурак — позвоняет тебе в бою быть безоружным. Ты — маленькое, слабое существо, Роун, не такой, как Женлезный Роберт. Ты должен остаться на корабле!

— В этом мире есть город — Альдо Церис. Его построили земляне более десяти тысяч лет назад. В нем никто не живет, кроме дикарей, так что большой битвы не предвидится. Я же хочу просто посмотреть на город...

— Когда-то давно Экстраваганзоо выступал в Альдо Церис. Там масса аборигенов и множество бандитов. У них имеются дротики, луки, несколько ружей. И они вовсе не дураки.

Роун прислонился к решетке.

— Да не могу я больше оставаться на корабле. Я должен выйти и увидеть все сам, послушать, многому научиться — ведь и ты мне когда-то об этом говорил. И, может быть, однажды...

— ...ты наконец научишься обходиться без неприятностей, — закончил Железный Роберт.

Система оповещения на стене зажужжала, и из нее прозвучал голос Генри Дреда.

— Всем внимание! Говорит капитан Дред. Отлично, парни, у вас есть шанс подзаработать! Через пять минут мы выходим на снижающуюся орбиту. Команде приготовиться к посадке в штурмовой катер через десять минут. Старт через сорок две минуты...

Роун и Железный Роберт слушали, как Генри Дред зачитывал свой приказ, и чувствовали дронжание палубы под ногами. Это корабль регулировал скорость, чтобы выйти на орбиту, находящуюся в четырехстах милях над планетой.

— Мне уже надо идти, — сказал Роун. — Я понечу на первой шлюпке, командной.

— Хорошо хоть Генри Дред держит тебя рядом с собой, — пророкотал Железный Роберт. — Ладно, и ты будь к нему поближе, и голову нагибай, когда начнется пальба. Может быть, Дред не даст тебе погибнуть.

— Да он просто боится, как бы я не удрал. Но не могу же я убежать без тебя.

В дальнем конце коридора заклацали ботинки. Высокий, в облегающем кожаном боевом комбинезоне, по-барски вышагивающий, появился Генри Дред. На тощем бедре его висела ранзукрашенная кобура, а в руках он нес ружье.

— Я так и думал, что найду тебя здесь, — проворчал он. — Ты что, не слышал моего приказа?

— Слышал, — откликнулся Роун. — Я хотел только попрощаться.

— Ну что ж, очень трогательно. Ну а если ты наконец сможешь расстаться со своим другом, то мы тогда сможем начать операцию. Держись поближе ко мне, малыш, и делай то же, что и я. Я не думаю, что мы столкнемся с упорной обонроной аборигенов, но никогда не знаешь...

— Роуну тоже нужно ружье, — пророкотал Железный Роберт.

— Не беспокойся, Железный человек. Этой операцией руковожу я сам.

— Нервы у тебя, как у запертого в клетку чудовища, человек. Если все так просто, чего же ты боишься?

Генри скосил прищуренные глаза на гиганта.

— Ну хорошо, допустим, я нервничаю, а кто бы не нервничал на моем месте? Уж я-то знаю, что из себя представляла когда-то столица одного из величайших королевств Империи. А тут я со своей древней развалиной и командой тупых понлукровок из космического отребья. Как ты полангаешь, есть из-за чего нервничать?

— Не надо, — вставил Роун. — Я ни о чем его не прошу.

Генри Дред поиграл желваками, крепче сжав в руках ружье.

— Давай, парень, спускайся на шлюпочную палубу, пока я не раздумал и не отправил тебя драить канализационные линии!

— Привези Роуна в сохранности, Генри Дред, — крикнул ему вслед Железный Роберт. — Или лучше вообще не возвращайся.

— Если я не вернусь, долго же тебе придется торчать здесь, — проворчал капитан пиратов.

В тесном командном помещении штурмовой шлюпки Генри Дред рявкнул в панельный микрофон:

— Теперь послушайте, космические мерзавцы! Высаживайтесь быстро, организованно и молнча! Даю вам сорокасекундный отсчет после коннтакта, затем выходите. Я хочу, чтобы все четыре танка Боло ударили по причалу одновременно, надо как следует прикрыть позиции дымом. Воноруженной группе — держать в поле зрения цель и стрелять по моему приказу! Чертова команда...

Капитан пиратов отдал свои распоряжения, когда шлюпки нырнули в серый мир, представший сейчас на ретрансляционном экране вперенди. Палубные плиты буквально ревели, когда заработал реверс, корректируя скорость. Роун увиндел диск планеты, постепенно как бы растворяющийся в горизонте. Под ними проносились грязно-желтоватые континенты джунглей, затем мерцающее пространство моря и белая от бурунов береговая линия. В какое-то мгновение шлюпка накренилась, проходя на малой высоте над зелеными холмами, но затем вяло выровнялась, и теперь за далекими холмами, покрытыми лесом, в поле зрения появились башни фантастического города.

— Напомни мне пристрелить главного гидронинженера, — проворчал Генри Дред.

Роун наблюдал, как под проносящимся кораблем прогибаются деревья и позади остаются ленсистые склоны. Как, по мере приближения к гонроду, его контуры становятся явственнее и словно поднимаются все выше и выше, пока самые вынсокие здания не замаячили в воздушном пронстранстве где-то над их головой. Корабль замеднил ход и опустился, тяжелая волна вибрации прошла по корпусу. Ливень звуков сменился полной тишиной. Генри смотрел на панельный хроннометр.

— Если хоть один из этих мошенников начнет до сигнала...

Яркий огонек живым пятном вспыхнул на паннели.

— Внешняя дверь открыта, — пробормотал Генри Дред. — 38, 39, 401 — он повернулся к Ро-уну. — Вот теперь идем, малыш! Если немного повезет, мы будем пить древнее земное вино из старых хрустальных бокалов еще до того, как звезда сядет за холмы.

Роун стоял рядом с Генри Дредом у основания пандуса, разглядывая изрытую ямами и рассыпавшуюся дорожку древнего тротуара. Далеко, на друнгом конце поля, четыре массивные отбуксированные машины нацелили черные дула орудий на молчаливые

административные здания. Но крунгом — пустота, никаких признаков жизни.

— Как безлюдно, — протянул задумчиво Дред. — И ракетные установки проржавели. Славная задачка...

— Железный Роберт сказал, что когда-то зоо выступал здесь, — заметил Роун. — Еще он говонрит, что местные жители имеют оружие и луки и умеют ими пользоваться.

— Подлиза бывал и тут, да? И для кого же он играл, для каменных ящеров?

— Для людей, — недовольно ответил Роун. — И не надо иметь много ума, чтобы догадаться исчезнуть при первом же появлении шлюпки с танковыми падалицами, так твои.

— Корсарами! — рявкнул Генри. — Мы не подбираем падаль, мальчик, мы силой берем свою добычу! Каждая вещь во Вселенной имеет своего хозяина. — Он сердито нажал на свой командный микрофон. — Кзак, убери свою жестянку отсюда! — Он повернулся к Роуну. — Мы пойдем осматривать город, — и он махнул ружьем в сторону башен за портом. — Пять тысяч лет назад это была одна из последних земных столиц. Ее построили люди на этом самом месте, малыш, наши с тобой предки, когда владели половиной Галактики. Идем, и я покажу тебе, чьи мы потомки.

Перед входом в город высились огромные золотые ворота с филигранно сработанным символом Земной Империи наверху — образом птицы с ветвью в клюве и надписью "Зем. Имп." над ней.

— Я видел это миллион раз в моих книгах там, в Тамбуле, — сказал Роун. — Эту птицу и "Зем. Имп." над ней. А вообще-то, почему птица?

— Символ мира, — бросил Генри Дред. — Кзак! — неожиданно рявкнул он в командный микрофон. — Тащи эту грудку жести прямо сюда и выведи на максимальную точку. — Затем он повернулся к Роуну. — "Зем. Имп." означает, что Земля тогда всем заправляла. А любая птичка, вздумавшая нарушить законы этого мира, была попросту обречена. Вот так действовали тогда люнди, ты меня понял?

— Мир, — думал Роун. Это слово все время вертелось в голове, и он пытался избавиться от неприятного смысла, который привнес в него Генри.

Боевая машина прогремела совсем рядом.

— Веди медленно, теперь давай на максимальной, — приказал Генри Дред Кзак. — Эта ограда построена земными инструментами, и ее ничто не сокрушит, кроме земного танка-Боло.

— Но она же стояла пять тысяч лет. Теперь уже некому будет восстановить ее, — напомнил Роун. Уж очень ему хотелось, чтобы птица с веткой в клюве и "Зем. Имп." красовались здесь еще хотя бы такое ее время. — Зачем ее сносить? Можно же просто взорвать замок.

— Конечно, но если джики наблюдают за нами, это произведет на них большое впечатление. Ладно, начинай, Кзак.

Ворота завизжали, как раненая женщина, медленно наклонились и упали с ужасным грохотом; и Боло, со своим гребнем вдоль верхней башни, прошел сквозь проем. Кзак повернул оружие, высматривая местных жителей.

Тишина, наступившая после грохота упавших ворот, и словно вымерший город казались зловещими. Кзак высунулся из верхнего люка и ругнулся на ворота, на Боло и в целом на весь Альдо Церис. Он заметил вмятину на гребне и снова выругался, но уже позабористее.

— Может, нам удастся найти в городе еще Бонло, — предположил Генри Дред. — Они встречаются в каждом имперском городе, а ведь этот очень большой. Надо достать исправный, новый Боло и несколько ружей. Кзак, прикрой-ка нас, мы проведем небольшую разведку на местности. А если кого-нибудь увидишь, стреляй.

Генри Дред спрятал микрофон под мундир. Его тяжелые башмаки звенели по мозаике тротуара, который вел их вдоль дороги. И все время, пока они шли, капитан жестикулировал ружьем.

— Это высотные здания, — говорил он. — Разве у нелетающих существ могло бы быть

что-нибудь подобное?

Возвышающиеся над головами невероятно ровные и монолитные здания купались в солнечных лучах. Отсюда, издали, они выглядели пренвосходно, но внизу, на тротуаре, плитки замыснловатой мозаики были разбиты, валялись осколнками, и Генри Дред на ходу пинал их ногами.

Роун остановился, залюбовавшись фонтанном, — образуя живописную радугу в свете солнечных лучей, весело кружились подвижные чанстички воды.

— Все было построено еще в те времена, — с удовольствием объяснял Генри Дред. — Этот фоннтан работает уже пять тысяч лет, а может, и больше. Если какой-нибудь механизм в этом гонроде и ломается, то восстанавливается автоматинчески.

Роун с интересом стал разглядывать дом за фонтаном с символом Земной Империи на двери и рядами балконов и окон.

— Похоже, эту дверь можно открыть, по всей видимости, люди отсюда ушли... Я имею в виду землян, — сказал он и замолчал, размышляя, как бы он чувствовал себя, будь этот дом его собственным. — Но здесь так красиво! Если они могли построить такое, то как же кто-то сумел их победить?

— Проигранная война, — бросил Генри Дред, подходя к фонтану. Он напился чистой воды из боковой струи и вытер рот тыльной стороной ладони. — Они называют ее проигранной войной, но это не так. Земля никогда войны не проигрыванла. Скорее всего, она оказалась в патовой ситунации, пока мы не одержали окончательную понбеду. Кое-кто это понимает. Мы сумели разбить мощь ниссийцев, они больше не управляют Всенленной. Правда, ниссийцы по-прежнему блокируют Землю и заявляют, что у них есть новые крейсеры, действующие в дальней стороне Галактики. Но, по-моему, они пустили утку. Сам я никогда не сталкивался с ниссийцами. Кроме люндей, гуков и джиков больше мне никого не донводилось встречать.

Они прошли сквозь разрушенные ворота, занбрались на Боло. Генри Дред достал свой микрэфон.

— Развернуться веером в боевом порядке, — рявкнул он. — Стрелять по всему, что движется! Роун не отставал от Генри Дреда.

— Пусто, — заметил он. — Никаких признаков местных жителей. Странно, почему? Здесь всего так много...

— Суеверие. Они боятся города, — Генри Дред внимательно изучал уличную обстановку. — Но это еще не значит, что их здесь нет. Впрочем, они, вероятно, правы, опасаясь города. Посмотри-ка туда, — и он указал на глубокий провал, черневший рваными краями. — Мина-ловушка, — пояснил Генри Дред. — Не знаю сколько их, не исключаю, что весь город усыпан ими. Поэтому смотри в оба.

Они подъехали к стене, покрытой глиняной черепицей, из-под которой пробивались растущие изящные цветочки.

— Парк, — пояснил Генри Дред. — Весомое нанпоминание о прежней земной роскоши. Может, потом у нас и будет время осмотреть его.

— Здесь танк! — прорезался человеческий гонлос из-за соседнего дома. Боло Марк-ЭХ, фабричная марка свежая...

— Только не трогай его, тупоголовый идиот! — протрещал Кзак из Боло. — Я не хочу, чтонбы чьи-нибудь грязные лапы прикасались к нему, пока я его сам не осмотрю.

Генри Дред рассмеялся.

— Это тебе не женщина, ты, плешивый череп. Это мой танк, и я его увижу первым.

— Слушай, я хочу слазить в парк, — сказал Роун. — Позови, когда понадобится. Генри Дред насторожился.

— Да не убегу я, — успокоил его Роун. — Во всяком случае, до тех пор, пока ты держишь Женлезного Роберта в камере.

— Ну хорошо, — согласился Генри Дред. — Монжет быть, если ты увидишь этот парк, то поймешь разницу между джинами и людьми. И тогда, вероятно, тебе станет ясно, чего я

хочу.

— Босс! — позвал Кзак. — Посмотри-ка, полные баки, и магазины, и...

— Не трогай ничего! — крикнул Генри Дред Роуну. — У этих проклятых гуков яичница вместо мозгов.

— Ладно, — пообещал Роун и приготовился карабкаться по сучковатому старому дереву, которое возвышалось над стеной сада. — Пальни в воздух, когда захочешь, чтобы я вернулся.

— Смотри в оба, мальчик, — произнес мягко Генри и осекся. Он достал свой бластер Марк-XXX и вручил его Роуну. — Я знаю, что ты вернешься, — сказал он, — и узнаешь много нового для себя.

Сидя на нижней ветке дерева, Роун подкинул пистолет в руке, определяя его вес. Он чувствовал твердость его металла, холод стали, с пламенной ее душой, и заключенную в нем мощь. Он реншительно посмотрел на Дреда. Тот понимающе улыбался, догадываясь, какие чувства обуревают его сейчас. Вскоре капитан широким шагом пенресек площадь. А Роун стал взбираться на деренво, вспоминая свои игры с грасилами, свой полет через каньон, Экстравагаззо, дерево-недотрогу и свои последние дни в Тамбуле. На самой верхонтуре он вспомнил натянутый на высоте канат, Стеллеры на нем и ее встревоженный взгляд... Но тут перед ним распахнулся парк во всей своей мощи и красоте, и те воспоминания в этот миг улетучились бесследно. Его взгляду открылись следы Земной цивилизации, о восстановлении конторой так много говорил и думал Генри Дред.

В парке росла зеленая трава и пестрели цветы. Роун заметил маленький автоматический культиватор, движущийся вдоль тропинок, рядом с которыми вспенивались и разбрызгивали свои струи не тронутые временем фонтаны.

На ухоженной лужайке лежала упавшая статуя, лицом вверх. Ее поднятая рука указывала в небо.

Это был землянин. Настоящий землянин.

И он был похож на Роуна.

Спрыгнув со стены на упругую траву, Роун подбежал к статуе. Все — глаза, уши, лоб, мускулы — ну все, как у Роуна. Это, несомненно, был Землянин!

"Наверное, мой отец выглядел так же, — думал Роун. — Кто это? Мужчина? Откуда он пришел?" Он наклонился к основанию статуи. "Зем. Имп." — гласила надпись, увенчанная голубем и ветвью. И ниже: "се — человек, июль 28, 12780".

— Се, — сказал Роун статуе, прикоснувшись к ней и задумавшись над тем, как же должно произноситься это имя.

Затем он очнулся от звука, витающего в воздухе. Он прислушался к мелодии, она, как и благоухающий тонкий аромат, слегка кружила голову. Она ничего общего не имела с той каконфонией, которой одаривали слушателей цирковые извлекатели шума. Где-то глубоко — в сознании или подсознании — эта музыка навевала воспоминания о том, с чем сам Роун не сталкивался в реальности. О солнечном свете, которого он никогда раньше не видел даже во сне; о ветре, дунновения которого он никогда не ощущал; о тех местах, в которых он никогда не бывал...

"Мир" — снова и снова произносил про себя Роун и понимал, что Генри придал этому пронстоуму и такому всеобъемлющему слову какое-то иное, слишком узкое значение.

Весенне-зеленая трава покрывала холм до самого края тропинки и расстилалась дальше, между клумбами, усеянными роскошными яркими цветами. Какой-то широколистный голубой бутон с черными крапинками, словно алчущий зев, ритмично разбрасывал и снова собирал свои лепестки...

Музыка внезапно оборвалась и опять зазвучала, но уже совсем другая, пробуждающая смутные воспоминания о том, чему он, возможно, даже был когда-то свидетелем.

Он вдруг услышал игру фонтана, мелодичный звук серебряных водных струй. Затем в звенящую тишину ворвался зов рожка, настойчиво нанбирающий свою звуковую высоту и силу, словно только для того, чтобы разомкнуть старые замки запертой памяти Роуна. В

пронзительный зов рожка мягкой дисгармонией вплелась струнная музыка. Она то внезапно исчезала, то возвращалась в чуть иной вариации. А теперь рожок бросал ей вызов, неожиданно подхватив струнную мелодию. К их дуэту присоединился далекий конлеблющийся звук, пробудивший в душе Роуна острое щемящее чувство, пронзившее все его существо. В конце концов оно прорвалось наружу его горькими слезами по старым, потерянным, но таким прекрасным и бесконечно дорогим венцам... Которых, может быть, никогда у него и не было?..

Толстая пчела, прожужжав, приглушенно занудела в цветке в поисках нектара. С материнской заботой цветок распахнул перед ней свои лепестки, и вскоре, вся покрытая желтой пылью, она горделиво полетела прочь.

Роун рассмеялся. Его тоска рассеялась.

Музыка тоже засмеялась. И маленькая флейта захихикала, поддразнивая и убегая прочь, словно приглашая последовать за собой.

И, подчинившись, Роун двинулся вслед за звуком.

Раскинувшись на огромном пространстве, парк утопал в букете ароматов всевозможных цветов. Он манил голубым озером, на водной глади которого, слегка покачиваясь, белели нежные цветы и стройные длинношеие птицы. Едва Роун ступил на берег, они доверчиво к нему поплыли, словно легкие белые лодочки.

От озера Роун повернул в заросли, туда, где виноградные лозы со сладкими ягодами образовывали и целые беседки. Он миновал солнечные склоны, покрытые колышущимися на ветру травами, тенистую рощицу, порядком заросшую мхом, и попал в темный туннель кустов, который внезапно вырывался на солнечную поляну.

Роун ступил на широкий тротуар из камня-плитняка, протянувшийся вдоль пенящихся фонтанов до террасы с колоннадой. Над террасой возвышался узорчатый свод каменной кладки. Вся архитектура дома привлекала изяществом и воздушностью.

Почувствовав жажду, Роун зачерпнул ладонью спокойную, гладкую воду. Она пахла солнцем и приятно пенилась во рту.

Но вода здесь была не для каких-то утилитарных целей, даже не для питья, — она просто извергалась в воздух, чтобы потом опять упасть в водоем. И это нравилось Роуну — только могущественная цивилизация могла позволить себе вздымать целые потоки воды лишь ради удовольствия наблюдать за ее искрящимися разноцветными брызгами.

Он поднялся по широким, пологим ступенькам в воздушное здание, которое оказалось таким же прочным и надежным, как само его время. Мраморный пол внутри был разукрашен причудливыми разноцветными узорами, разбросанными вплоть до пандуса, примыкающего к колоннаде слева.

Роун решил по нему подняться.

Дом состоял из целого лабиринта комнат, сохранивших в идеальной чистоте. Воздушные фильтры чуть шелестели, двери беззвучно отворялись при его появлении, лампы вспыхивали, приветствуя его, и гасли, прощаясь. На полированных столиках стояли необычные по форме вазы из дерева, металла и стекла. Роун брал каждую и пытался догадаться о ее предназначении. Одна, из нефрита, слегка нагрелась в его руке и ничем другим себя не проявила. Роун осторожно положил ее на место и пошел дальше. Он оказался в комнате среди развешанных на стенах картин. Одна из них приковала к себе все его внимание. Изображенные на ней голубые разводы буквально гипнотизировали своими замысловатыми переплетениями и цветовой гаммой. Они завораживали его так же, как музыка, которую он недавно слышал в парке. Всякий раз, как только он снова возвращался к этой картине, она представляла перед ним словно обновленной, пробуждая новые ощущения и новые мысли. Он так долго и пристально рассматривал ее, что в конечном счете перестал замечать ее цвет, ее линии, полностью уйдя в себя. Пробудил его от этого состояния луч позднего солнца, через высокое окно падающий ему прямо в глаза.

Другие картины были либо наподобие голубой, либо выступали прямо из стен или представляли собой источник света, зависавшего в воздухе. А некоторые, как понял Роун,

изображали места обитания и дома землян. И самых людей? Но Роун в этом не был уверен — фигуры были танкими маленькими и далекими, что трудно было что-либо разобрать. Ни на одном полотне он так и не сумел отыскать портрет человека. А как раз больше всего Роуну хотелось увидеть именно изонбражение своих предков.

Он двинулся дальше, прямо сквозь туманную световую картину в центре одной из комнат. Все это — для чего оно? Только лишь для того, чтобы смотреть и получать удовольствие?

Ему казалось, что он постиг сущность людей, их стремление окружать себя красотой. Роун пончувствовал свое родство с таким земным миром. Он знал, как смотреть картины и что такое — получать удовольствие от музыки.

Затем он попал в комнату с широкими окнами, полную солнечного света, вдоль стен ее стояли низкие мраморные скамейки. Над ними в чашеобразных выемках находились выющиеся зеленые растения, а в полу зияло большое углубление. Роун подошел к самому его краю, и в этот момент послышался щелчок, а в емкости запеннилась вода.

Роун радостно рассмеялся, он узнал — это была ванна! Намного больше, чем у Стеллери, в ее апартаментах на корабле. Он с готовностью сондрал с себя заношенную, пахнущую потом рубанху, внезапно почувствовав, какой он грязный.

С наслаждением Роун забрался под поток мыльной воды и принялся тщательно себя тереть мочалкой. В черную воронку ванны выносилась грязь и чешуйки омертвевшей кожи, а чистая вода, не переставая, лилась из крана. Около часа Роун нежился в ванне, наблюдая за плывущими облаками и голубым небом в окне, и удивлялся мягкому рисунку земных растений, склонившихся над водой.

Он с тоской думал о Стеллери и о том, как они могли бы сейчас вместе поплескаться в воде, а потом выскочить в сад, чтобы в траве наслаждаться любовью. Они жили бы здесь вечно, в этом очаровательном месте, где нет жестокости, чужих голосов, уродливых, искаженных злобой лиц. Где никто не станет его ненавидеть, презирать или завидовать его земному происхождению.

Но Стеллери больше не было, остались только воспоминания, временами переполнявшие его.

За панелью из цветного стекла Роун обнаружил красивую, скромно украшенную одежду из тонкотканного пружинящего и одновременно обнволакивающего материала. Это было серебристое трико. Прохладное на ощупь, оно прекрасно обнлегало его фигуру. Затем Роун надел короткий, отороченный шелком и расшитый золотом алый жакет, мягкий изнутри, но жесткий снаружи. Нашел ботинки, мягкие, словно перчатки, но замечательно защищавшие ноги без помощи тяжелых подошв и каблуков. Вот это он и выбрал из множества других привлекательных вещей, вроде белых шортов и маек, коротких полотняных бонтинок, которые, правда, были уж слишком тоннки, чтоб использовать их для ходьбы.

И еще одну вещь взял Роун — великолепную массивную бляху на золотой цепочке с гравировкой "Зем. Имп". Она висела у него на шее и там, где касалась груди, между краями алого жанкета, согревала его, словно живое оберегающее существо.

Вот теперь я выгляжу как настоящий землянин, подумал Роун, разглядывая себя в гигантском зеркале на двери ванной. Дорогой металл сверкал на его загорелой груди, свежевывмытые волосы рассыпались темно-рыжими локонами нандо лбом. Интересно, подумал Роун, земная женщина посчитала бы меня красивым? О Боже, как давно у него не было женщины!

Роун застегнул свой старый металлический пояс, еще и теперь уверенный в том, что он обенрегает его и приносит удачу.

Он неохотно поднял бластер Марк-XXX, котонрый здесь казался совершенно неуместным, засунул его за пояс. Затем Роун вернулся по тихим коридорам вниз, через резонирующий зал, на широкую террасу.

Далеко в небе заходящее солнце догорало оранжевым заревом, отражаясь на башнях

горонда, в котором Генри Дред рыскал сейчас со своей шайкой головорезов в поисках добычи. Сколько грязи и порока наводнило Вселенную! Здесь всего этого словно не существовало; и Роуну так не хотелось к этому возвращаться.

Он быстро пошел по тропинке от дома, понежко оставалось совсем мало времени — наступала ночь. Вероятно, он сумел посмотреть большую часть парка. Еще один поворот... И Роун замер... Отражаясь в круглом зеркале водоема, среди нежных фиолетовых цветов, стояла челонвеческая женщина. У плеча она держала чуть наклоненный кувшин с длинным горлышком, из которого лилась вода. Искрясь и играя в оранжевых лучах заходящего солнца, вода тонкой струйкой стекала по ее тонкой шее, между приподнятых грудей, по грациозной линии чуть склоненного тела прямо в водоем.

— О, пожалуйста... — начал было Роун, но занпнулся и замолчал.

Он понял, что это — статуя, загадочно улыбавшаяся своей каменной улыбкой только ей известным мечтам и тайнам.

Роун коснулся легкой выпуклости мраморной щеки. И в ту же секунду услышал издалека доннесшийся яростный треск оружия. Затем одиночный выстрел — из ружья.

Не желая больше с этим соприкасаться, Роун бросился бежать по извилистым тропинкам, через центр парка, открытую лужайку, затем по ронщице, где уже господствовала ночь. Потом стал карабкаться вверх по ограде, цепляясь крепкими руками за виноградные лозы.

Ружье трещало, не замолкая. Послышался крик. С верхотуры Роун огляделся. На фоне оранжево-бордового неба четкими силуэтами вынрисовывались башенки; улицы словно нырнули под покрывало фиолетовых теней. И в этой темноте Роун уловил едва слышный шорох под денревом. Он присмотрелся и заметил чье-то лицо, белым пятном повернутое в его сторону, и в зубах блеснувший нож.

Затем послышалось отвратительное шипение, что-то ударило в черепицу, отколов от нее весонмый кусок, потом снова шипение и... пытавшаняся взобраться на дерево фигура грохнулась на землю.

Роун вытянул бластер из-за пояса, свой Марк-XXX, о котором совершенно забыл в парке. Впрочем, мечта о мире испарилась. Услышав несколько выстрелов где-то на расстоянии, Роун немного переждал, потом осторожно спрыгнул с дерева, присел на корточки и перевернул распростертое тело на спину. Грубые, вялые черты лысого минида застыли в мертвом удивлении. Обломок расколотого деревянного древка торчал из его тела, угодив под край одежды из овечьей кожи.

Подлое, грязное существо, но как бы там ни было, один из них... Роун напряженно всматривался в перспективу темнеющей улицы. Стрельба не прекращалась, разрозненные выстрелы сменились сплошной непрерывающейся перестрелкой. Подул холодный вечерний ветер, и возшла одна ярко-оранжевая звезда. Возможно, соседняя планнета солнечной системы Альдо.

Роун вышел на одну из темных улиц, ведунщую на север. Неожиданно осветив весь город, повисли в воздухе туманные пятна света, как облака. И вновь раздалось отвратное шипение. Что-то ударилось о косяк двери дома, рядом с Роуном, и упало на ступеньки. Роун бросился на землю, перекувырнулся, выхватил бластер и вынстрелил в фигуру, выскочившую из дверного проема напротив.

Неизвестный упал. Роун отступил, почувствовав необходимость спрятаться. И сделал это вонвремя. Трое длинноногих широкоплечих существ со странно плоскими, в обрамлении гладких черннх волос, лицами появились из переулка. В рунках у них были толстые, загнутые дугой луки, за спинами висели тяжелые колчаны. Развернувшись веером, они замерли. Увидев мертвого лучнника, один из них издал хриплый крик. И тут же все трое метнулись в разные стороны. Один оказался недалеко от Роуна. Не мешкая, Роун выстрелил в него и сразил наповал. Тут же развернулся и уничтожил второго. Стал высматривать третьего, но тот ловко скрылся в темноте за углом, выстрел землянина лишь высек сноп гонлубых искр из каменной кладки стены.

Не медля, Роун бросился за угол дома и, принжавшись к стене, спрятался в тени. Абориген вынскочил из укрытия. Выстрел Роуна и его сразил наповал.

Роун медленно перевел дыхание и опустился на тротуар, напряженно вслушиваясь в долетающие сюда звуки. Кроме порывистого скрежета и щелканья ружей, он ничего не слышал. Теперь они раздавались совсем близко. Роун поднялся и быстро побежал, придерживаясь бокового проулка, который мог вывести его на место боя окольным путем.

С низкого балкона, на который он вскарабкался по затемненному резному фасаду башни, Роун мог наблюдать за дюжиной, или около того, лучников, сгрудившихся почти прямо под ним на узкой аллее. Со стороны соседней улицы, приближаясь, доносились звуки стрельбы.

Теперь Роун даже мог разглядеть голубые вспышки ружей, желтые искры от ударов камней, запускаемых пращей. Главарь лучников что-то им говорил, сидя на корточках, они молча слушали, раскладывая стрелы. Дальше по улице, в толпе гуманоидов, Роун различил высокую фингуру Генри Дреда. С ним было не более пятидесяти человек, и это из восьмидесяти приземлившихся! Оставшиеся в живых пираты, напуганные полученным отпором, отступали под дождем стрел, которые беззвучно и невидимо летели из темноты. Один минид хрипло вскрикнул, задергался и упал. Никто не остановился, продолжая двигаться наугад и палить в темноту. С каждым шагом они неизбежно приближались к засаде.

Лучники под Роуном сгруппировались по единственному сигналу хрюкнувшего главаря. Он шагнул вперед... Роун, почти не целясь, выстрелил в него, затем навел пистолет на остальных, воспользовавшись их смятением. Уложил еще троих. Уцелевшие скрылись за ближайшими доннами.

Никто из корабельной команды даже не заметил этого инцидента, хотя он имел к ним самое прямое отношение. Они сосредоточенно держали круговую оборону, не только не замечая, но даже не предполагая возможных и мало принятых для них сюрпризов. Генри Дред поднял руку и остановил команду в десяти футах от Роуна. С балкона тот отлично видел пиратов и пустые улицы вокруг.

— Предупредительный огонь! — услышал он голос Генри Дреда. — Они ведь отступили.

Среди команды пробежал недовольный ропот. Миниды тревожно вглядывались в темные перенулки.

Ружье мигнуло голубым, резко щелкнув в тиншине.

— Я сказал, стрелять туда! — проскрипел Генри Дред. — Остановимся здесь минут на десять, дадим шанс отставшим присоединиться к нам.

— Да черт с ними, с отставшими, — отрезал стрелок. — Мы здесь застрянем, и местные подонки окружат нас. Надо идти, и чем быстрее, тем лучше.

— Заткнись, Сноргу, — огрызнулся Генри Дред. — Ты уже забыл, как я вызволил тебя из йилийской тюрьмы, в которой ты прохлаждался как убийца старой женщины? А теперь ты подбиваешь к бунту мою команду!..

— Моя команда, моя задняя нога, ты, паршинвый земляшка! Мы достаточно наслушались приказов от таких, как ты. Ну, что будем делать с ним, ребята? — Сноргу наблюдал за пиратами.

Генри шагнул к широкоплечему.

— Отдай ружье, Сноргу!

Тот в ответ только расхохотался, нацелив ружье в грудь Генри.

— И не подумай. Я выстрелю, если только ты посмеешь...

Кто-то за спиной Генри Дреда схватил его за руки, другой вышиб оружие из его рук.

— Вот теперь мы и выберем себе нового канпитана, — прорычал Сноргу. — Ты вел нас прямо в засаду, а? Хитрый же ты, капитан. Мне канжется, мы — гуки уже по горло сыты твоими земными фокусами.

— Может, я и отдавал некоторые приказы нансчет абордажных команд, посылая

часовых, — медленно протянул Генри. — И насчет скелетов в танках Боло...

Сноргу зарычал и плотно прижал ружье к груди Генри Дреда.

— Плевать, давай сюда ключи от навигационной комнаты и секретного ящика в твоей каюте.

Генри засмеялся так резко, словно ломался лед.

— Тебе не повезло, Сноргу. Неужели ты думаешь, что я ношу с собой связку ключей, да еще — специально для таких безмозглых обезьян, как ты? Заруби себе на носу — там кодовые замки. Убьешь меня, и ты никогда их не откроешь.

— Ты их откроешь сам, — пролаял кто-то рядом. — Пару раскаленных игл в кишки да пару дней, чтоб подгнило. И ты будешь орать и звать хоть кого-нибудь, чтобы послушали твою песенку. И все, о чем ты будешь просить, сведется лишь к тому, чтобы тебе перерезали горло, пока не взорвалось твое брюхо.

— Ну а до этого как вы собираетесь попасть на корабль? — поинтересовался Генри Дред. — Местным жителям может не понравиться, как вы улепетываете.

— Пристрелим его, — предложил кто-то. — Хватит ему издеваться над нами.

— Это мне подходит, — Сноргу ухмыльнулся, обнажая большие с широкими зазорами зубы.

Сноргу сделал шаг назад и направил ружье книзу, на пряжку ремня Генри... Роун упредил его и выстрелил Сноргу в голову. В долю секунды Генри подхватил на лету падающее ружье и, сжав его, прицелился от бедра. Команда ошарашенно вытаращила глаза.

— Кто-нибудь еще желает объявить себя капитаном? — прервал наступившую тишину резкий голос Генри Дреда.

Пираты испуганно озирались, стараясь опрентелить местонахождение стрелка. А Роун увидел, как один из них незаметно направляет дуло своего оружия на Генри Дреда. Не раздумывая, Роун произвел свой очередной удачный выстрел, однако ружье убитого тут же подхватил его сподвижник и тоже начал целиться в капитана. Генри Дреду удалось самому его обезвредить.

— Кто следующий? — спросил он с ехидством.

Никто не двинулся. Запуганные пираты стояли в оцепенении. Генри коротко рассмеялся, опустив ружье.

— Отлично, растянитесь цепью и двигайтесь, — приказал он, дирижируя своим пистолетом.

Роун перелез через балюстраду и спустился вниз. Генри Дред наблюдал за ним. Его сощуренные глаза смотрели на пистолет Роуна, висевший на бедре.

— Вижу, хорошо знаешь теперь, как с ним обращаться.

— Пригодилось, — небрежно бросил Роун, подражая манере Генри Дреда.

Он стоял, сунув большие пальцы за пояс, глядя на мужчину, капитана. Взгляд Генри скользнул по одежде Роуна вниз — от алого жакета к серебристому трико — и обратно. Их глаза встретились.

— У тебя был хороший шанс пристрелить меня, — заметил Дред. — Но когда дело дошло до расправы, ты предпочел защитить меня, то есть встать на мою сторону. — Его лицо медленно расплылось в улыбке. — Думаю, ты уже сделал свой выбор, мальчик? Подходящий момент. Ты узнал что-нибудь новое для себя в том парке?

— Я нашел сад, — сказал Роун. — Он просто превосходен, самое замечательное место, которое я когда-либо видел. Мне так хотелось там остаться, так было мне хорошо. Я видел статую, даже прикоснулся к ней, но это мертвое, окаменевшее изображение. Генри, я хочу что-нибудь сделать, должен сделать, чтобы возродить все это к жизни. Я хочу, чтобы и каменная девушка ожила, превратилась в живую плоть и вошла в сад вместе со мной.

Генри Дред протянул руку Роуну, и тот поймал ее.

— Мы сделаем это, Роун, — обещал Дред. — Вместе мы сможем это сделать.

— Возьмешь пистолет назад? — улыбаясь, спросил Роун.

В ответ Генри Дред обнял его.

— Оставь себе, — сказал он. — И с этого момента ходи всегда со мной, держи оружие на бедре и будь готов к действию.

Он повернулся и последовал за толпой пирантов. А Роун пошел за ним, гордо подняв голову — ему нравилось ощущение тяжести пистолента на поясе.

Глава двенадцатая

— Эти два прошедших года были удачными, Роун, — заметил Генри Дред, снова наполняя свою тяжелую винную кружку. — Семь рейсов, и все успешные. Набрано достаточно новичков, да и запасы горючего и оружия превосходят прежние.

Роун угрюмо смотрел на свой полупустой станкан.

— И при этом мы ни на йоту не приблизились к нашей цели — к возрождению Земли. Мы даже не нашли ни одного землянина. Ты да я — два земных урода, только и знающих, что болтать о своих грандиозных планах.

— Слушай, Роун, мы в курсе всей информации о Земле, где бы мы не находились. Разве я виноват, что мы не встретили до сих пор гуманоидов? Мы еще найдем колонию землян и тогда...

— То — тогда, а сейчас вспомни о Железном Роберте. Я очень хочу, чтобы ты освободил его, Генри.

Рука пирата грохнула по столу.

— Черт побери, мы что, опять начинаем по новому кругу? Я же тебе объяснял, что этот монстр просто настоящий символ на борту корабля? Мои головорезы видели, как он противостоит бластеру. Они слышали, как он грозился вышвырнуть меня за борт моего собственного конрабля! И я позволяю ему жить! До тех пор, пока он прикован к стене, его разговоры всего лишь пустая болтовня. Но выпусти я его, позволь ему таскаться по кораблю среди свободных джиков, ты представляешь, что из этого получится!

— Представляю, — сказал Роун. — Более двух лет я живу роскошно, пользуясь всеми возможными благами, в то время как мой друг сидит в темноте с полтонной запаянного металла на ноге...

— Фу ты, черт, будь же реалистом, мальчик! Он не обращает на это никакого внимания... не то что ты или я! Разговаривает сам с собой, впавшая в своего рода забытие, иногда целыми днями не ест. Он не человек, Роун! Ради Бога, человеческая Галактика поставлена на карту, а ты беснпокоишься о проклятом джике?

— Освободи его, пожалуйста, он не причинит тебе вреда. Я за него ручаюсь...

— Не в этом дело, — произнес Генри твердым голосом. — Ты бы лучше попытался поддержать в нем жизнь. Он — первый джик, которому я когда-либо позволял жить на борту своего конрабля!

— Вот к чему привели твои великие мечты, не так ли? Убивать не великих джиков...

Генри повернулся, уставившись на обзорный экран, который изгибался над командным пульнтом.

— Где-то там есть боевой ниссийский крейнсер, — сказал он спокойно. — Мы заполнили пронбел, Роун. Сведения, которые мы собрали за понследнюю пару месяцев, говорят о том же самом: ниссийский корабль — реальность, и он не так уж далеко. Мы можем поймать его нашим широкообзорным экраном теперь уже в любой день...

— Ну да, только для того, чтобы уничтожить еще немного джиков, вот и все. Нет, это не война. В конце концов, ниссийцы разбиты, так же, как и Империя. Они никому не угрожают, ни на кого не нападают...

Генри порывисто обернулся к нему.

— Не нападают?! А как же насчет мандевоиской патрульной шлюпки, которую в прошлом году они превратили в пар с расстояния в двеннадцать тысяч миль...

— Мандевоисцы отправились искать приключения. Они сами в этом признались. Ниссийцы не атакуют планеты или корабли, которые им не угрожают. Ну ладно, давай

забудем о ниссийцах. Земля, вот что интересно. Давай искать Землю...

— Земля! — фыркнул Генри. — Да это только название, Роун! Мифическая страна чудес в сказках для простаков. Вот Земная Империя — это уже другое, не какой-нибудь там паршивый мир где-нибудь далеко на краю Галактики. Это — ченловечество, организованное, вооруженное, и оно управляет всем!

— Земля есть, — настаивал Роун. — И однажды я найду ее. Если ты отступишься от этого, я найду ее один.

— Отступлюсь? — зарычал Генри Дред, поднимаясь на ноги. — Генри Дред никогда не отступает от своих замыслов! Я просто не гоняюсь за миражами! Я сражаюсь с реальным врагом! И предпочитаю лицом к лицу сталкиваться с реальностью! Может, все-таки настало время тебе повзрослеть и сделать то же самое?! Роун кивнул.

— Ты прав, поэтому высади-ка меня в первом же заселенном мире с моей долей военных трофеев. Оставляю тебе твой грандиозный план, у меня есть свой, получше.

Гневные глаза Генри метали молнии, лицо понбагровело от злости.

— Во имя девяти Богов, я когда-нибудь поймаю тебя на слове! Я подобрал тебя в этом проклятом зоо, урод в клетке! Сделал тебя своей пранвой рукой, даже пытался стать твоим другом! А теперь...

— Я никогда ни о чем тебя не просил, Генри, — отрезал Роун, в упор глядя голубыми глазами на пирата.

Они стояли лицом к лицу — два больших, крепко сложенных человека — один с седыми волосами и морщинистой кожей на лице, другой с гривой темно-рыжих, коротко подстриженных волос, с упруго гладким молодым лицом, безупречным цветом кожи и белой полосой шрама на щеке, там, где когда-то прошли когти искана.

— Но ты много получил!

— Мне было хорошо в зоо. У меня там были друзья и девушка... Генри Дред заворчал.

— Ты готов дружить со всяким паршивым гуком или джиком, который уделит тебе внимание, а я — капитан Земного Имперского Флота — недостаточно хорош для твоей дружбы!

Выражение лица Роуна изменилось, стало подчеркнуто серьезным.

— Ты сказал Земной Имперский Флот?

— Именно это я и сказал, — невозмутимо подтвердил Генри Дред.

— Но я думал, — произнес Роун, внимательно наблюдая за глазами капитана, — что Земной Имперский Флот был очень давно разгромлен...

— Ты думал, да? — Многозначительная улыбка пробежала по лицу Генри Дреда. Он торжествующе смотрел на Роуна, наслаждаясь моментом. — Ну, а если я тебе скажу, что он не был разгромлен? Что есть целые скомплектованные соединения крейсеров, разбросанные после битвы по всему Восточному рукаву Галактики? Что Секторный Штаб взял на себя командный контроль, он заново организует оставшихся в живых и держит флот в боевой готовности, ожидая, когда наступит день контратаки?

— И ты говоришь мне об этом? — как Роун ни старался, голос взволнованно сломался на последнем слове.

— Черт побери, малыш, это именно то, из-за чего я тебя и вызвал сюда. Я хотел с тобой поговорить, а ты вылез со своим любимчиком джинном! — Генри хлопнул Роуна по плечу. — Я долго приглядывался к тебе за эти годы. Ты поступаешь правильно, даже более того. Настанет время, и я смогу приобщить тебя к тому делу, каким мы сейчас занимаемся. Ты думал, я просто пинрат, который озабочен только рейдами и грабениями, и для меня все к чертям, лишь бы содрать жирок с гуков и джиков? И ты полагал, что все мои разговоры о возвращении человеку Галактики — одна трепотня? Я знаю, — он улыбнулся, откинув голову назад, — и не могу тебя винить. Конечно, у меня полный запасник тяжелых металлов и драгоценностей, старинной земной одежды и оружия, и даже несколько ящиков старых имперских кредитных знаков. Но это не все, что мне удалось припрятать. Иди сюда.

Он повернулся, прошел через широкую палубу древнего линкора, вставил ключи в

панель. Броннированная дверь распахнулась, и, пригнув гонлову, Генри вошел внутрь, а затем появился с широкой плоской коробкой. Он поднял крышку, вытащил одежду из плотно сотканного голубого полотна и встряхнул ее. Роун изумленно устанвился на эту красоту.

— Моя униформа, — сообщил Генри Дред, — капитана Земного Имперского Флота. На меня возложили обязанности за набор рекрутов. Что касается резервов, я все делал правильно. Но это мой первый набор...

А Роун не отрывал жадного взгляда от небесной формы, от яркого блеска древних знаков отличия. Он судорожно сглотнул, открыл рот, чтонбы сказать, но... Генри Дред вынес из ниши и вторую коробку. Он положил на нее ладонь.

— Подними правую руку, лейтенант Корнней, — приказал он...

Роун таращился в зеркало. Зауженное, в серебряный рубчик трико сидело на нем как влинтое. Поверх шелковой белой рубашки короткий китель с серебряными пуговицами на фоне коронлевской голубизны. Ярко начищенное, отделанное эбонитом церемониальное оружие блестело на широком серебристом поясе с большой квадратной пряжкой, украшенной уже известной Роуну эмблемой "Зем. Имп." и символическим образом птицы.

Он повернулся к Генри Дреду.

— У меня миллиард вопросов, Генри. Ты знанешь, они такие...

Генри Дред снова рассмеялся.

— Конечно, знаю, — он включил микрофон и распорядился принести вина. — Садись, лейтенант. Думаю, уж на несколько минут ты сможешь забыть о джинах, пока я расскажу тебе кое о чем другом.

Железный Роберт зашевелился, когда Роун окликнул его. Тяжелые ступни заскрежетали по заржавевшим палубным плитам, забрякали цепи в темноте, и зеленые глаза воззрились на Роуна.

— Что ты хочешь, Роун? — прорычал гулкий голос. — Ты прервал сладкие грезы Железного Ронберта о юности, женщинах и жарком солнце родного мира...

— Я... только пришел посмотреть, как ты, — сказал Роун. — Последнее время я был занят и спускался к тебе не так часто, как мне бы хотенлось. Тебе что-нибудь нужно?

— Только знать, что тебе хорошо и ты счастлив, Роун. Я надеюсь, теперь вы с Генри Дредом друзья и ты хорошо проводишь время и не грустишь, как раньше.

Роун ухватился за хромолитовую двухдюймовую решетку камеры Железного Роберта.

— Дело не в этом, Железный Роберт. Я помонгаю собрать воедино Земную Империю. Конечно, у меня слишком мало сил — всего один корабль, бороздящий космос, разыскивающий землян или хотя бы сведения о них. Но я собираю запасы для Флота, информацию, чтобы использовать их, когда мы будем готовы начать контратаку...

— Контратаку? Против кого, Роун? Пока вы воюете только с гуками и джиками, которые вам попадаютс, забираете у них все оружие, горюнчее, деньги...

— Ты должен понять, Железный Роберт! Это не просто грабеж. Это — стратегия! Мы дрейфуем в соответствии с официальным распоряжением Флота, громя чуждые цивилизации в назначенном секторе. Капитан Дред уже двенадцать лет в космосе. Еще пару лет, и мы закончим рейд и отправим сообщение в Секторный Штаб...

— Я вижу, ты счастлив, Роун. Хорошо провондишь время, живешь богато, хорошо ешь, хороншо пьешь, много сражаешься, имеешь достаточно женщин...

— Черт побери, и это все, что тебя в жизни интересует? — в отчаянии вскричал Роун. — Да понимаешь ли ты, что значит задаться целью построить нечто грандиозное, за что ты мог бы отдать собственную жизнь?

— Конечно, Железный Роберт понимает большие мечты молодости. Все существа в молодонсти...

— Это не просто мечты, Железный Роберт! Земная Империя уже однажды управляла Галактикой! И могла бы управлять снова! Ты, видно, мало сталкивался со страданиями и муками, смертью и разрушениями, ненавистью и безнандежностью, чтобы понять, как

необходимо изменить этот мир? Империя вернет в Галактику спонкойствие и порядок. Если мы оставим у власти проклятых джиков, все останется без изменения и даже станет намного хуже.

— Может быть, ты и прав, Роун! — голос Женлезного Роберта мягко рокотал. — Чудесная вещь — возводить воздушные замки, сооружать сказочные парки, слышать прекрасную музыку...

— Не смейся над моей мечтой! И над моим садом тоже. Я не должен был говорить тебе о нем! Мне бы уже следовало знать, что джик не в состоянии этого понять!

— Да, Роун, джику трудно это понять. Но позволь тебя спросить, какое место отводится джикам в твоей мечте или точнее — в Земной Имнперии? Они тоже будут разгуливать по прелестным садам?

— У них будут свои собственные миры, — хмуро ответил Роун. — И собственные сады.

— Понятно, Железный Роберт тоже будет иметь свой сад. А в нем — замечательные черные камни и лужи мягкой грязи, в которых можно даже полежать; и горячую, вонючую воду, бьющую прямо из-под земли. Но, думаю, Роуну танкой сад вряд ли будет по душе. И, полагаю, возникнет нелегкая задача для Роуна и Железного Роберта — как им вместе теперь погулять по санду, вспоминая старые добрые времена. А может, лучше вообще не иметь никакого сада, а просто оставаться друзьями?

Роун прислонился головой к холодной реншетке.

— Железный Роберт, я не имел в виду... Мы ведь всегда будем друзьями, несмотря ни на что! Я знаю, ты заперт здесь из-за меня. Слушай, Железный Роберт, я собираюсь сказать Генри Дреду...

— Роун, прошу тебя, ничего не говори Генри Дреду! У Железного Роберта свои счета с пирантом — джик привык держать свое слово так же, как и человек...

— Я не это имел в виду, когда называл тебя джиком, Железный Роберт...

— Одно слово, Роун. Несмотря на мой гнев, Железный Роберт и Роун — друзья. Железному Роберту не стыдно быть джиком. Я — королевского железного происхождения, и у меня есть такой замечательный друг, как ты, Роун. Челонвеческое племя сгорает быстро, но горит жарко, согревая даже такое старое каменное сердце, как у Железного Роберта.

— Я собираюсь вытащить тебя отсюда...

— Нет, Роун. Куда мне еще идти? Не в земнную же каюту, она слишком мала для меня, да и сиденья не выдержат. От меня одни неприятности, Генри Дред прав. Команде не нравится, что Железный Роберт свободно разгуливает по кораблю. Лучше оставайся здесь, поблизости, Роун. И однажды нам вместе удастся высадиться на планету. А пока же тебе выпала судьба рабонтать с Генри Дредом. Ты шаг за шагом приближаешься к осуществлению мечты о древней сланве. А Железный Роберт всегда будет здесь и рядом с тобой.

— Очень скоро, через год или два, мы прибундем в Секторный Штаб. Я заставлю их дать мне отдельный корабль, и тогда ты станешь моим понмощником.

— Конечно, Роун. Отличный план. А пока Железный Роберт будет терпеливо ждать, и тебе незачем беспокоиться.

Роун встал, потянулся, протер глаза и отпил из чашечки горький черный кофе.

— Я устал, Генри. Мы больше тридцати шенсти часов торчим перед экранами, а так ничего и не увидели. Давай прекратим эту напрасную погоню.

— Они близко, Роун, — не сдавался Генри. При экранном освещении его лицо казалось сенроватым и осунувшимся. — Я преследовал ниссиинский корабль в течение сорока лет, еще сорок минут, и они могут попасть в поле нашего зрения...

— Или еще сорок дней, или сорок лет, или все тысячу, откуда мы знаем. Эти увальни с Эбара, видно, только для того и рассказали нам эту историю, чтобы избавиться от нас, из-за боязни нового обстрела города.

— Ниссийцы где-то рядом. Мы приближаемся к ним.

— Предположим, это так. Ну и что из того? У нас же совсем другая цель — разведка и набор рекрутов, я правильно понял тебя? Да и потом разве можно атаковать ниссийский корабль, если он вообще существует и он действительно ниссийский, лишь с двумя людьми в команде!

— Я сказал — они здесь. И мы — военная единица Флота! А наша работа — обнаруживать и громить врага.

— Генри, оставь ты это и перестань уповать на нашу дальнедействующую радарную установку — мы же не знаем их возможностей! Они ведь могут взорвать нас прямо в космосе, со всеми нашими установками, еще до того, как мы к ним приблизимся. Ты же сам говорил, что они это проделали с мандевоиским разведчиком.

— Струсил, лейтенант? — спросил Генри Дред, пристально глядя на Роуна.

По лицу молодого человека пробежала невеселая улыбка.

— Ну, если тебе так хочется, то струсил. А может я просто не лишен здравого смысла. Я не хочу видеть, как все, ради чего мы работали, рухнет в одночасье только потому, что у тебя зудит рука пальнуть из этих мощных батарей, которые все эти годы ты держишь в боевой готовности.

Генри Дред поднялся.

— Ну ладно, с меня хватит, мистер! На этой лохани пока что я хозяин! А ты сиди и следи за экраном до моей команды покинуть пост!

— Сбавь обороты, Генри.

— Капитан Дред для тебя, мистер!

Лицо Генри придвинулось к Роуну, и ему, пожалуй, впервые так резко бросился в глаза след от перелома квадратной челюсти Дреда. Роун выпрямился, держа поясное оружие наготове. Теперь он был даже выше Дреда и почти такой же широкий в плечах. Он твердо посмотрел на капитана, в общем-то уже пожилого человека.

— Мы всего в нескольких месяцах полета от Штаба, Генри. Давай подумаем, если мы не сможем добраться туда одним перелетом...

Рука Генри Дреда наполовину вытянула пистолет из кобуры. Он в упор смотрел на Роуна, скрежеща зубами.

— Я отдал тебе приказ!

— Ты достаточно взрослый человек, чтобы понять и исправить собственную ошибку, — спокойно возразил Роун. — Мы оба нуждаемся в отдыхе, а ведь среди команды найдутся и такие, кто был бы рад и нашей усталости, и нашему расколу.

Генри Дред выхватил оружие из кобуры.

— Стой, мистер...

Лязг предохранителя прозвучал зловеще. Роун повернулся и вдруг увидел на экране дальнего обнаружения яркую точку голубоватого цвета, мерцающую в нижнем левом углу. Он прыгнул к клавиатуре и сконцентрировал изображение в середине экрана, затем сосредоточенно стал считывать данные с землито-стеклянной панели.

— Масса 5,7 миллионов стандартных тонн, скорость — девять сотых абсолютной световой.

— Во имя девяти дьяволов, это он!

Он возбуждения Генри Дред задохнулся, понтом сгреб командный микрофон и проорал в него: "Всему экипажу, боевая тревога! Защиту — к действию! Батареи — к бою, начать отсчет! Силонвая секция, приготовиться к максимальному вынбросу!"

Испуганный голос подтвердил команды, а Генри Дред, отбросив в сторону микрофон, устанвился на Роуна горящими глазами.

— Это он, Роун! Ниссийский корабль прямо по курсу! Это так же верно, как и то, что я — Генри Дред! — Он перевел взгляд, на экран. — Понсмотри на него! Посмотри на размеры этого дьявола! Но мы его расшибем! Расшибем, так и знай! — Он сунул оружие в кобуру, наконец перевел дыхание и повернулся к Роуну. — Впервые за пять тысяч лет корабль Имперского Флота вступает в бой с врагом! Это час, ради которого я жил, Роун! Мы

раздавим их, как переспевший плод! — Одержимый своей идеей, он поднял сжанный кулак. — А потом уже ничто не остановит нас! Ты со мной, мальчик?

Глаза Роуна были прикованы к изображению корабля, все разрастающемуся на экране.

— Давай прекратим это, Генри. Мы выяснили, что можем засекать врага на дальнем расстоянии, и мы его засекли. Когда доберемся до Штаба, то сможем...

— Будь проклят, этот Штаб! — взревел Генри Дред. — Это моя операция! Я гонялся за этим грязным пятном по всему Восточному рукаву Ганлактики, и теперь я намерен спалить его подчистую...

— Ты не в своем уме, Генри, — попытался обранзумить его Роун. — Эта чертова штуковина пренвосходит нас раз в сто...

— Я — сумасшедший? Ну что ж, я покажу тенбе, как сумасшедший человек расправляется с любыми вырождаками, которые позволяют себе бронсать вызов земной мощи на вершине...

Роун охватил Генри за плечо, бросив взгляд на экран.

— Здесь не только ты и я, Генри! У нас внизу восемьдесят членов команды! Они верят тебе...

— К черту этих гуков! Это то, ради чего я жил...

Он не успел договорить — сильный толчок сотряс помещение, воздушная волна — предвестница произведенного удара — пробежала по кораблю. И в тот же миг палуба вздыбилась, а Роун оказался на полу. Циферблаты и датчики повывлетали из панели, экраны взорвались дымящей ослепляющей вспышкой. Роун мельком увидел Генри Дреда, опрокинувшегося вслед за ним, услышал прогрехотавший взрыв, а затем поплыл в звенящей тишине...

Открыв глаза, он сразу же увидел сгорбившуюся в командном кресле фигуру в заляпанных сажей вперемишку с кровью лохмотьях, квадратные кулаки, безвольно сложенные на боевых контрольных рычагах. Роун с трудом приподнялся на четвереньки, и тут же стены завертелись вокруг него каруселью.

— Как сильны повреждения? — сквозь канцель выдавил он.

— Мерзкие, подлые ниссийцы, — пробормотал Генри. — Позволить им еще раз дать залп? Спанлить дьяволов с лица небес!

Роун скользнул взглядом по разбитой вдребезги панели с приборами, остановился на рычагах управления, беспомощно болтающихся в руках Генри Дреда и, кажется, окончательно осознал происшедшее.

— Генри, давай сматываться отсюда, пока не поздно. Спасательная шлюпка...

— Максимальный заряд! — заорал Генри Дред. — Батареи к бою! Огонь! Огонь, будь вы прокляты!

— Нам надо уходить отсюда! — Роун, пошантываясь, поднялся на ноги и оттащил Генри от разбитого контрольного пульта. — Дай команду.

Дикие глаза на побелевшем лице уставились на него в упор.

— Ты воин Империи или грязный шпион джиков? — Генри оттолкнул Роуна и бросился к безжизненно свисавшему командному микрофону. — Всей команде! Мы приближаемся к враженскому кораблю! Приготовиться к абордажу... Роун вырвал микрофон из рук Генри.

— Покинуть корабль! — закричал он и отбронсил мертвый микрофон. Генри неистово заорал и замахнулся в бешеном ударе. Роун уклонился и перехватил его руки. — Послушай меня, Генри, надо перебраться в шлюпку! Чтобы бороться, нам надо остаться в живых!

Тяжело дыша, Генри попытался услышать Роуна. Па левой его щеке вздулись волдыри от ожогов, опаленные волосы жалко торчали короткими завитками, в углу рта запеклась кровь. И совершенно неожиданно из взгляда его исчезла динкость.

— Две шлюпки, — пробормотал он, пошатываясь. — Я использовал их как рейдеры, оружие, мощный ретранслятор, две торпеды. — Он высвободился из рук Роуна и подтолкнул его к лифту.

— Мы еще не разбиты, — захорохорился он снова, расшвыривая ногой осколки на полу. — Проскользнем сквозь их экраны и ударим по ним в упор...

Дым клубами вырвался из лифта, когда дверь его, щелкнув, открылась. Генри Дред, шатаясь, погрузился в него, Роун последовал за ним.

Па шлюпочной палубе между членами команды шла драка за места в двух аварийных каютах.

— Вот капитан Дред! — заорал кто-то.

— Эта земная свинья уже здесь!

— Открывай!

— Освобождай шлюпки!

Пробиться сквозь дерущуюся и орущую толпу помогло Генри ружье. Он обрушил его на череп рогатого бойца в почерневшей овечьей шкуре и тем привлек внимание толпы. За ним, у самой перегородки, виднеющейся в конце коридора, плясал ослепительный огонь.

— Слушайте меня, вы, тупицы! — прорычал Генри. — В двух шлюпках найдется место для каждой слюнявой сывки. Но клянусь девятью хвостами огненных дьяволов, вы построитесь и зайдете на борт по порядку или поджаритесь на месте! Аскор! Бери выход номер один! — проревел командир пиратов, и обезумевшая команда враз прекратила драку, отодвинулась назад, выстроившись в две неровные шеренги.

Задыхающемуся от дыма Роуну все-таки удалось протиснуться между ними и ринуться в нужном ему направлении.

— Эй, куда это ты наострился? — прорычал вслед ему Генри Дред.

Но Роун уже метнулся в поперечный, почему-то менее задымленный, коридор, затем пробежал вниз по лестницам, перепрыгнул через изувеченного, видно по причине мести, минда с торчавшим из спины коротким кинжалом и понесся по проходу к грузовой палубе.

Он остановился у камеры Железного Роберта. Стелющийся дым не помешал Роуну разглядеть массивную фигуру, флегматично сидевшую на железной скамейке.

— Железный Роберт! Я выпущу тебя! Ключи в кабинете Генри...

— Подожди минуточку, Роун, — спокойно прозвучал рокошующий голос. — Что случилось? Женезный Роберт проснулся, и что же: двигатели мертвы и много дыма в камере...

— Мы хотели атаковать ниссийский корабль, а он выстрелил в нас раньше и разворотил все наши экраны, спалил все системы, сейчас мы — горящая тюрьма, надо срочно покинуть корабль!

— Ты хочешь, чтобы Железный Роберт вышел из камеры? Так и будет, только не нужно клончей, Роун. Просто... — Гигант поднялся, вытянул массивные руки и разорвал цепь словно лист мокрой бумаги. Затем нагнулся, выдернул ножные цепи из стены, а потом содрал сваренные массивные кольца с лодыжек.

— Отойди-ка в сторону, Роун... — Он приблизился к решетке, схватил толстые прутья и раздвинул их со страшным скрипучим металлическим визгом. Затем протолкал свое огромное девятифутовое тело через проем и вышел в коридор, с ухмылкой взглянув на Роуна.

— Ты мог разбить их... в любое время, — заинкаясь, промолвил Роун. — Ты оставался там... в оковах... пять лет... из-за меня...

— Самое удобное место сидеть и думать. Становится жарко, Роун, пора уходить.

Они двинулись по задымленным коридорам, вверх по лестницам на шлюпочную палубу. Понювина команды уже погрузилась. Двое мертвых лежали на палубе, убитые в упор из ружья Генри Дредом. Поседевший капитан увидел Роуна.

— Ты берешь шлюпку номер два! Где ты был, девять чертей...

Вслед за Роуном из дыма неуклюже появился Железный Роберт.

— Т-а-а-к! Я должен был догадаться! — Ружье развернулось, нацелясь в гиганта. — Давай на борт, Роун! Мы уходим немедленно!

— Я сяду, когда погрузится моя команда. — Не обращая внимания на ружье, Роун

прошел мимо Генри Дреда к сходням, где топтался донродный гуманоид, протискиваясь в шлюз.

— Я сказал, поднимайся на борт! — проревел Генри.

Из шлюза первой шлюпки высунул голову широколицый минид.

— Мы полностью загружены! — прорычал он. — Если зайдет еще кто-нибудь, нам придется стоять друг на друге!

Генри повернул ружье.

— Мне плевать, даже если придется всех скландывать как бревна в штабеля! Давай всех на борт, Аскор! — и он опять повернулся к Роуну. — Какого черта ты ждешь, мальчик? Ты что, не чувствуешь жара? Эта лохань может взорваться в любую минуту...

— Железный Роберт, — позвал Роун, проходя мимо. — Иди на борт.

— Тут нет места для этого громилы! Ты что, не видишь, что не хватает мест! — заорал Генри. — Это приказ, черт побери!

Трое членов команды в драке отвоевали себе место в шлюзе второй лодки.

— Нет больше места! — ревел осипший голос из шлюпки.

Один из дерущихся отлетел, отброшенный ударом ноги, и свалился со сходней. Двое оставшихся, не оглядываясь, бросились вперед. В шлюзе развернулась настоящая битва. Генри Дред сделал шаг, прицелился и выстрелил — один раз, второй, потом — третий. Двое мертвых пиратов упали на горячие палубные плиты. Третьего вышвырнули из шлюпки.

— Пробивай себе дорогу. Роун! — закричал Генри. — Убирай каждого, кто мешает.

— Железный Роберт...

— Я сказал, он не поднимется на борт!

Роун и Генри стояли напротив друг друга, а между ними багровела залитая кровью палуба. Капитан не спускал глаз с Роуна, направив на него ружье.

— Он идет со мной или я остаюсь, — прокринчал Роун, преодолевая шум.

— Последний раз... выполняй приказ! — пронревел Генри.

— Железный Роберт, иди на борт... — начал Роун.

— Роун... — Железный Роберт сделал шаг.

Генри Дред обернулся, и голубое пламя вонзилось в грудь великана, разлетевшись брызгами и не причинив ему никакого вреда.

— Поднимайся на борт лодки, как говорит Генри Дред, Роун, — пророкотал гигант.

Генри отступил на шаг, снова прицелившись в Роуна.

— Послушайся Железного человека, манлыш, — проскрипел Генри. — Он говорит тебе...

— Пусть он поднимется на борт, Генри! — нанстаивал Роун.

— Только через мой труп, — проскрипел Генри Дред. — Ни в коем случае, даже если ты...

— Роун, нет! — закричал Железный Роберт.

Едва уловимым движением рука Роуна метнулась к оружию, и раздался выстрел. Командир пиратов отшатнулся назад, колени подкосились, ружье выпало из рук. Казалось, он падал медленно, как древнее дерево, затем рухнул на плиты, перевернулся и застыл, лежа на спине с широко открытыми глазами и ртом. Легкий дымок поднимался от прострела в груди.

— Роун! Ты большой дурак! В шлюпке нет места для Железного Роберта! Для чего ты убил Генри Дреда, настоящего человека, который любил тебя, как сына! — гремел Железный Роберт.

Роун отшвырнул ружье в сторону, подошел к упавшему капитану и опустился перед ним на колени.

— Генри... — слова застревали в горле. — Я дунмал...

— Ты ошибаешься, Роун, — голос Железного Роберта рокотал гулко. — Генри Дред никогда бы не выстрелил в тебя. Постарайся спасти свою жизнь, глупышка Роун. А теперь быстро иди, пока корабль не взорвался...

Веки Генри Дреда затрепетали, глаза смотренли в сторону Роуна.

— Теперь... ты... командир, — он задохнулся. — Может быть... правильно. Железный челонвек... хорошо, — он с трудом вздохнул и закашлялся, попытался заговорить и снова закашлялся. — Роун, — хотел распорядиться он, — Земля... — Одержимость угасла в его глазах, словно затуманилось запотевшее зеркало.

— Генри! — закричал Роун в отчаянии, но в эту секунду две мощные руки подхватили его и потащили в сторону шлюза.

— Иди, Роун. Живи долго и делай свое дело, тебе многое предстоит совершить. Вспоминай иногда Железного Роберта и не печалься, будь счастлив и не забывай тех хороших мгновений, которые нам вместе с тобой выпадали...

— Нет, Железный Роберт! Ты идешь...

— Нет, Роун, нет. Железный Роберт слишком большой для такого шлюза.

Роун почувствовал, как его тащат через узкий проем, в гул и сдавленность переполненной шлюпки. Он изо всех сил сопротивлялся, но удалось ему лишь развернуться, чтобы еще раз увидеть огромную фигуру Железного Роберта, одиноко темневшую на фоне горящего коридора. Он бросился к шлюзу, но напрасно — крепкие руки его не отпустили.

— Ты должен управлять этой калошей, землянин, — закричал кто-то в самое ухо.

— Задраивай шлюз, — заорал другой.

Роун в последний раз посмотрел на Железного Роберта и молча с ним попрощался. Тяжелый люк, громыхнув, захлопнулся. Крепкие руки пропихнули Роуна вперед, и он буквально ввалился в командирское отделение. Другие грубые руки тотчас втиснули его в навигационное кресло. Холодное дуло пистолета уперлось в щеку.

— Вытаскивай нас отсюда, быстро! — прорычал тяжелый голос.

Роун встряхнулся, сфокусировал свой взгляд на панели. Как во сне, его руки автоматически пробежались по рычагам и повернули ключи. Экраны ожили. В космической темноте сверкал огромный ниссийский военный крейсер. Он находился примерно в тысяче миль отсюда. Его серебристый корпус затмевал звезды.

Роун сосредоточился, сел поудобней, губы сжались в злом подобии улыбки. Он покрутил кланвишу, сконцентрировал изображение в центре экрана, считал данные с приборов, ввел код в главную навигационную панель и решительным движением до отказа нажал на рычаг акселератора.

Глава тринадцатая

Роун расслабился, руки упали с пульта.

— Все свободны, — произнес он тупо. — Вторая шлюпка, видимо, не вышла, во всяком случае, я не вижу ее на экране...

Существо с землистым щетинистым лицом и длинными руками — торчащий хохолок выданвал в нем зоргианина — протолкалось сквозь набившуюся в шлюпку, как сельди в бочку, команду.

— Слушайте меня, вы, назойливые черви, — резко прорезонировал голос, вырывающийся из недр бочкообразной груди. — Если мы хотим принземлиться, то должны организоваться...

— А кто тебя спрашивает? — перебил его реднкозубый, оливковокожий член команды. — Я дунмаю...

— Я здесь старший гук, — пролаял лысый морщинистый минид, — теперь, когда мы свободны, то должны найти ближайший мир...

В ответ послышалась отборная ругань. Для понтасовки просто не было места.

— Мы не собираемся здесь подышать! — выкрикнул кто-то хрипло. — Мы должны выбрать капитана!

— Чтоб всякий паршивый минид мне тут еще указывал!..

— Заткни жаберные щели, ты, рыбе отнродье...

Роун встал.

— Хватит! — рывкнул он, прорвав гвалт, как хлыст прорывает тонкую ткань. — Можете свернуть свои дебаты по поводу капитанства! Я — капитан! А если вы, тупоголовые, прекратите орать и пораскинете мозгами, то поймете, наконец, в какой переплет мы все попали! Нас тут сорок в шлюпке, а она рассчитана на тридцать, не более! Еды нам хватит на несколько месяцев, но вот с водой и воздухом совсем плохо, системы страшно перегружены, а это значит, что очень скоро мы начнем задыхаться. О ближайшей планете можете вообще забыть — она в девяти менсяцах полета отсюда на крейсерской скорости, так что у нас только один шанс из ста...

— Слушай, ты, земной молокосос, — неожинданно попер на него зоргианин.

Роун прикладом ружья от души врезал ему в брюхо, затем выпрямил его мощным ударом в челюсть и отбросил в толпу.

— У нас здесь нет разгрузочного шлюза, — проскрежетал он четко, — и если кого-то придется прикончить, труп девать будет некуда. Поэтому пораскиньте мозгами, прежде чем нарываться на неприятности. — И Роун по-хозяйски уверенно упер руки в бока.

Он был ростом с самого высокого члена конманды, темно-рыжие волосы пышной копной гонрели в резком свете луны, освещавшей переполненную шлюпку. Повернутые к Роуну грубые лица выражали испуг.

— У кого есть оружие? — командным тоном спросил он.

Послышался шепоток и движение. Роун понсчитал поднятые руки.

— Семнадцать. А ножи? — поднялось еще ненсколькo рук с клинками. В образовавшемся арнсенале можно было найти почти все — от широнких, с зазубренными краями, мачете до грубых, острых, как бритва, серпов, меньше шести дюйномв длиной.

— Куда мы собираемся лететь? — выкрикнул кто-то.

— Мы сдохнем на борту этой посудыны, — пронрезался пронзительный крик.

— Мы не можем высадиться на планету. — Голос Роуна перекрыл остальные. — Мы далеко от дома, без резерва горючего и запасов... — Конманда выжидающе молчала. — Но у нас еще есть оружие — две тысячи тонн торпед под панлубами и мощный ретранслятор. А всего в ненскольких милях отсюда есть пища, вода, горюнчее и воздух... — Он отступил в сторону, указывая на передний экран с изображением ниссийского корабля, достигшего уже гигантских размеров.

— Мы оказались внутри его защитного понля, — продолжал Роун. — И они наверняка не ожидают визитеров в спасательной шлюпке...

— Что ты имеешь в виду? — прорычал одноглазый член команды. — Ты просишь...

— Я ничего не прошу, — резко оборвал его Роун. — Я говорю, что мы собираемся атаковать ниссийский корабль.

Через пять миль ниссийский крейсер, словно темная луна, заполонил собой весь экран.

— Они не догадываются, что мы рядом, — прендупредил Роун. — Их экраны просто не могут зансечь такую мелочь. Мы сблизимся с ними и занхватим командный пункт управления до того, как они что-либо заподозрят.

— А если нам не повезет?

— Тогда нам придется жрать друг друга и зандыхаться в зловонии этой лохани.

— Четыре мили, скорость стыковки двадцать метров в секунду, — отчеканил штурман.

— Сбавь скорость, — распорядился Роун. — Стыкуйся осторожно, словно кошелек из кармана тянешь.

На лице штурмана мелькнула короткая, нервнная улыбка.

— Еще бы! Мне что-то не очень хочется раснтревожить это осиное гнездо.

— А какие они, эти ниссийцы, землянин? Роун с размаху хлестнул говорившего по гунбам.

— Для тебя я — капитан, матрос!.. Не знаю, как они выглядят, но ненависти к ним не испытываю. Просто у них есть то, что нам необходимо, и мы это возьмем.

— Судя по размерам баржи, их не счесть там, на борту...

— А ты и не считай, просто убивай одного за другим, вот и все.

Некоторое время они молча наблюдали за экранами.

— Две мили, — сообщил штурман. — Пока никакой тревоги...

Шлюпка приблизилась к вырастающему на глазах корпусу военного корабля, наверное, длинной в милю. Иероглифы огромного чужого герба вырисовывались на черной глади корпуса. Огни причальных камер, беспорядочно разбросанные по борту, поблескивали в слабом свете звезд. Роун выбрал маленький знак, изображенный на металлической поверхности внизу.

— Подгони нас туда, Ноуг, — распорядился он. — Всем остальным приготовиться, надеть скафандры.

Роун стащил жесткий скафандр со стенной скобы, оделся и, застегнув шлем, щелкнул переключателем. Лицо обдало стружкой сжатого воздуха.

Лодку мягко повело, когда сработали реверсы, выводя створ шлюза на люк ниссийского корабля. Роун напрягся, следя за маневром по маленькому ретрансляционному экрану.

— Теперь всем тихо, — приказал он. — Любой шум они способны услышать.

Два судна соприкоснулись мягко, с едва уловимым скрежетом металла о металл.

— Отличная работа, Ноуг. Ты прекрасный ученик, — подбодрил штурмана Роун. — Держи шлюпку на магнитном замке. — Подошвами тяжелых башмаков он ощущал только вибрацию двигателей.

— Открывай, — приказал он.

— Эй, а каким воздухом дышат эти ниссийцы? — поинтересовался кто-то. — У меня баллоны почти пусты.

— Можешь остаться здесь, если у тебя есть сомнения, — огрызнулся в ответ другой.

Воздух хлынул, когда замок открылся. Коснтием Роуна разглаживался по мере того, как пандало давление. Черный корпус чужого корабля был перед их носом.

— Прорежь его, — скомандовал Роун.

Гуманоид протолкался к проему, сконцентрировал узкий луч бластера и нажал пуск. Черный металл быстро раскалился, затем потек, мягкий вздувшийся пузырь наконец лопнул под силой внутреннего давления ниссийского корабля. Аскор продолжал работу, расширяя проем и вырезая отверстие с фут в диаметре.

— Хватит, — Роун прошел вперед, просунул руку в отверстие, нащупал механизм замка и открыл его. Люк плавно скользнул в сторону, обнажая темную внутренность вражеского корабля. Ледяной воздух хлынул в шлюпку, металл моментально покрылся инеем.

— Идем, — держа бластер наготове, Роун шагнул в проем, луч ручного фонаря выхватил из темноты изогнутые стены и замысловатые формы вместо пола. Трубы самых разных размеров петлями разрисовывали помещение. И все было покрыто толстым слоем пыли.

Нападавшие молча пробрались сквозь проем и сгруппировались возле Роуна. Сняв гермошлемы, они глубоко втягивали в себя морозный воздух и выдыхали белые облачка пара, поднимающиеся над их головами.

— И куда мы отсюда попадем? — пробормотал Ноуг.

Роун выхватил фонариком узкий вертикальный проем в стене.

— Возможно, в эту дверь, — сказал он. — Понпробуем.

Коридоры ниссийского корабля были высокими, узкими и освещались тусклыми лентами свентильников под потолком, которые как бы нехотя вспыхнули примерно через минуту после того, как захватчики ступили на борт. Роуну казалось, что стены наваливаются на него, дышать становилось трудно. Несмотря на ледяной холод, словно ножом резавший руки и лицо, на лбу выступили капельки пота.

— Здесь только уполовиненная гравитация, — заметил Аскор. — Где-то должна быть

силовая установка...

— Не нравится мне это, — пробормотал Ноуг за спиной Роуна. — Если они сейчас нападут на нас, мы точно попадем в ловушку...

— Заткнись, — одернул его Роун.

Сердце у него и так едва не выскакивало из груди, а от слов Ноуга напряжение достигло предела. Не обращая внимания на шум, он быстрым широким шагом двинулся вперед и вышел из тесного прохода в просторное помещение со стеннами в виде пчелиных сот — ячеек для хранения. Команда сбилась в кучу, с опаской озираясь по сторонам. Один все-таки подошел к ближайшей ячейке, извлек из нее тяжелый узел, завернутый в твердую восковую материю и, развязав его, обнаружил странной формы металлический брусок, обсыпанный каким-то порошком. Брусок пошел по рукам, все с любопытством его разглядывали.

— Девять дьяволов, что это такое?

— Эй, а что там в следующей ячейке?

— Вы что, офонарели? — зло пытался образумить их Роун. — Положите все на место и прекратите болтовню!

Забывшаяся на миг команда снова умолкла и стала прислушиваться, нет ли поблизости врага.

— Пошли. — И Роун из кладовой направился по узкому длинному проходу, теряющемуся где-то далеко в темноте.

— Эти переходы, — недовольно прошептал один из команды, — их тут целые мили, а что, если мы заблудимся?

— Проще простого, — отозвался другой. — Тогда начнем колотить по стенам, пока не явятся ниссийцы.

— Хотелось бы знать, куда это они запропанстились. — Ноуг переложил ружье из правой руки в левую.

— Мы рыскаем по этой лохани уже битый час...

Коридор неожиданно уперся в гладкую стену. Роун поднял руку.

— Подождите, — приказал он, смерив взглядом оставшийся позади проход. — Я считал шаги, мы преодолели около полумили и сейчас находимся на противоположной от люка стороне конрабля. Единственное, что удалось обнаружить, так это грузы, припасы и подсобные помещения. Нам надо вернуться в большой коридор, пересечь его и выйти на другой уровень. Уж там-то мы найдем помещения личного состава. Идти друг за другом и смотреть в оба. Первому, кто попытается открыть пасть, забью в нее пистолет. Двинулись.

Роун повел их назад, затем свернул в широнкий, тускло освещенный коридор, который, как и все другие, тянулся до бесконечности.

— Я замерз, — захныкал один из команды. — Хоть из ружья пали, так руки застыли.

— Сунь ружье в кобуру да разогрей руки, — спокойно отозвался Роун и, подойдя к узкой двенри, встроенной в стену, толкнул ее. Она поддана, распахнувшись двумя створками внутрь квадратной комнаты с рассыпанными по всему полу бумагами и прислонившимся к стене поконсившимся столом. Рядом с ним, на четырехфунтовой подставке, высилось седлообразное сиденье. Роун подобрал с пола бумажный обрывок, но тот сразу же рассыпался у него в руках. Правда, Роун все же успел разглядеть на нем переплетения странных иероглифов. Ретировавшись из комнаты спиной, он отправился дальше, вдоль по конридору...

В огромном, тускло освещенном холле Роун увидел седлообразные сиденья. Бесконечными рядами они протянулись по всей длине огромной комнаты с одной стороны стоек, напоминавших столы в фут шириной. Слабый тошнотворный запах витал в застывшем воздухе. Пыль поднялась из-под ног все еще нервно озирающейся команды.

— Это комната для приема пищи, — заметил Роун. — Мы уже ближе.

— Ближе к чему? — проворчали сзади.

— Надо попытаться войти в следующую дверь. Наверняка каюты команды

расположены не очень далеко от столовой...

— Эй, а это что такое? — круглый коротышка без шеи указывал в пустоту толстым пальцем.

Роун остановился и посмотрел. Это нечто походило на холмик больших рыбьих костей, наполовину утонувших в пыли. Коротышка ковырнул кучу носком, и в слабом свете фонаря блеснул тусклый металлический предмет, похожий на ремennую пряжку. Пират снова ковырнул кунчу, и на пол скользнул небольшой нож с двойным лезвием и кнопочной рукоятью. Коротышка тут же его схватил.

— Отлично сделан! — восхищенно выпалил он, сжав оружие. Короткое лезвие грозно сверкнуло в его руке. — Я возьму его...

— Вот те раз, — проворчал другой, рассматривая нагромождение рыбьих костей, — это и все, что осталось от ниссийцев?..

— Идемте, — в ответ сказал Роун. — Я хочу посмотреть, что там, наверху.

Они оказались в длинном, узком помещении с высоким потолком и рядами сидел перед ячейками. С других стен смотрели на них пыльные экраны и панели с маленькими кнопками из стекловидного вещества. Один из экранов слабо светился, на нем вырисовывалась картина звездного неба, на фоне которого, поворачиваясь вокруг своей оси, дрейфовал маленький продолговатый предмет. Над экраном горело несколько огоньков. На полу под панелью привлекли внимание две длинные трухлявые кучи — останки экипажа ниссийцев. Команда бросилась подбирать металлические вещицы, валяющиеся среди рыбьих костей.

— Это чучело, наверное, было большой шишкой, — проскрипел Ноуг. — Посмотрите-ка на эту безделушку! — И он поднял звезду из не потускневшего желтого металла, с какой-то драгоценностью внутри.

— Шеф, это командная рубка, верно? — спросил неуклюжий Аскор — гибрид минида и зоргианина, с жесткими пучками волос, разбросанными по типично широкому лицу минида.

— Я тоже так думаю, — заметил Роун. — А на экране наш "Колдун".

— Не понимаю, — Аскор оглядел длинную комнату. — Где они? Чего выжидают?

Роун не отрывался от экрана. Неожиданно он увидел, как от того места, где находился корабль Генри Дреда, пошли светящиеся круги, а сам корабль превратился в подсвеченное огненной вспышкой облако, из глубины которого потянулся длинный шлейф из раскаленных обломков.

— Взорвался, — вздохнул Аскор. — Странное чувство испытываю я, ведь я прожил в нем больше тридцати лет.

— Что касается ниссийцев, — резко произнес Роун, отрывая взгляд от экрана, — то любуйтесь — они вокруг нас.

— Но это же только кости, а я говорю о...

— Ты говоришь о ниссийцах — команде этого корабля, — перебил его Роун. Он указал на разбросанные останки на полу. — Вот они. А это то, что осталось от капитана и помощника.

Аскор нахмурился.

— Кто же спалил эту посудину, расстрелявшую нашего "Колдуна"? — изумленно прорычал он.

Роун ткнул пальцем в светящиеся огни.

— Сработала автоматика. Система запрограммирована взрывать все, что попадает в поле досягаемости. Я думаю, силовые реакторы сейчас истощены. Вот почему залповые батареи не прореагировали на нас.

— Ты имеешь в виду, что ниссийцы все мертвы? — Аскор бросил удивленный взгляд на трухлявые кучи рыбьих костей. Его лицо медленно расплылось в кривой ухмылке, он довольно фыркнул, сложив на груди широкие руки, а затем громко захохотал.

— Вот это ловко, шеф! А мы-то пробирались...

— Ну и ну, — прокомментировал кто-то. — Пондумать только! Интересно, и сколько эта лохань работала автоматически?

Роун пинком отбросил кости, взгромоздился на сиденье перед командной панелью и стал разбираться в управлении.

— Похоже, он крейсирует вот уже около трех тысяч лет с мертвым экипажем на борту, — отозвался Роун.

Узкое помещение с металлическими стенами уходило вглубь, к корме. Аскор покосился на Роуна.

— Похоже, у ниссийцев было несколько пленных на борту, да, кэп?

Роун взгляделся в валяющиеся человеческие скелеты. Один явно мужской, другой, чуть понменьше, видимо, женский, а дальше, еще понменьше — два скелета человеческих детей. Законванные в цепи человеческие кости, превратившиеся в прах!..

— Соберите личные диски, — произнес Роун равнодушно.

Из коридора донесся звук тяжелых шагов. Рогатая голова джангла просунулась в дверной проем.

— Кэп, мы кое-что нашли! Отличный катер в тысячу тонн, работа землян, подпорчен немного, но в дело годится. Брошен на шлюпочной палубе!.. — Глаза джангла возбужденно бленстели.

Роун последовал за ним по темным замусонренным коридорам со следами пиратских пируншек, вконец опустошивших древний корабль. Повсюду разбросанные останки навевали грустные мысли.

— Странно, из-за чего они погибли, кэп? — Аскор пнул кучку костей, подняв облачко затхлой пыли.

— По причине болезней. Голода. Самоубийства. А впрочем, какая разница — почему. Смерть есть смерть.

Аскор бросил быстрый взгляд на капитана, но ничего не ответил.

На шлюпочной палубе Роун принялся изучать округлые формы земного катера, балансирующего на временной подвеске между уродливыми ниссийскими разведывательными лодками. Попенрек острого носа были напечатаны номера. Свернху — "Флот Земной Империи".

— Похоже, ему подпортили корму, — Ноуг указал на пятно расплавленного металла рядом с открытым отверстием разгрузочного люка. — Однако они пытались его залатать, видно, готонвили к какой-то хитрой операции.

Роун поднялся по лестнице и протиснулся в узкий лацпорт, а вскоре попал на удивительно просторную командную палубу, освещенную земного типа экранами, приборами и датчиками. Зантем он подошел к стенному шкафу, открыл его и, чуть не задохнувшись от взвившейся пыли, вытащил корабельный костюм. На кармане виднелась уже знакомая ему и сильно потускневшая надпись — "Зем. Имп.", а чуть ниже нанесенное трафаретом имя — Эндор.

— Эй, — бросил Аскор из-за спины. — То же самое выведено на одном из идентификационных дисков. Ага, вот он, — он вручил его Роуну.

— Не думал, что ты знаешь земной язык, — землянин удивленно взглянул на полукровку.

— Да я его и не знаю, дело в зрительной панмяти. Здесь ведь одни и те же символы.

— Ну что ж, земной капитан умер в канданлах, — Роун вернул диск гуманоиду. — А вот его костюм, думаю, мне подойдет.

— А что делать с катером, кэп? — спросил Ноуг из прохода. — Как он, по-твоему, ничего?

— Проверь системы, — приказал Роун, — и еесли они в порядке, загрузи и разберись, как отнкрыть корпусные двери.

Аскор довольно потер руки, словно гвоздем прошелся по камню.

— Маленький катерок, кэп. Правда, не танкой большой, как "Колдун", да нам ведь и не

нужен был подобный тоннаж. Спорю, он быстросходный. Можно нанести удар и смыться до того, как эти тупорылые замарахи сообразят, кто им врезал...

— Мы пока прекратим рейды, — внес ясность Роун. — Здесь, на борту, куда больше добычи, чем мы в состоянии утащить. Достаточно для тонго, чтобы сделать каждого из вас богатым.

— Прекратим рейды? — Аскор озадаченно понскреб щетинистый подбородок. — А куда же мы собираемся, кэп?

— Запрограммируй курс на планету, называемую Тамбулом. О ней говорится в руководстве. — Роун изучал светящийся циферблат датчика на навигационной панели.

— Тамбул? А что это такое?

— Мое прошлое, возможно, — сказал Роун и отвернулся, изучая древние звездные карты на диаграммном столе.

Глава четырнадцатая

Аскор сидел рядом с Роуном, глядя на широкую вогнутую панораму экрана, которая заполняла стену офицерской кают-компания. Он потягивал черный кофе, к которому так долго привыкал, потом неловко прочистил горло и сказал:

— Это был долгий перелет, кэп. Роун не ответил.

— Еще несколько часов, — продолжал Аскор, — и мы прибудем на Тамбул. Не такое уж большое местечко, всего несколько пинков...

— Я сам преподнесу тебе несколько пинков, если ты не заткнешься, — оборвал его вожака планы Роун.

Сидящий напротив Пойон отодвинул свой вечный письменный прибор и, мигая полупрозрачными веками, покрывавшими шарообразные гланза, осторожно прикоснулся к стакану с вином.

— Вот так да, шеф, — снова принялся за свое Аскор. — Девять месяцев прошло, как мы взяли ниссийский корабль, а ты стал капитаном, и все это время нервишки твои шалют, как у грасила в брачный сезон. Думаю, таким способом тебе не завоевать ни доверия, ни авторитета. Вспомни, когда ты был вторым после капитана Дреда...

— Но теперь я не второй за кем-то, — огрызнулся Роун. — Я — первый, и советую не забывать об этом! — Он осушил стакан и снова наполнил его.

— Что ты ищешь в таком нищем мире, как Тамбул, капитан? — неожиданно спросил Пойон вкрадчиво мягким голосом. — Это не входило в планы Генри Дреда...

Роун с любопытством взглянул на белояна. Пойон никогда не затевал разговоров, особенно касающихся личных планов Роуна.

— Я думал, ты умеешь читать мысли.

— Я считываю эмоции и конструирую их. В этом искусство моего народа. Сейчас я составляю композицию для десяти разумных существ и дюнжины экспериментальных животных...

— А ну-ка, давай, прочти мои эмоции, — занвелся Роун.

Пойон потряс головой, словно отгоняя от себя какую-то ужасную мысль.

— Не могу, иначе я не задал бы тебе своего вопроса. Наше искусство бессильно перед земными эмоциями. Они не такие, как у других... в иной форме. Более мощные, более жестокие, боннее... примитивные...

Роун фыркнул.

— И ты ничего не можешь сказать о моих мыслях?

— Если только немного, — согласился Пойон. — Ты испытал ностальгию по родному дому. Но эта тоска совсем иная, нежели у любого сунщества во Вселенной, — он отхлебнул вина, наблюдая за реакцией Роуна, — потому что у тебя нет дома.

Слева на экране выросло изображение Тамбула; заработали реверсы, разворачивая корабль. Роун сжал стакан, наблюдая за приближающейся планетой.

— Возможно, — наконец отреагировал он на утверждение Пойона.

Посадочная вибрация затихла. Роун двинулся на корму через отделение команды. У входного люка он нашел Аскора, нервно бряцающего ружьем.

— Я тебе уже говорил — этот порт не такой, как другие! — ожесточился Роун. — Не спускай с команды глаз, они должны платить за все, что захотят взять. И никакой стрельбы!

Аскор что-то проворчал себе под нос, но Роун не счел нужным его услышать. Люк открылся, и Аскор высунул голову. Покрытое лужами поле и зловещий городок, карабкающийся вверх по холмам, — картинка, представшая его глазам, явно не воодушевляла.

— Вот те на, шеф! Это что за вшивая груда мусора? А жара-то какая!

— Мусор или нет, а оружие применять запрещаю.

Вся команда в праздничных одеждах, с ружьями и ножами на поясах, сгрудилась, вожделенно усмехаясь.

— Мое дело займет всего несколько часов, — сказал Роун и предупредил, — пока мы здесь, забудьте о грабежах. К тому же тут и брать-то ненчего.

Пробежал недовольный ропот, раздалось шарканье ног, однако вслух никто не отважился высказаться.

— Никаких попок, — уточнил Сидис, спускаясь с остальными по сходням вслед за Роуном. — Во всяком случае, чтобы все было шито-крыто... — Он облизнулся и стал напряженно заглядывать в окна лачуг с мыслью о возможной засаде.

— Кто хочет здесь остаться, пусть остается, — сказал Роун. — Каждый вправе выбирать свой путь. Грабить в городе нечего, под базу он тоже не годится. В нем живут отверженные, и здесь хорошо затеряться.

Роун заметил настороженный взгляд Пойона. Действительно, команда как-то не привыкла слышать от своего молчаливого капитана речей, да еще такого рода. Заметная нервозность Роуна передалась всему экипажу.

Роун молча направился к лачугам на окраине порта. Неужели город и тогда был столь же грязным и нищенским?

Впрочем, теперь это не имело никакого значения. Он вернулся сюда Человеком. У него была своя цель, и если кто-то попытается встать на пути, пусть пеняет на себя...

Роун провел свою команду мимо затененного квартала Созтти, под стенами и башнями сектора ведов, в район грасильских трущоб. Он едва не проскочил свой старый дом. Все казалось теперь другим — намного меньше и грязнее, чем тогда. Группа немых грасильских ребятишек вонзилась в грязь, и Роун вдруг подумал, что каждый грасил словно бы демонстрирует собой конроткую эволюцию вида — от копающихся грызуннов до летающих существ. Прекрасные цветы в их саду давно погибли, и в течение всех этих лет никто не белил их дом. Какая-то грасилка подозрительно выглянула из того окна, откуда обычно Белла, махая полотенцем, звала его ужинать.

Он усилием воли подавил нахлынувшую на него тоску и повел пиратов дальше, мимо мусорной свалки, которая выросла до невероятных размеров. Никто даже не спросил его, почему он выбрал именно эту дорогу. Он уверенно шел впенред, разбрызгивая жидкую грязь тяжелыми пондошвами башмаков, и ружье на ремне тихо понзвякивало при каждом его шаге. Роун знал, куда шел.

У него здесь не осталось друзей, как и не было ни малейшего представления о том, где искать Беллу. Но раньше Тхой-хой любил собираться с друзьями в полуподвальном баре, там они потянгивали мерзкие йилийские напитки и делились друг с другом всякими новостями. Вот туда-то Роун и направлялся.

Он завернул за угол, и тотчас услышал, как пираты зашептались. Он спиной своей чувствовал их расплывшиеся ухмылки. Стереотип их повендения давал о себе знать. Впереди аккуратно поднстриженные виноградные лозы образовывали изнгородь, а за ней виднелись блестящие крыши богатых домов. Небольшая группа ведов из мелкой знати прошла в ворота. У некоторых на плиссинрованных юбках блестели радужные застежки, у

одного на шее висел значок класса, сделанный из бриллианта. Единственным их оружием были кинжалы и отточенные когти. Скользящая понходка ведов выдавала прирожденную надменность тех, кто привык чувствовать себя хозяином положения. Рассматривая ведов, спутники Роуна замедлили шаг. Боясь возможной стычки, Роун обернулся и бросил на команду свирепый взгляд.

— Эй вы, палубные скребуны, я вас предупреждал! Первый, кто нарушит строй, получит занряд в кишки!

— Эти джики твои друзья? — громко спросил Ноуг, наблюдая за проходившими мимо ведами. Будучи гуком, он питал антипатию к подобного рода существам.

— У меня нет друзей, — оборвал Роун. — Не веришь, спроси сам.

Двое ведов медленно приблизились.

— Убирайтесь отсюда, — монотонно произнес один из них на плохом интерлингво.

— Здесь нечего делать грязным свиньям, этим земным полукровкам, — добавил второй.

Их когтистые руки ощупывали рукояти кинжалов, словно их вынуждал кто-то защищаться.

— Можно я шлепну этих двоих? — с надеждой в голосе попросил Сидис. Он ухмылялся, и его ровные зубы посверкивали, точно серебро.

— Никаких убийств, — отрезал Роун.

Но пираты словно по команде окружили вендов. Те нервно придвинулись друг к другу, сообразив наконец-то, что перед ними не простые тамбульские бродяги.

— Проваливайте, — приказал Роун на безупречном йилийском, которому учила его Белла. — Мои ребята чувят запах легкой крови.

Веды убрали руки с ножей, лица их стали непроницаемыми.

— Сам проваливай, — огрызнулся один, на всякий случай благоразумно попятившись.

— Но сначала, — невозмутимо продолжал Роун, — мне нужно узнать кое-что о Тхой-хое, йилийском барде и сказителе. — Он подчеркнуто опустил руку на силовое ружье.

— Его можно найти в любой таверне, он нанстоящий раб своих привычек, — недовольно буркнул вед.

Роун пробормотал что-то себе под нос и направился к воротам. Раньше квартал ведов был для него запретной зоной, его туда пускали разве что для выполнения отдельных поручений. Но теперь Роун был Человеком, и он шел туда, куда хотел. Он миновал ворота, и веды, готовые заншипеть от гнева, не издали ни звука. А наблюдая, как его маленькая группа протопала по тронтуару, они лишь вслед ей неуверенно засвистели, но остановить не посмели. Инцидент перед воротами заставил ведэв насторожиться.

Команда Роуна прошествовала почти через весь квартал ведов, до его окраины, где обычно селились ремесленники. Роун остановился перед таверной, на которой был приколот разноцветный символ всех рас.

— Подождите здесь, — приказал Роун. — Я ненадолго. За ружья не хвататься, на чужие коншельки не зариться.

В таверне сидел один йилианин — не Тхой-хой, но кто-то из твикской касты. Эти неприметные, невзрачные на вид существа частенько обинтали в народе, собирали новости, питались слухами, затем сочиняли странные иллийские поэмы; нередко они помогали составлять послания.

Роун опустился на треснувшее деревянное сиденье напротив йилианина, заказал вина для сенбя и бренди для соседа по столу, затем вытащил монету и положил перед собой.

Йилианин вопросительно посмотрел на Роуна, к монете он не притронулся. Он многое мог бы сделать за деньги, но далеко не все. И потому старый Йилианин выжидал, желая услышать от Роуна, какого рода игру тот затевает.

— Первое, — начал землянин, сразу приступая к делу. — Я хочу найти мою мать, Беллу Корней. Во-вторых, мне нужен Тхой-хой, мой дядюшка.

Йилианин взял монету худыми, потерявшими боевые когти пальцами, сунул ее под

язык и принялся терпеливо ждать того момента, когда ненуклюжий официант принесет наконец ему вина. Получив заветную кружку, он понюхал бренди, бросил пронизательный взгляд на Роуна и пронизнес:

— Я Лпу, певец стихов. Я знаю тебя, огненноволосый земной мальчик, заполнивший пуснтую жизнь увядшей красавицы Беллы. Когда-то ты был маленьким, дикое пламя юности, а теперь ты стал мужчиной. Твоя красота заставляла радостно биться сердце матери, вот о чем молят богов великие звери!

— Мать... умерла? — на Роуна неожиданно навалилась тоска.

Он понимал, что никогда не любил свою мать, как она того заслуживала. В его памяти жил только Раф.

— Ее больше нет в живых, — сказал Йилианнин, медленно подбирая слова. Роун замер, ожидал подробностей, но их так и не последовало, и не представилось возможности о них спросить.

— А дядя Тхой-хой?

— Сейчас Тхой-хоя слушают в доме диктатора в вонючем Соэtti. Хочешь, чтобы я привел его?

Роун кивнул. Йилианин допил фауф и вынскользнул из таверны. В грязном, убогом поменщении пахло смесью всевозможных напитков и чужеземными сладостями. В узенькое окошко, завешенное целлофаном, Роун увидел своих парней. Они громко переговаривались, небрежно швыряя ножи друг другу под ноги. Роун поднялся и постучал по оловянной крыше. Это напомнило ему о Белле, но он предпочел заглушить свои эмоции хорошим глотком вина. По дому же Роун вообще не тосковал. Тамбул был для него ничем не лучше других миров. И через несколько часов, закончив свои дела, он без сожаления отправится дальше.

Изнывая от ожидания, Роун еще немного выпил. Лпу сказал, что Беллы больше нет в жинвых? Что это значит? Что с ней произошло?

Но вот в таверну ворвался хохот его команды, в открывшийся дверной проем хлынул поток свента, и Роун увидел входящего шаркающей походкой дядюшку Тхой-хоя. Он совсем сдал, дядюшка Тхой-хой, его серое, точно высохшая глина, лицо было покрыто сетью морщин. Однако радонстная улыбка осветила его доброе лицо, когда он увидел Роуна.

— Мой мальчик, — пропел он. — Мой милый мальчик! — И Роун почувствовал, что если бы йилианин умел плакать, то, наверное, сейчас разрыдался бы.

Они обнялись.

— Я сильно изменился, — сказал Роун. — Ты бы узнал меня?

— Конечно, узнал бы. Ну, рассказывай свою историю. Ты много убивал, любил и ненавидел?

— Да, это уж точно, — с грустью признался Роун. — Я потом подарю тебе свою историю, для коллекции. Но сначала скажи, что случилось с матерью?

Дядюшка Тхой-хой молча сунул руку за пояс, вытащил большую золотую монету и протянул ее Роуну.

— Твое наследство, — коротко пояснил он. — Все, что осталось от когда-то прекрасного цветка йилии... — Старый сказитель не мог обойтись без поэтических образов.

— Откуда у Беллы золото? — удивился Роун, прикоснувшись к древней имперской монете, конторая так ценилась на рынках Тамбула.

— Ей не на что было жить после смерти Рафа, и она продала себя экспериментальному колледнжу, занимавшемуся вивисекцией. А это — плата за ее тело и жизнь. Она просила передать монету тебе, если ты когда-нибудь вернешься.

— И... она даже не оставила послания?

— Зачем? Ее поступок красноречивей всяких слов, Роун.

— Да, это правда... — Роун тряхнул головой. — Но мне не хотелось бы сейчас думать об этом. У меня мало времени, дядюшка Тхой-хой. Моим ребятам уже неймется — стоит кому-нибудь глянуть на них косо, и они неминуемо затеют свару. Мне необходимо

выяснить, кто я такой. Я знаю, что меня купили здесь, в Тамбуле, в воровском магазине. Но в каком? Может, ты подскажешь, где мне найти ответ?

— Тебе ничего не надо искать, Роун. Я сам отвечу тебе.

— Ты?

— Когда-то я прилетел сюда из далекого мира, чтобы похитить тебя, — нараспев произнес Тхой-хой, улыбнувшись своим мыслям.

— Ты?! — Роун не мог поверить, что его станрый дядюшка когда-то был наемником и искантелем приключений.

— Я, я! — подтвердил Тхой-хой, качнув голоной. — Вероятно, было бы лучше так и оставить все это в тайне...

— Но я хочу знать, я должен знать, кто я. Похоже, мое происхождение чисто земное, но кто мои настоящие родители? И каким путем я попал в лавку торговца?

Дядюшка Тхой-хой кивнул, перед глазами промелькнули события тех давних времен.

— Я могу рассказать тебе свою историю, Роун. А уж из нее ты кое-что извлечешь и о себе.

— Я много путешествовал, — заметил Роун, — но нельзя вернуться в прошлое. Ты поможешь мне.

— Мы прилетели сюда, — начал Тхой-хой, — по приказу, но опоздали. Тебя уже продали. Торговец ничего не мог нам сказать, и мы принялись разыскивать покупателей, а когда их наншли, то решили, что добыча будет легкой: хрупкая йилийская женщина и старый землянин-поллукровка...

— Раф никогда не был старым.

— Да, и в этом нам пришлось убедиться на собственных шкурах. Он дрался, как сущий дьявол из девятого ада, и даже когда его покалечили, он сопротивлялся до тех пор, пока не перебил всех. Он бы убил и меня, но заступилась Белла. И тогда я дал ей клятву и навсегда стал их ранбом... И твоим тоже.

Неугомонная компания перед таверной катала пустые пивные кружки и палила по ним. Внутри кроме Роуна и Тхой-хой никого не было. Бармен молча сидел за стойкой и бросал хмурые взгляды на дверь.

— Дай-ка нам еще, — позвал его Роун. Хозяин с готовностью откликнулся, наполнив гостям стаканы.

— Папа как-то говорил, что я чистого земного происхождения, но на все вопросы относительно моих генов отвечал уклончиво и непонятно — будто я какой-то особенный. Что он имел в виду, Тхой-хой?

— Ты действительно особый, Роун. Много люндеев погибли за право обладать тобой. Но больше ничего и я не могу тебе сказать.

— Этот магазин, в котором меня купили, где он находится? Может, его владелец и продавец все-таки что-нибудь знает?

— Да лавка рядом с базаром, а вот что касается владельца, то, увы, его уже нет в живых — горло малость ему подпортили.

— Горло подпортили?

— Ну, понимаешь, ножиком, — виновато оправдывался Тхой-хой. — Ах, Роун, я в молодости был совсем не так сдержан, как сейчас. — И дядюшка подробно рассказал о лавке, расположенной в дальнем конце Тамбула, и внушительно предостерег Роуна:

— Но понимаешь, держись-ка ты подальше от этого места, Роун. Двадцать пять лет назад это был отвратительный притон для отпетых галактических подонков. Боюсь, со временем там не стало чище...

Роун наблюдал через окно, как мимо его конманды проходит большая компания веков-дворян. В молчании пиратов чувствовалось презрение и настороженность. Сидис, не глядя, подкидывал и ловил нож, на его широком лице играла ухмылка.

— Они как дети, — начал было Роун и осекся, увидев, что один из веков, на шее которого бленстел огромных размеров бриллиант, отстал от своей компании.

Роун стремглав бросился на улицу, но было поздно — молодой вед-дворянин уже мертвым ленжал на земле, а короткий плащ Ноуга мелькнул в конце аллеи. Гневный ропот поднялся среди собравшихся свидетелей. Никто не любил дворян-вед ов, но убивать их просто так прямо на улище — это уж было слишком!

— А ну, пустоголовые тупицы! — заорал Роун. — Стройтесь в шеренгу и двигайтесь, — приказал он и взглянул на Ноуга. Минид провел пальцем по лезвию ножа и оглянулся. — А ты можешь остаться здесь со своим ведом и его бриллиантом, — сквозь зубы прошипел Роун, проходя мимо.

— Как? — Ноуг был ошеломлен. — Ты не можешь так поступить! Это же верная смерть для меня! — Он рокотал, шагая за Роуном. — У меня нет денег! Я не знаю языка! Да я не протяну и часа!

— Бандит, — бросил Роун. — Аскор, держи его на прицеле и пристрели, если он только попытается последовать за нами.

Нервно оглядываясь, дядюшка Тхой-хой семенил рядом с Роуном.

— Умное решение, — выдохнул он. — На канкое-то время эта жертва успокоит их, но лучше бы тебе не быть землянином. Прощай, Роун. Понсылай мне весточки, чтобы я знал, чем закончится твоя сага.

— Обязательно, — заверил его Роун.

Он вложил золотую монету в старую руку Йилианина и бросился догонять свою команду. В воротах он все-таки обернулся. Ноуг сидел на корточках в конце аллеи. Он плакал, срезая бриллиант с шеи убитого веда.

Глава пятнадцатая

Проталкиваясь сквозь кричаще-многоцветный водоворот базара, Роун со своей командой умело лавировали между прилавками. Никто не обращал на них внимания. На воровском базаре люнбопытство не в чести.

Они вышли на открытую площадь и двинулись по ней между рядами лавок под тентами. Некоторые торговцы сидели на корточках возле своего дешевого товара, так как были не в состоянии платить за аренду палатки. Над ними роинлись ядовитые, цветом напоминающие навозных жуков, мухи; в воздухе висел тяжелый запах резких духов, гниющих фруктов, обильного пота, старого барахла и помрачающих ум наркотиков.

Они миновали целую выставку изумительных тирулинских шелков, которые ценились на вес золота, и полотен, разукрашенных тайнописями. Затем поднялись на осыпавшуюся стену, возвышавшуюся над площадью.

Выведенная рукой надпись рядом с темной ленстницей гласила: "Йарг и Йарг. Живой Запас".

Под ней было приколочено ржавой кнопкой объявление: "На продажу — жизнеспособные человеческие эмбрионы". Под этими словами было поднмалевано что-то еще, но буквы стерлись. Роун повернулся к своей команде.

— Отправляйтесь по магазинам, — сказал он, но заметив, что его слова буквально ошарашили пиратов, добавил: — походите по лавкам, только порознь, чтобы не бросалось в глаза, что вы — единая команда. И не вздумайте устраивать морндобой.

— А ты куда, босс? — полюбопытствовал Аскор.

— Хочу узнать, легко ли стать отцом.

Поднявшись по узким выщербленным стунпенькам, Роун отодвинул остатки бус, висящих в проеме, и вошел в темное, вонючее помещение, куда свет проникал только через трещины в понтолке. Из-за стойки на него нагло тарачился рхеопс с облезлыми перьями.

Роун поддал ногой стул, отбросив его в сторонну, и оперся на стойку.

— Чего ты хочешь? — грубо проскрипело раздраженное существо. — Кто послал тебя сюда? Мы торгуем только оптом и только по представленному разрешению...

— Я не собираюсь таскаться по инстанциям, — оборвал его Роун. — Меня интересует

человеческий эмбрион, о коем вещает реклама снаружи.

— У нас тысячи довольных клиентов, — автоматически проскрипел продавец, с брезгливостью оглядывая Роуна. — А сколько ты заплатишь, если вдруг найдется кое-что про запас?

— Деньги для меня не проблема, был бы товар стоящий.

— Очень трогательно, — торговец взъерошил вылинявший венчик вокруг головы и выпрямился на сиденье. — Но сначала ты должен обзавестись женой — таков садомистский закон, иначе агенты сцапают меня.

— А вот об этом я сам как-нибудь позабочусь. Так что у тебя в запасе?

— Ну, я могу предложить вариант ФА, линии крови...

— Что значит "ФА"?

— Функционально адаптированный. Перепончатые пальцы, высокогравитационные типы с легким мехом... ну, в общем, нечто в этом роде. Очень симпатичный. Гарантирован выбор...

— Мне нужен настоящий земной тип.

— А как насчет номера 973? Отличается гингантским материнским геном, рудиментарными телепатическими способностями, которые дают возможность...

— Я сказал — земной тип в оригинальном варианте.

— Неразумно настаивать. Тебе и самому хорошо известно, что такого не существует.

— Не существует, серьезно? — Роун всем телом подался вперед. — А ну-ка, взгляни на меня как следует.

Торговец щелкнул потускневшим клювом и беспокойно уставился на землянина. Большие глаза-плошки водянисто блестели.

— Бог мой, — пробормотал он и затем добанвил: — надо осмотреть ступни, очень часто они определяют все.

Роун снял ботинок и задрал ногу.

— Пять пальцев! — задохнулся торговец. — Можно подумать, — он с тревогой посмотрел на Роуна, соскользнул со стула и отпрыгнул назад. — Нет... не ты...

— Именно я, — заверил спокойно Роун, опуская ногу и надевая ботинок. — Двадцать пять лет назад я вышел из этих стен и теперь хочу и знать все об обстоятельствах моего появления на Ваших полках.

— Убирайся! Я ничего не знаю! Меня тогда здесь не было!

— Полагаю, ради собственной безопасности тебе стоило бы кое-что знать, — многозначительно наметил Роун, вытаскивая из-за пояса ружье и демонстративно взвешивая его в руке.

— Мой... моя дядя Тарг. Он мог бы... но он с трудом говорит, его нельзя беспокоить!

— Ничего, побеспокоишь! — без тени сомнения заявил Роун.

Взгляд продавца метнулся в угол комнаты, потом назад.

— Завтра, приходи завтра. Я проверю буманги и...

Роун обошел стойку и направился в угол, куда я испуге смотрел рхенопс. Из затененной ниши виднелось слабое свечение фасеточных глаз. Рхенопс бросился наперерез Роуну.

— Дядя Тарг больше не занимается бизнесом! Он не совсем здоров!. Если бы только...

— Но я вижу, интереса к жизни он не утратил, — Роун движением руки отшвырнул продавца, вскинул ружье и выстрелил слабым зарядом в стену. Штукатурка посыпалась, обнажив зеркалаще тайного перископа, установленного в подполе. Роун поднял ружье и выстрелил в перископ. Торговец прыгнул на него и рванул за рунку, пронзительно визжа. Неожиданно в полу открылся люк, и старческий голос слабо прохрипел на пяти языках:

— Прекрати, перестань, остановись, хватит, довольно!

Голая древняя голова с тремя торчавшими перьями высунулась из проема.

— Прекрати! Брось, я сказал! — закричал ее хозяин. — Кончай!

— Я уже перестал, — как можно смиреннее произнес Роун, — дядя Тарг, я не ошибаюсь? — он снова отшвырнул торговца и ступил в проем, откуда паучья лестница вела

вниз. Он спрятал ружье в кобуру и спустился в тяжелую вонь сернистого ангидрида. Старик Тарг пританцовывал на кожистых ногах, выкрикивая проклятия на разных языках.

— Ну надо же, какие силы ты призываешь! — насмешливо бросил Роун, когда старик замолчал, чтобы перевести дыхание. — К чему вся эта тренпотня?

Тарг бросился к стене и воткнул конец свисающего с запястья провода в розетку.

— Лучше бы я сгноил тебя! Лучше бы спустил в выгребную яму вместе с тем проклятым ящичком! Из-за тебя моего кровного брата изрубили на куски, прямо здесь, в магазине! И все-таки я не убил тебя, а сколько надо поддерживал для твоей жизни необходимую температуру. Ты жив — и вот твоя благодарность! — Он замолчал, тяжело переведя дыхание, а потом зачирикал уже более спокойно: — Я старое существо. Убинрайся!

— Ты — старый болтун, но это твоя проблема, — равнодушно произнес Роун. — Мне же надо только узнать, кто я.

— Устроил здесь пальбу! — будто не слыша, бормотал старик. — Ты прострелил мое дорогостоящее визорное устройство...

Тем временем Роун внимательно осматривал плохо освещенную комнату без окон. Стены, выложенные пластинами из чистого золота, под понтолом сверкающая бриллиантовая люстра, а на одной из панелей — висящая огромная доска, привезенная с Джазила и стоящая не менее тынсячи империалов... И само старое хрупкое сущенство, кутающееся в серебряную парчу да клацанющее клювом со сверкающим прекрасным рубинном в виде алого сердечка.

— Да, комнатка у тебя, что надо, — понимающе протянул Роун. — И мне плевать, скрываешься ты от кого или просто погрузился в подполье одиночества. Но мне необходим твой отпнет, — он нетерпеливо вскинул ружье и сделал небрежный жест в сторону проводов. — А то ведь ненароком я могу и насовсем заткнуть твою глотнку. Так будешь ты говорить или нет?

Из горла старика Тарга вырвался визг, подонбный звуку выдвигающегося заржавевшего, шерншавого ящичка.

— Мне надо достать свои записи, — неуверенно проскрипел рхеопс. — Отвернись.

Но Роун и не подумал этого сделать. Он видел, как Тарг проиграл какую-то мелодию пальцами на одной из стенных пластин, и оттуда действительно выскользнул ящичек, а из него со щелчком выпрыгнула карточка. Роун потянулся через плечо старика Тарга и судорожно схватил ее. Он ожидал увидеть на ней имена родителей или нанзвание планеты, но напрасно, этого там и близко не было. "Истинный землянин. Бетта. Экспертная станция Имперского Земного Флота. Альфа Центавра (особый источник)" — вот и все, что значилось на карточке.

— Что такое — Бетта? — спросил Роун у Тарга.

— Бетта — это ты. Альфа — кто-то еще. Есть и Гамма и многие другие.

— Другие чистокровные земляне?..

— Они были нежизнеспособными.

— Это мои братья?

Старик Тарг пожал плечами на свой манер.

— Я никогда не увлекался чужеродной биолонгией.

— А что еще ты знаешь?

— Какая разница, да и зачем тебе все это? Ты есть ты, и, похоже, тебе в жизни повезло. Будешь старым, как я, — узнаешь, что никакие деньги не способны купить и минуту удовольствия от свободы, которую ты имеешь сейчас. — В голосе рхеопса зазвучали тоскливые нотки.

— Тебя не касается, зачем мне все это. Твое дело лишь рассказывать о том, что знаешь.

Дрожа, старый рхеопс вылез из одежд, пошантываясь, прошел к своему стулу, уселся и закурнул сигарету с наркотиком. По тому, как он люнбовно размял ее, можно было догадаться, что не так уж и часто позволяет он себе подобное удовольствие.

— Сколько времени прошло! — пробормотал он, глядя в потолок.

— Ты знал, что меня украли? — спросил Роун.

— Минуточку... — недовольно произнес дядюшка Тарг. Он нажал кнопку, и люк со стуком захлопнулся прямо перед носом тарачившегося сверху племянника.

— Я жду, — напомнил ему Роун.

— Да, — задумчиво произнес старик Тарг. — Как много зачало обычных родов... ты понимаешь...

— А почему я был таким ценным?

— Ценным? Да, насколько я помню, тебя прондали за паршивые две тысячи.

— погоди, но ведь чтобы заполучить меня, кто-то рисковал даже собственной шкурой!

Старик, Тарг пустил дым из боковых отверстий в голове.

— Кто знает, похоже, ты более или менее классический образец человека. Кое-кого, вероятно, еще интересуют такие вещи, — он вздохнул, — мне остается лишь завидовать. Меня всегда интересовали только деньги, а теперь — вот эти одежды.

— Карточка говорит, что моя родина — Альфа Центавра, ты можешь сообщить что-нибудь еще? Тарг покосился на Роуна одним глазом.

— На ящике была надпись, — сказал он. — Адмирал Старбед. И еще слова — "Командное звание". Ума не приложу, чтобы это могло означать.

— Земляне на Альфе?

— Представления не имею, где эта Альфа расположена, — пропищал рхеопс. — Да и знать не хочу. Но ни там, ни в другом месте землян нет. Чистый землянин — это миф. Вот если бы десять или пятнадцать тысяч лет назад, тогда другое дело. Они все держались вместе, повелители Вселенной, принимали меры для сохранения расовой чистоты, правда, выращивали особых рабов-мутантов... А потом судьба отвернулась от землян — они проиграли войну. Теперь некому сдерживать естественный процесс внешних, сторонних воздействий. И с разрушением социального барьера различные искусственные мутации свободно скрестились с чистыми образцами рас. Сегодня счастливчик тот, кто может похвастаться восемьюдесятью процентами чистой крови и сходством с представителями древнего рода.

— А как насчет меня?

— Хм-м-м. Если бы мне пришлось тебя анатомизировать, полагаю, я бы столкнулся с рядом отклонений. Сколько у тебя сердец?

— Не знаю. По-моему, ты говорил, что чужеродная биология — не твоё хобби.

— Невозможно по нескольким показателям, — начал было он, но тут наверху кто-то упал, с потолка посыпалась штукатурка.

Старик Тарг завизжал и метнулся к кнопке люка. Крышка соскользнула в сторону, и что-то просвистело мимо уха Роуна. Проклятья старого рхеопса оборвала пуля. Роун выхватил ружье и прижался к стене, через проем люка он видел, как Аскор колотит племянника Тарга перистой головой о стойку, а острые когти Сидиса крепко держат маленького раба в лохмотьях.

— Хватит, ребята, кончайте, — прикрикнул Роун на пиратов, выбираясь из люка.

Сидис глянул на капитана, и его широкое лицо расплылось в довольной улыбке. Он отпустил раба, который тут же пулей вылетел из лавки. Аскор отшвырнул от себя торговца, как никчемную куклу. Тот быстро отполз в угол, гремя браслетами.

— Пойон видел, что ты входил сюда, и нам показалось, будто кто-то стрелял. Мы вошли, а тебя нет...

— Так вы решили сами немного пострелять? Я же предложил вам пройтись по магазинам.

— Платить за всякую ерунду? Да мы думали, ты шутишь! — выпалил Аскор.

Перед уходом Роун заглянул в проем люка, в личное убежище старика Тарга — древний рхеопс лежал на спине, с открытыми остекленевшими и уже ко всему безразличными глазами.

— Пошли отсюда, — поторопил свою братию Роун.

Базарная площадь вымерла, словно по ней орнда прошла. Роун ощущал на себе косые взгляды, с опаской бросаемые из-за глухих ставень, чуть приподнятых занавесей на узких окнах и сквозь всевозможные щели осевших домов.

— По-моему, они уже знают, что мы в городе, а, как, шеф?

— Заткнись и топай, — бросил раздраженно Роун.

Вот и все, что остается после меня, землянина, подумал он с горечью; страх, ненависть и не более того...

— Не понимаю я, шеф, — ворчал Аскор, сидя рядом с Роуном перед центральным обзорным экраном. — Вот уже полтора года прошло, как мы потеряли "Колдуна", и за все это время ну хоть Ом одно нападение, хоть бы на одну шлюпку! Тик нет же — просто гоняем корабль от одного мира к другому. И всякий раз слышим от тебя — никакой стрельбы, ходите по магазинам, посети-то базарные ряды. Ребятам уже начинают надоедать эти назойливые наставления, словно домохозяйкам.

— Мы дважды останавливались и пополняли запасы, — ответил Роун. — Но, видно, этого слишком мало, чтобы удовлетворить ваши пиратские аппетиты.

— Что? Да какая-то там лавка...

— И несколько убийств мимоходом в придачу, чтобы не потерять сноровку. Хорошо, можешь обнародовать команду — с сегодняшнего дня работенки прибавится.

— Да ну! Вот это здорово, кэп! А что ты задумал? Может, прошвырнемся по паучьему гнезду и превратим в пыль парочку торговых горондов, которые давненько погрязли в спокойствии.

— К черту всю эту скуотищу! Заложим курс на восток Галактики...

Аскор озадаченно поскреб лысый череп.

— Восток? А почему ты хочешь направиться именно туда, шеф? Это же поганое место! Ненскольк паршивых миров, где и грабить-то ненкого.

— Там много миров, и через два года полета мы окажемся в той части Галактики, которую никто не посещал вот уже несколько тысяч лет...

— Пара лет пути от рукава Галактики? Вот те на, кэп! Мы же выйдем за пределы человеческого космоса или сектора Империи. Корабли-призраки...

— Я не верю в эту ерунду, хотя, конечно, мы можем нарваться на ниссийский корабль. Именно там и проходили последние боевые действия...

— Слушай, шеф, — быстро выпалил Аскор, — если хорошенько подумать, какого черта нам пенреться в такую глушь. Ведь есть же целая куча хороших миров прямо в этом секторе. Здесь мы прокормимся без особого труда еще не одну тысячу лет. Я говорю, чего нарваться на неприятности!

— Никак, ты боишься, Аскор? Да ты меня удивляешь.

— Погоди-ка, кэп! Я не говорил, что трусил. Я только... — его голос на мгновение замер. — Я просто хочу понять — какого черта нам там денлать? Зачем покидать богатые миры? Ради дырки от бублика?

— В том районе находится Альфа Центавра, — пояснил Роун.

— Альфа... это там, где когда-то находился Домной Имперский Флот? Ну и ну, кэп, я-то дунмал, мы покончили с этими погонями за миранжами...

Роун поднялся.

— Ты что, вещаешь в дискуссионном клубе? Я отдал приказ, и клянусь девятью преисподними, ты его исполнишь!

Лекор недовольно покосился на него.

— Ты все больше становишься похожим на старого капитана Дреда, — буркнул он. — Я выполню твой приказ, как выполнял и все предыдущие, мне всегда нужен командир с хорошими мозгами. Просто я осмелился подумать, что мы могли бы немного и обсудить наши общие планы...

— Мы достаточно наобсуждались, — оборвал его Роун. — Составь курс так, чтобы высаживаться на каждой второстепенной планете между нанми и Альфой, если уж тебе так

нейметя. Только не забывай, какова конечная цель нашего пути.

Аскор снова заухмылялся.

— Да это же просто здорово, кэп! Ребята только этого и ждут. Вот это путешествие! Настоящее десятилетнее турне по всем новым территориям!

— И не болтай больше о кораблях-призраках и живых ниссийцах.

— Есть, нэп. Несколько хороших целей впереди воодушевят ребят, и они повыкидывают из своих голов глупые страхи перед всякими там привидениями.

Роун еще долго сидел на капитанском мостике, глядя на главный обзорный экран, с его однообразным узором сверкающих звезд.

На следующие десять лет работы хватит, дунмал он, а вот потом... И потом у него будет донстаточно времени разработать план действий, когда силуэт звезды, называемой Альфой Центавра, заполнит собой обзорный экран.

Глава шестнадцатая

Роун блаженствовал в своем любимом глубонком кожаном кресле, находясь в офицерской канюте, отделанной настоящими деревянными панелями. Семь лет назад со своей командой он пенребрался на тяжелый лайнер "Археоптерикс", который с незапамятных времен находился в рензерве Земного Имперского Флота. Шальная ранкета разнесла одно из тайных хранилищ, и пинраты смогли завладеть кораблем.

Сидис устроился напротив капитана, вечная ухмылка беззубого рта стала лишним напоминанием об их схватке с растоумами год назад. Пойон уместился в специальном сиденье, стараясь не задеть обрубок левой ноги, теперь он задумчиво вертел в руке массивный кубок с вином. Аскор откинулся назад, задрав ноги на стол из красного дерева, и с удовольствием запихивал огромные ломти сыра в свою ненасытную пасть.

— Я позвал вас сюда, — сказал Роун, — чтобы сообщить новость, — наше путешествие подходит к концу. История, рассказанная последними пленными, подтверждает мои догадки — звезда впереди это и есть Альфа.

— Немного наших старых парней осталось в живых, а, шеф? — заметил Сидис. — Боло, Честный Макс, Йак — многие погибли.

— А чего ты ожидал? — повернулся к нему Аскор с набитым ртом, он поднял алебастровую чашу и запил сыр вином, при этом сильно рыгнув. — За последние одиннадцать лет мы провенли двадцать один рейд, три раза дрались в глунбоком космосе с умниками из локальных патрунлей...

— Наслаждаться воспоминаниями будешь потом, — оборвал его Роун. — Полагаю, что Земной Имперский Флот может засечь нас в любую минуту. Мне это совсем не нравится, но как можно этого избежать, я не знаю. Если они нас пропустят, мы совершим посадку в четвертом мире солнечной системы. Согласно сведениям, Штаб Земного Имперского Флота расположен во втором.

— Если судить по рассказам, Земной Имперский Флот не слишком-то радушно принимает любопытных чужестранцев, — заметил Аскор. — А что ты хочешь от этих землян, шеф?

— Я сам землянин, — ответил Роун, — и у меня дело к Флоту.

— Свою судьбу надо связывать с происхождением, — проворчал Пойон. — Но, увы, наш капитан не знает своего...

— Вы подождете меня на четвертой Альфе, — продолжил Роун. — Спрячетесь там, и если через десять дней я не вернусь, вы — свободны.

— Эй, погоди, ты имеешь в виду... — ухмылка Сидиса исчезла, и шрамы на щеке разгладились.

Он перевел недоуменный взгляд с Роуна на Аскора, а потом на Пойона. — Ты что же, хочешь, чтобы мы тебя отпустили одного? А что будет с остальными...

— Не пропадете, — коротко сказал Роун. — Можете отправиться обратно, через весь

Восточный рукав, и палить по каждой цели, которая привлечет вас. Я вам уже мешать не буду.

— Ах, вот даже как! Тринадцать лет вместе, и потом вжик! — Сидис полоснул ребром ладони по горлу.

— Я вас с собой не звал, — накалялся Роун. — Хочешь, я напомним день нашей с тобой встречи? Ты вышибал мозги исканам и отлично справлялся со своей работой.

— Тащиться обратно через всю Галактику? — усмешка Сидиса превратилась в гримасу. — Провались оно все в девятую преисподнюю! Я отправлюсь с тобой, кэп!

— Я иду один, — настаивал Роун.

— Тогда лучше пристрели меня, кэп, — резко бросил Сидис.

— Это можно, — кивнул Роун.

— И меня тоже, — присоединился Аскор.

— И меня заодно, — вставил Пойон. — Я либо пойду с кэпом, либо умру.

Роун медленно обвел всех троих взглядом, затем поднял стакан, отхлебнул из него и поставил на стол.

— С чего это вдруг? Вы нее боитесь призраков мертвых земель. Никто не ответил.

— Вы, гуки, меня удивляете, — заметил Роун. — Ну ладно, идем вчетвером, но больше никого.

Ухмылка Сидиса снова заиграла на физиономии. Аскор довольно хрюкнул и оттяпал очередной кусок сыра. Пойон кивнул.

— Вот и отлично, — сказал он, — нас четверо, и больше никого.

— Слушай, Гангл, — спросил Роун, — ты как, сможешь вести "Археоптерикс"?

— Да, шеф, — кривоzubая ухмылка Гангла пенрекосила широкое лицо. — Думаю, да. Ты же мне показывал, как вводить данные.

— Полагаю, теперь капитаном станешь ты. Какой курс выберешь?

— Не обижайся, шеф, но я бы рванул прямиком назад из этого сектора. Мы с ребятами там, в Лито, слышали байки о Земном Имперском Флоте, и будто на многие парсеки вокруг нет ни одной цивилизации. Только мертвые миры, как эта Четвертая Альфа, даже без атмосферы.

— А какие координаты ближайшего заселенного мира?

Гангл ухмыльнулся еще шире, хлопнул по карте Восточного рукава Галактики на навигационном экране и отметил курс до Лито.

— Отлично, — сказал Роун. — Остаешься полноправным капитаном до моего возвращения.

— Что?

— Я беру Пойона, Аскора и Сидиса с собой на Альфу.

Гангл изумленно разинул рот. Роун снял с сенбля драгоценный медальон, который носил на груди со времен Альдо Церис, и кинул его новоиспеченному капитану. Тот поймал медальон, повесил его на Шею, горделиво расправив плечи, усмешка сменилась суровым взглядом, полным достоинства.

— Теперь свистать всех наверх, — сказал ему Роун.

— Соратники, — объявил он, когда вся команда собралась. — Я хочу ненадолго вас покинуть. — Он поднял руку, пытаясь остановить пробежавший шепоток. — Капитаном назначен Гангл, он и будет производить дележ добычи в мое отсутствие. Каждый, у кого возникнет мысль занять его место, пусть прежде хорошо подумает, потому что отныне Гангл носит магический земной медальон. До тех пор, пока он с ним, никто не смеет посягнуть на его жизнь.

Люди покосились на Гангла и покорно склонили головы. Никто не рискнул выразить недовольство.

— Эта вещица в самом деле магическая? — поинтересовался Сидис, когда разведывательная шлюпка направилась к яркой звезде Альфа Центавра. Вот уже четыре дня, как они покинули "Археоптерикс", взявший курс на Лито.

— Она дает человеку магическую силу, — ответил Пойон. — И теперь Гангл — человек и командир. Его магия притягивает к себе сердца окружающих. Но и держит их в строгости. Я это чувствую.

— Да, но я совсем не то имел в виду... — начал было Сидис.

— Смотрите! — Роун указал на передний обзорный экран.

— Корабль, — подтвердил Аскор. — Мощная штуковина...

— Они нас уже засекли, — отметил Сидис. — Надо же, кто-то еще бодрствует в этих краях.

— Если они пойдут на сближение, ложимся на встречный курс, — распорядился Роун. — Данвайте первыми подойдем к ним.

— А что, если первой двинется эта бандура? — поинтересовался Сидис.

— Этого нам не хватало! — проворчал Аскор.

Роун включил мультиволновый приемник, он зашелестел всплывающими звуками со звезд и с далекой планеты. Затем в шипящее многоголосье эфира вклинился гул мощного энергоносителя.

— Разведывательная лодка, находится в дрейфе, пытается нас опознать, — пролаял мужской гонгос на общеземном языке.

— Мы — оставшиеся в живых с корабля "Археоптерикс", — передал Роун. — Держим курс на Альфу. Кто вы?

— Говорит Земной Имперский Флот. Вы находитесь на территории Флота. Приготовьтесь к принятию на борт группы патруля, и никаких трюков, иначе будете уничтожены.

— Рады встрече с вами, — ответил Роун. — Гонтовим для вас кофе.

Ответа не последовало. Четыре пирата с напряжением наблюдали за земным кораблем, изображение которого быстро росло на их маленьком обзорном экране.

— Э, капитан, — разочарованно заметил Пойон, — опять Земной Флот. Ты же искал дом, а дома нет.

— Твой индикатор чувств работает с опережением, — заметил Роун. — И вообще, нашему рандушию явно чего-то не достает.

— Что до меня, то я чувствую себя, словно муха, которую вот-вот прихлопнут, — проворчал Сидис. — Почему ты никогда не читаешь мои эмоции, Пойон?

— Какие там, к черту, у тебя эмоции! — выпалил Аскор. — А вот нам следовало бы взять с собой "Трикси", такая пушечка смогла бы управиться с этой земной лоханью.

Корабль Имперского Флота приблизился, высадил маленькую разведывательную шлюпку минлях в пятидесяти, а сам остался на рейде, поблескивая металлическим корпусом. Тяжелый удар потряс палубу, когда посредством магнитных захватов шлюпка причалила.

— Открывайте! — Резко командовал голос по коммуникатору.

Роун кивнул Аскору. Тот нажал кнопку, и четыре пары глаз стали наблюдать, как открывается шлюзовый люк. Горячий, плотный воздух атомного корабля со свистом ворвался в лодку, принес с собой запах пищи, табака и человеческих тел.

Аскор недовольно фыркнул:

— Земляне! Ну и запахок!

Ботинки заклацали по металлической палубе. Высокий худой мужчина в распахнутом флотском мундире нырнул через люк. Его морщинистое скуластое лицо поблескивало каплями пота, а взгляд бледных глаз беспокойно обегал помещение. Двумя руками сжимая ружье, он уставился на массивные фигуры гуков, потом перевел глаза на Роуна.

— Кто ты? — спросил он, обращаясь только к землянину.

— Роун Корней, капитан "Археоптерикса".

— А кто эти красотки? — он кивнул в сторону гуков, даже не взглянув на них.

— Моя команда. Мы вместе выбрались...

— Ты пойдешь на борт, — сказал мужчина Роуну, подкрепляя свои слова движением

ружья. — Остальные останутся здесь.

С секунду Роун колебался. Пойон, уловив его состояние, незаметно кивнул Аскору. Затем Роун подчеркнуто послушно шагнул к люку; проходя мимо землянина, он резко обернулся и легким ударом выбил ружье из его рук. Аскор мгновенно его подхватил и прицелился в патрульного.

— Я предпочитаю везде быть только с командой, — спокойно пояснил Роун.

— Мужчина с открытым от изумления ртом прижался к переборке.

— Да ты безумец, — наконец проговорил он. — Я же представитель Флота. Один звук...

— ...и я размажу твои кишки по потолку, — закончил за него Аскор, кровожадно ухмыляясь. — Ну как, кэп, обеспечим ему?

— Ну, я не знаю, — деланно равнодушно протянул Роун, наслаждаясь ручейком пота, сбеганущим по шее мужчины. — Может, он все-таки станет немного поприветливей да несговорчивей и предложит кров на корабле нам всем. Ну, что скажешь, землянин?

И Роун горько усмехнулся — он впервые назвал землянином другого человека, а прозвучало это как ругательство.

Аскор кивнул, затем одним движением пальцев сломал спусковой крючок на ружье патрульного.

— Ему обязательно надо держать нас под прицелом своего пугача, поможем ему в этом, — насмешливо произнес Аскор и швырнул безобидное оружие его прежнему владельцу. — Не бойся, — успокоил он, — мы никому не скажем, что оно не стреляет.

Проходя по корабельному шлюзу, Роун чувствовал, как патрульный едва не наступает ему на пятки.

— Напрасно нервничаешь, — бросил он ему через плечо. — Просто расскажешь правду своим приятелям, вот и все.

Низкого роста и плотного телосложения мужчина с высоким бледным лбом ждал их в поменщении корабля. На его плече поблескивал потускневший серебристый погон Земного Имперского Флота. Коротышку подстраховывали окружавшие его четыре вооруженных землянина. Он подслеповато прищурился, покосившись на Роуна и его спутников.

— Почему ты не вышвырнул их за борт, Драко?

Тот нервно прокашлялся.

— Это попавшие в беду космические люди, капитан Халрайт.

Командир нахмурился, пристально глядя на Роуна.

— Не все здесь люди. Похоже, вот один этот...

— Да, сэр, — торопливо поддакнул Драко. — Он землянин, но вряд ли догадывается об этом. Потому-то я и доставил его вам.

Халрайт презрительно фыркнул, но, к явному облегчению Драко, на остальных даже не обратил внимания.

— Ты хоть немного говоришь на общеземном? — спросил командир.

— Да, я узнал твой голос.

— Тогда почему не ответил сразу?

— Я ответил.

— Хм, проклятый приемник, опять барахлит. Драко, посмотри его.

Тот подался назад, все еще держа в поле зрения Аскора, Сидиса и Пойона.

— Слушай, парень, тебе известно, что ты земного происхождения? — спросил Халрайт у Роуна. — И наверное, все это сильно тебя удивляет, — он жестом указал на помещение.

— Я раньше уже видел корабли, — спокойно возразил Роун.

— Да ты, я вижу, болтливый! Не удивлюсь, если окажешься шпионом из Секторного Штаба. Тебя послал Блан?

— Нет.

— Впрочем, если ты даже и шпион, то вряд ли в этом признаешься. И какова же твоя

ленгенда? Что ты собираешься делать на территории Земного Имперского Флота?

— Мой корабль "Археоптерикс" взорвался в паре парсеков отсюда. По пути на Лито у нас произошла небольшая стычка с пиратами, и на Йанге, думаю, они нам ее припомнили. Нам четверым удалось спастись в шлюпке. Я боялся, что нам придется дрейфовать вечно.

— Бросили команду с кораблем на произвол судьбы, лишь бы спасти собственные шкуры? — губы Халрайта презрительно скривились. — Ладно, я дам тебе койку, можешь приступать к своим обязанностям — драить палубы. Когда-нибудь, вероятно, ты до чего-нибудь и дослужишься. А может, и нет. Позаботься о нем, Драко, — капитан бросил мимолетный взгляд на Аскора, Сидиса и Пойона. — И отправь животных обратно на шлюпку.

— Погодите минуточку, — вставил Роун. — Это мои люди, они голодны, хотят пить. К тому же я не собираюсь драить палубы, я — капитан.

— Запомни, теперь ты — самый последний уборщик во всем Земном Имперском Флоте, щеннок! — процедил Халрайт. — А что касается твоих так называемых людей, то им самим придется поискать себе пропитание в космосе. Верни их на шлюпку, Драко, вышвырни отсюда.

Тот только нервно дернул головой.

— Но, командир, они же попали в беду...

— Это еще что за сантименты! Что тут пронисходит, в конце концов, заговор решил устроить? Да я...

Четверо военных, обеспечивающих безопасность Халрайта, сомкнули ряды, один вытащил ружье из кобуры.

— Брось ружье, Драко, — сказал он. Драко подчинился, капля пота висела на кончике его носа.

— Послушай, командир, — произнес он хрипко. — Они заставили меня...

Пока внимание присутствующих было сконцентрировано на Драко, Роун, шагнув вперед, нанес профессиональный удар по горлу человека о ружье. Со скоростью вылетевшей из бутылки пробки метнулся Аскор вперед, схватил двух землян своими огромными ручищами и, прибегнув к любимому приему, столкнул их головами. Сидис без труда расправился с четвертым, уже поднимавшим ружье. Гун с такой силой приложил человека, что тот с воплем отлетел к стене, врезался в переборку и, все еще крича, сполз на пол.

— Эй, смотри-ка, — бросил Сидис, вскидывая ружье поверженного, — а его палец до сих пор на спусковом крючке! — Гук отшвырнул оторванный палец и подкинул ружье. — Что мы сделаем с этими мокрицами, шеф?

— Запихнем их в корабельный лазарет. Капитан Халрайт, пройдемте с нами, небольшая приятная беседа нам не помешает, как думаете? Мы отправимся на капитанский мостик и там посидим в уединении и комфорте.

Аскор собрал ружья, отдал Роуну лучшее, остальные вручил Пойону и Сидису.

Маленькие глазки Халрайта заматались от страха.

— Что, — начал он, — что вы...

— А теперь будьте умницей, командир, — сладко пропел Роун, — если не наделаете глупостей, то, может, даже останетесь в живых.

Роун сидел в мягком капитанском кресле, обгрызая жареную ножку цыпленка, и изучал карты космического движения по контрольной территории, окружающей Найарс, вторую планету Альфы, и общую карту всего огромного штабного комплекса.

— Знаешь, командир, — заметил Роун, — надо признать, что Земной Имперский Флот все-таки произвел на меня впечатление. Какая-нибудь паночка деталей, и это впечатление станет полным представлением глобальной картины. Хочешь кусочек курицы, командир?

Халрайт что-то невнятно промямлил. Сидис с размаху хлопнул его ружьем по голени.

— Отвечай хорошенько, когда у тебя спрашивают кэп, — наставительно произнес он.

— Нет, я не хочу есть, ты, пират! — прорычал тот.

— Ну, тогда Расскажи-ка мне о системе обонроны, командир, — предложил Роун.

— Я ничего тебе не скажу, ты, бандит, отродье джикское!

— Наш капитан не одобряет подобных прилангательных и определений, — мягко произнес Пойон, довольно чувствительно крутанув при этом Халрайта за ухо. — И я нахожу ваше эмоциональное излучение одновременно примитивным и неприятным. Отвечайте капитану правильно и лаконично.

— Я скорее проглочу свой язык! Роун отложил в сторону цыплячью ножку и принялся чистить банан.

— М-м-м... теперь об этих картах. Сколько действует огневых точек и каких? — он сунул карту под нос Халрайту.

Тот молчал. Сидис ткнул его ребра прикладом.

— Думаешь, я предам свои погоны, ты, мерианец? — взорвался Халрайт.

— Это правильно, — согласился Роун. — Тогда ты предашь свою жизнь, выбирая медленную смерть.

— Ты не посмеешь ко мне притронуться, ненгодяй! Я — офицер Земного Имперского Флота!

— Однажды я уже пристрелил одного капитанна, — безразлично заметил Роун. — Поверьте, это так же легко, как убить гука.

Халрайт пытался держаться мужественно, но силы духа покинули его.

— Будь ты проклят, — выдохнул он, — я и сам вижу, что ты умеешь своего добиваться. Ладно, развяжите мне правую руку, я все покажу.

Закрыв глаза и потирая редкие брови, Халрайт устало вытянулся в кресле. Рядом с картами на столе были разбросаны пустые стаканы и танрелки с остатками еды, которую доставили с камнбуза через сервисный люк по вынужденной просьбе командира.

— Я рассказал тебе все, что знаю сам, — хрипнуло произнес Халрайт. — Ты высосал мои мозги досуха.

— Вот и отлично, — откликнулся Роун. — Аскор, каково расстояние до третьей планеты?

— Двадцать семь миллионов миль, кэп.

— Прекрасно. А теперь, командир, не могли бы вы оказать нам еще одну любезность. Принкажите второму офицеру собрать команду на шлюпочной палубе для гимнастики, ровно через десять минут.

— Что? Зачем?

Аскор пихнул его ружьем.

— Давай, землянин, шевелись!

После двух следующих более сильных тычков Халрайт все-таки подчинился. Холодное дуло ружья Аскора уперлось ему в висок, и по кораблю пронесся его дрожащий голос.

— А теперь прощай, командир, — сказал Роун, когда были отданы последние распоряжения того, — Аскор и ты, Сидис, доставьте командира к его экипажу. Они там в нижнем белье и ранзоружены, так что перестрелки не предвидится. Вышвырните все, кроме двух килотонн радиоактивного вещества, с нашей спасательной шлюпки, и погрузите на нее командира с его людьми, а потом отправьте их отсюда.

— Это же хладнокровное убийство, ты, свинья... — Хлесткий удар по окровавленным гонлениям заставил Халрайта прикусить язык.

— У вас достаточно горячего на борту, чтобы добраться до Альфы-три. Согласно твоим картам, там есть пригодная для дыхания атмосфера. Вас всего сорок три человека, запасов и воды хватит на пару месяцев, если будете пользоваться эконномно. Ну, а если информация, которую вы данли, правдива, считайте, что вам повезло.

— Подождите минуточку, — испуганно выпанлил Халрайт. — Я как раз вспомнил. Насчет стонрожевой линии, внешняя... — И он, заикаясь, сделал необходимые уточнения. Затем Аскор и вечно ухмыляющийся Сидис с наслаждением увенли его.

Оставшись один, Роун сидел на капитанском мостике, размышляя над тем, какой он, в

сущности, дурак. Они могли бы пройтись с ружьишкой по всей Вселенной или поселиться на какой-нибудь приятной планетке, не зная ни забот, ни хлопот. А вместо этого он здесь, с тремя гуками, и устремляется прямо в пасть Земного Имперского Флота. И зачем?

Я все еще ищу Землю, подумал Роун. Пойон говорит, что нечего искать дом, которого не существует. У человека не может быть родины. Нет Иомли. Но кое-что Пойону все-таки неизвестно. А вот во Флоте должны знать об истории древней Блокады Земли. Роун неожиданно вспомнил о мертвом ниссийском корабле, пальнувшем по ним своим последним залпом, а потом и о Генри Дреде. Даже сейчас одна только мысль о старом капитане вызывала в нем физическую боль. Роуну и до этого случалось проливать кровь, но именно кровь Генри Дреда навсегда запятнала его в его собственных ощущениях и его памяти. В рубку неслышно вошел Пойон.

— Пусть это воспоминание умрет, капитан, — сказал он внушительно, — думай о будущем...

Роун почувствовал, как корабль слегка накренился. Это значило, что шлюпка отошла. Аскор и Сидис вернулись на контрольную палубу в принподнятом настроении, их хохот, словно пушечное ядро, прокатывался по металлическим коридорам.

— Здорово придумано, шеф! — восхищенно выпалил Сидис. — Калоша наша. Что теперь сонбираешься делать?

— Во-первых, мы ее продырявим, — заявил Роун, наслаждаясь буквально шоковой реакцией своих подчиненных. — А потом на ее останках мы отправимся в Штаб Земного Имперского Флонта, на Найарсе...

— А потом?

— А потом — будет видно.

Глава семнадцатая

Потребовалось девять часов, чтобы тщательно выжечь целый ряд дыр в переборке корабля и устроить необходимый беспорядок — прежде всего ликвидировать запасы пищи, воды и расколонтить вдребезги второстепенные части контрольной системы, сохранив при этом неприкосновенный запас горючего и минимум приборов.

Последние пробоины во внешнем корпусе проделал Сидис, втиснутый в крошечные габариты земного скафандра. Он дырявил переборку по точкам, заранее отмеченным изнутри. Когда же на конец работа была завершена и на корабле стал царствовать художественный беспорядок, и четверка собралась в заблокированной рубке.

— Теперь отработаем легенду, — сосредоточенно произнес Роун. — Итак, мы — из отделения Намного Имперского Флота, с Каролиса. Это донвольно далеко, навряд ли кто точно знает, что там происходит. Мы натолкнулись на эту лохань Индом с Альфой-четыре, она была брошена и на небольшой скорости уходила за пределы системы.

Мы взошли на борт, заделали течи, восстановили атмосферу в командной рубке и теперь направляемся к родному порту, в надежде спастись.

— А что мы делаем в этом секторе? — спросил Аскор, отдирая крышку с банки спрессованных яиц.

— Заблудились, — предположил Роун. — В слендующий раз, когда вам захочется полакомиться этими паршивыми яйцами, убирайтесь куда-нибудь подальше, от них воняет, как от истлевшего трупа, — Роун не переносил этот продукт. — Мы оставили наш разведывательный корабль на орбите вокруг Четвертой Альфы. Запасы и горючее почти на исходе. Впервые увидев ниссийский конрабль, мы решили, что спасены, но выяснилось, что это всего лишь призрак. Мы — потерпевшие аварию космонавты, и больше ничего.

— Да, не сладко нам придется в лапах Имперского Флота, — Аскор произнес вслух то, что, возможно, думали и остальные.

— А тебе бы лучше заткнуться и дать капинтану договорить, — огрызнулся Сидис. — А то как только ты разеваешь свою уродливую пасть, меня начинает тошнить.

— Полет в пределы контрольной планетарной зоны займет сорок часов, — продолжал Роун, — придется следить за приборами подряд не менее двух часов, потом четыре, отдыхать. Через каждые полчаса передаем сигналы бедствия. Приемники держать включенными. Сомневаюсь, что удастся поймать какой-нибудь сигнал, но если это произойдет, не отвечать.

— А если мы получим приказ ложиться в дрейф?

— Мы продолжаем идти по курсу, приемники не работают.

Роун перевел передатчик на аварийный канал Немного Имперского Флота.

— Корабль ЗИФ "Гнев Небес" со спасшейся командой вызывает штаб ЗИФ на Найарсе, — передал он. — Мы направляемся к Найарсу, наши координаты...

Разбитый и продырявленный "Гнев Небес" оставил позади маленькую внешнюю луну Найарса, пересек орбиту массивной внутренней луны и теперь снижался, тормозя в верхних турбулентных слоях атмосферы. Эскорт сторожевых кораблей Флота находился сначала в пятидесяти милях от них, теперь же приблизился миль на десять. На экранах мигали сигнальные приборы, обозначая пульсацию дальневолновых опознавательных сенсоров, направленных с планетарной поверхности в глубь космоса на девять тысяч миль.

— Они идут за нами, словно мы — ракетная батарея с вражеского суперкрейсера, — проворчал Сидис сквозь зубы. Он затачивал новую зубочинстку стальной пилкой, и его низкий лоб был покрыт испариной.

Они подошли слишком близко и вряд ли решится в нас пальнуть, — заметил Аскор. — Именно это они и имели в виду, когда в последний раз предупреждали нас весьма недвусмысленно.

Могу представить себе их эмоции, когда мы выберемся из корабля, — заметил Пойон, острое лезвие затачивая и без того острое лезвие кинжала.

Сидис внимательно осматривал рабочую часть своего ружья, сдувая с нее каждую пылинку. Затем он вытащил ниссийский нож с двойным лезвием и тоже принялся его затачивать.

— Знаешь, кэп, — сказал Аскор, — по-моему, это не слишком удачная идея — нарядить нас в земные костюмы. Гук — не землянин, даже если он тебе и очень нравится.

— Ты — почетный землянин, — бросил Роун. — А теперь заткнись и топай за мной.

"Гнев Небес" неуклюже приземлился на самый край огромного портового комплекса. Роун наблюдал на экранах, как два корабля, эскортировавшие их, приземлились рядом — бортовые орудия расчехлены, энергетические прожекторы нацелены на их корабль. Остальные зависли приблизительно в миле над поверхностью планеты.

— Они, должно быть, думают, что мы вооружены, — саркастически заметил Аскор. Все трое взглянули на Роуна.

— И мы пойдем туда — вот так?

— А ты знаешь способ лучше? — Роун денловито поправил стойку воротничка на своей земной форме и укрепил поясное оружие на пряжке ремня.

— Никакого оружия в руках, — внушительно предупредил он. — Не можем же мы противостоять всему Земному Флоту. С этого момента единственное, что у вас есть, — мои мозги. Так что пасти не разевать.

— Отлично, — отозвался Аскор, демонстративно разглядывая солнечное небо. — Хороший денек, словно хлебнули из чертова рога.

— Я начинаю ощущать их эмоции, — дал икать Пойон. — Не агрессивность, а смесь любонпытства, возбуждения и сдержанной жестокости. Что-то тут затевается, капитан, будь с ними оснорожен.

Роун прошел вниз по сходням, щурясь от яркого света и приносясь к чужеродным запахам и свежего воздуха. Официальный караул выстроился на поле в шеренгу, чтобы его привет-с снова. Наплечные знаки отличия на форме ЭЭИФ поблескивали от света солнечных лучей, а металлические пояса ярко сверкали. Шагав во главе своей неповоротливой команды, Роун резко бросил через плечо:

— Если хоть один из вас опозорит меня, в момент кишки выпущу.

Шеренга землян застыла в ожидании, и Роун восхищался их точным построением, их дисциплинированностью и терпением. В какое-то мгновение он даже захотел оказаться среди них — человек в шеренге людей, а не земной урод в окружении вампиров-гуков, однако тут же возненавидел себя за эту минутную слабость. Подойдя ближе к караулу, он вдруг заметил, что и пни не одного роста, как казалось сначала, пронсто выстроены с учетом роста каждого. Он вглядывался в чуждые ему лица, в разного цвета глаза, и необычный колер кожи запястий, видневшихся из-под пяти— или шестипалых перчаток. Заметил Роун и прорези в башмаках, высвобождавшие широкие, перепончатые ступни; уродливые тела, которые не могла скрыть горделивая униформа...

Пройдя двадцать футов, он дал команду остановиться. Кто-то сзади нечаянно налетел на него.

Обернувшись, он увидел растянувшуюся троицу, глазеющую на чужаков.

— А ну, в шеренгу, — заорал что было мочи Роун. — Вы, тупоголовые отродья одноногих шлюх!

Он повернулся к ним спиной и резко отсалютовал коротенькому розовощекому землянину, который небрежно ответил на приветствие Роуна взмахом вялой руки; на его плечах поблескивали знаки отличия младшего командира, а в руках раскачивалась щегольская трость.

Оглядывая живописную команду Роуна, он преспокойно поковырял в носу.

— Командир Квекс будет рад приветствовать вас с экипажем и просит сказать честь Штабу Земного Флота своим присутствием. Если можно, ответить необходимо немедленно, — произнес он высоким, мелодичным голосом, совершенно нетипичным для командира.

Роун кивнул, изучая лицо землянина. Пара бледно-голубых глаз с тяжелыми веками, нос пунговкой, морщинистый рот, жирные складки под маленьким подбородком. Внешность землянина не соответствовала тому образу, который Роун создал в своем воображении, мечтая о покорении Галактики. Однако он сумел скрыть свое разочарование и, двинувшись за землянином, жестом пригласил команду следовать за ним.

— Что ты воспринимаешь от них вблизи, Пойон? — тихо поинтересовался Роун, когда они шагали за землянином-офицером, окруженным отделением своих людей.

— Что-то вроде страха, только очень странного, — ответил Пойон.

— Страх? Перед четырьмя оборванцами из космоса?

— Да нет, не только перед нами. Но это именно то, что я чувствую.

Штаб располагался в замке с уймой башен, построенном много веков назад одним из принцев уже исчезнувшей ныне династии. Замок вырисовывался как колосс над полуразрушенными грязными деревенскими хибарами. Его огромное зеленоватое окно светилось словно глаз циклопа. Пойдя в замок, Роун и его команда двинулись по широкому мраморному проходу, поднялись по пологим ступенькам лестницы и попали в сад. Безупречные в своей каноничности темно-зеленные деревья перемежались лужайками и клумбамми всегда радующих глаз цветов. Но это было только жалкое подобие прекрасного сада на Альдо Церис.

На полу большого, сильно резонирующего холмом пылал длинный солнечный прямоугольник. Затянутые в голубые флотские мундиры земляне стояли по обе стороны входа. Сводчатый потолок над головой горбился в глубокой тени. И лишь золото да голубая мозаика, украшавшие его, весело посверкивали при своем соприкосновении с солнечными лучами, явно соперничая с блистающий медной резьбой.

Модные плиты пола громким эхом разносили внуки от их шагов. Появление команды Роуна привело в настоящее смятение джиков, которые находились здесь в качестве рабов. Тощие существа в набедренных повязках, с торчащими ребрами и впалыми глазами, с остатками чешуек на плечах и длинными пальцами на ногах, с грязной гривой прямых волос вдоль позвоночника, — они начинали буквально трястись при взгляде на них Роуна. То ли от

страха, а может быть — от холода.

Маленький земной офицер рысью пустился вперед и исчез за высокими дверьми, дав знак Роуну подождать. Команда Роуна внутренне напряглась, но внешне держалась спокойно.

— Вот сейчас мы могли бы от них удрать, — безапелляционно констатировал Аскор, молниеносно ориентирующийся в любой обстановке. — Я предпочитаю смыться, а не ждать развития событий, — завершил он свой не очень веселый паснаж.

— Но есть нечто захватывающее в смертельной опасности, — не отказал себе в удовольствии и сейчас пофилософствовать Пойон. — В такие минуты иначе осмысливаешь течение жизни.

— Глядишь, ты и впрямь обрадуешься смерти, доморощенный философ, — взорвался Аскор.

Роун шикнул и их утихомирил. Ожидание угнетало всех, но беспокойства никто не испытывал — опасность они чувствовали на расстоянии, и запах ее обожали...

Сопровождающий их офицер снова появился на пороге и поманил к себе Роуна.

— Подождите здесь, — приказал Роун своим парням, — и не вздумайте делать глупостей!

Через инкрустированную, украшенную агатом дверь он прошел в затененную, с высоким сводом, комнату, которая органично сочетала в себе и древнее величие и современный антураж в виде изрядно обшарпанных вельветовых дранпировок.

Похожий на паука седовласый человек в хонрошо смотрящейся униформе поднялся из-за стонни и протянул Роуну руку. Роун пожал ее и тотчас почувствовал, как энергетический заряд пробежал по пальцам, прикоснувшимся к оголенной коже протянутой руки. У привставшего человека Пыл довольно большой рот и маленький подбородок, а приглядевшись, Роун заметил, что на ушах кожа розовая и в рубцах.

— Я — командир Квекс, — произнес мужчина мягким, почти женским голосом.

Он был хорошо сложен, строен, но жестокость, читавшаяся во взгляде широко посаженных глаз, уподобляла его хищнику.

Землянин за спиной Роуна отсалютовал и вынул, двери за ним закрылись.

Я — Роун Корней, — представился Роун. — Лейтенант Корней, — поспешно добавил он.

Да, да, с Каролиса. Рад вас приветствовать, лейтенант.

Грубый палец, точно обернутый в толстый пергамент, потер красное, припухшее веко. Теперь, подойдя ближе, Роун разглядел белесые корочки в углах морщинистого рта и почувствовал витающий над человеком неприятный запах. Квекс откинулся на стуле, сцепив пальцы. И только сейчас Роун заметил раба, распростертого на полу, лицом вниз — тот вскочил, чтобы пододвинуть ему стул.

Командир взглянул на бумаги перед ним, затем на Роуна; рука его так и висела на уровне

У вас ведь военный корабль 39643-С4. Наши записи...

— Я захватил его, когда потерял "Колдуна".

— Да, да, вы так и говорили. Хм. "Колдун" был ценным кораблем. Не думаю, что ваш ранпорт объяснил до конца все обстоятельства катанстрофы...

— Во время операции, — начал было Роун, но замолчал, размышляя, что же ему сказать по поводу ниссийского корабля. Но решив, в конце концов, даже не упоминать о нем, так и оборвал начатую фразу.

Квекс некоторое время выжидающе смотрел на него.

— Удивительно... и просто превосходно, что вам удалось получить подкрепление. Так вы гонворите, капитан Дред погиб? — промурлыкал старческий голос.

У Роуна мурашки пробежали по спине. Он понвернулся на стуле так, чтобы держать в поле зрения дверь.

— Да, погиб, — наконец ответил он.

— И перед смертью... э-э-э... он утвердил ваше назначение? — глаз из-под натертого века принстально уставился на Роуна.

— Да, именно так.

— Хм. А как вы попали к капитану Дреду?

— Он подобрал меня на захваченном им конрабле.

Квекс поджал сухие губы.

— Военный союз? — резко спросил он.

— Нет, это был путешествующий цирк. Я там выступал...

— Ты был пленником негуманоидов? — Квекс раздраженно поковырялся в ухе.

— Не совсем. Сначала да, но потом... Квекс подался вперед.

— Ты жил среди них добровольно? — голос неножиданно стал резко пронзительным.

— Они относились ко мне довольно хорошо. У меня было сносное жилье и достаточно пинчи...

— Опасайся джинов, приносящих дары, — уже равнодушно бросил Квекс, — откинувшись назад и положив пальцы на край стола. — И каково твое происхождение, Корней? Если ты, конечно, не против ответить на мой вопрос, — добавил он таким тоном, что и дураку было ясно — ему плевать, против Роун или нет.

Роун открыл было рот, чтобы рассказать о своем чистом земном происхождении, но вместо этого, неожиданно для самого себя, вдруг сказал:

— Не уверен, но, по-моему, я был адаптирован. Во всяком случае, мои приемные родители как-то говорили мне об этом.

— М-м-м. Конечно, — автоматически пробормотал Квекс, сдвинув бумаги на столе.

— Мне бы хотелось поскорее вернуться в космос, — начал наступление Роун. — К кому мне обратиться насчет нового корабля и снабжения?

— Снабжения? Зачем?

— Как — зачем? Меня ждет новое назначение, а значит, и новое задание.

— А, да, конечно, — Квекс состроил фальшинвую гримасу, его пальцы снова принялись тереть глаз. — Но эти детали мы можем обсудить и позже. Сегодня вечером я устраиваю обед в вашу честь. Вам надо подготовиться. Снова попробуете настоящую земную пищу, не так ли?

— Я смотрю, большая часть Флота выполняет работу в космосе? — поинтересовался Роун.

— А почему вы об этом спрашиваете? — и Квекс настороженно, из-под руки, глянул на Роуна.

— Я видел только шесть кораблей в порту, и, как мне показалось, некоторые из них наполовину разобраны. Велики ли силы, которыми командует Альфа?

Квекс взял было бумагу со стола, но уронил ее.

— Ну, большие силы, Корней. Достаточно большие. Вполне...

— У вас есть другие базы в этом мире?

— Ну... да, конечно, лейтенант. А вы что, реншили, — и он махнул рукой в сторону занавешенных окон, — будто эти несколько корыт — весь наш Флот? — он скривил сухие губы в подобие улыбки, от которой по всему лицу разбенжались уродливые морщинки. — Очень забавно. Очень. Но... — он поднялся. — Я предлагаю отложить все эти вопросы до тех пор, пока мы не отпразднуем ваше счастливое возвращение...

Роун тоже встал.

— Конечно, сэр. Но мне бы хотелось спросить, когда планируется контрнаступление? Я хочу знать, как мне программировать полет...

— Контрнаступление? — Квекс буквально задохнулся.

— Мощная силовая атака против ниссийцев. Сколько их там? Где они разместили свой штаб? Что...

Командир поднял трясущиеся руки.

— Корней, требуется ли напоминать, что все это чрезвычайно засекречено? — он

метнул взгляд на ближайшего раба, припавшего к полу.

— О-о, — Роун тоже посмотрел на раба. — Я не подумал...

Квекс обошел стол.

— Да, у нас нет проблем с нашими рабами. Они знают свое место, не так ли, старик? — Он с силой пнул раба по ребрам. Тот застонал и покорно взглянул на хозяина, пытаясь изобразить на лице улыбку, затем снова уставился в пол. — Жаль, но теперь придется от него избанвиться. Он служил мне двадцать лет и хорошо вымуштрован. Ну да ладно. — Квекс взял Роуна под локоть и проводил к двери. — До вечера.

— А как насчет моей команды?

— Вашей команды? Конечно же, берите их с собой. Хорошая идея. Сколько их, вы говорите?

— Всего нас четверо, — сказал Роун.

— До восхода второй луны, Корней. Не опаздывайте.

— Мы придем, — заверил Роун.

Широкие ухмылки расплылись по физиономиям пиратов, когда Роун наконец присоединился к ним.

— Рады тебя видеть, босс, — приветствовал Аскор. — Мы уже собирались идти за тобой.

— Расслабьтесь, я в полном здравии и дело проверну, — бросил Роун.

Невысокий, элегантный землянин изящной походкой направился к Роуну, на ходу стряхивая пепел с курительной палочки. Охранник-офицер насторожился.

— Все, хватит, Патертек, — мягко произнес подошедший.

С полуулыбкой на лице он оглядел сначала Роуна, потом остальных.

— Но, сэр, — запротестовал охранник.

— Твои сторожевые псы тоже свободны, — пояснил ему щеголь.

Голубой мундир с капитанскими погонами бензупречно обтягивал его фигуру. Светлые, круто завитые волосы блестели, и землянин то и дело прикасался к ним кончиками пальцев. Его тонкие руки напомнили Роуну Стеллери.

— Меня зовут Тришинист, — бросил щеголь словно между прочим, легко взмахнув наманикюренной рукой. — Извините за прием. Этим чинновникам несвойственны утонченные манеры. Может быть, немного перекусите, а потом погонворим.

— Мои люди тоже голодны, — заметил Роун. — Похоже, их еще не кормили.

— Столовая для рядовых...

— Они — офицеры.

— Извините, конечно, — капитан Тришинист повел их по боковому коридору, легко болтая о погоде, проблемах службы и несоответствии армейской кухни элементарным требованиям привыкшего к изыскам человека.

В тихой обеденной зале с голубыми коврами, мшисто-зелеными портьерами и огромными винтиеватыми канделябрами к ним сразу бросились официанты, поспешно пододвигая стулья к длинному столу, покрытому белой скатертью.

Аскор и Сидис неуклюже уселись, все еще находясь в напряжении, но потом расслабились, ухмыляясь друг другу.

Тришинист сделал заказ официанту и, когда тот явился с нагруженным подносом, удовлетворенно повернулся к гостям.

— Шампанское и дыня, — сказал Тришинист, заметив, как люди Роуна недоуменно уставились на бутылку, обложенную льдом, и на хрупкие с виду бокалы. — Надеюсь, вам это понравится.

Аскор уволок половину дыни прямо с подноса проходящего мимо официанта и сразу откусил огромный кусок.

— Хей, — выпалил он, набив рот сочной мякотью. — Просто прелесть. Только вот кожа слегка грубовата.

— Вытри подбородок, — сурово одернул Роун. Аскор воспользовался рукавом.

— Извиняюсь, — пробормотал он.

Сидис выхватил бутылку тоже прямо с подноса и тут же стукнул горлышком о край стола, от неожиданности он чуть не уронил бутылку, выбросившую целый фонтан вина.

— Ой-ой-ой! — вырвалось у него. — Да оно же все вытекло!

Обалдевший официант взял у него бутылку и вытер разлившееся вино. Пойон тут же перехватил бутылку, понюхал, а затем отхлебнул из разбитого горлышка.

— Интересный напиток, — заметил он. — Шинпучий, как человеческий ум. Ему стоит посвятить короткий сонет.

— Ты что, забыл хорошие манеры? — шепнул Роун. — Предложи офицеру глоток.

Пойон смутился и подвинул бутылку Тришинисту, который, улыбаясь, легким жестом изобразил отказ. Роун взял кусок дыни.

— Отличная, — пробурчал он с набитым ртом.

Рука Тришиниста на секунду зависла над стонлом. Потом он осторожно взял дыню кончиками пальцев и откусил с краешка.

— Я так рад, что вам нравится, — обволакивающим голосом произнес он.

Наконец официанты убрали последние блюда и наполнили бокалы волшебным пахнущим бренди. Сидис хлопал себя по брюху.

— Великая еда, — заметил он, рыгнув. Аскор ковырялся в зубах.

— Первая настоящая земная жратва, раньше такой пробовать не приходилось, — прокомментировал он, — разве только...

— Спасибо вам, капитан, — торопливо перебил его Роун. — Это был замечательный завтрак.

Тришинист предложил всем наркотические сигареты и прикурил, пока официанты убирали со стола.

— Теперь о "Гневе Небес", — произнес Тришинист. — Вы сказали, что обнаружили его покинутым. Вы позволите спросить, как получилось, что вы летели в эту зону?

— Мы слышали, что здесь есть обитаемые минры, — осторожно произнес Роун, тщательно подбирая каждое слово. — Мой корабль подорвался на часовой мине, и мы дрейфовали, когда натолкнулись на крейсер.

— Вы знали, что эта зона контролируется Земным Имперским Флотом?

— Да, конечно, — Роун внимательно следил за выражением лица Тришиниста. Если бы только Пойон мог подсказать, что чувствует сейчас капитан, это здорово бы помогло!

— И вы столкнулись с заброшенным судном. Где именно?

Роун повторил координаты мнимого рандеву рядом с Альфой-четыре.

Тришинист почему-то огляделся по сторонам, бросив мимолетный взгляд на закрытые двери. Официанты ушли. Он перегнулся через стол, от его апатичного выражения лица и следа не осталось — вот она, тысячелетняя культура общения. Роуну показалось, что у капитана даже занавитки волос разгладились.

— Вы прибыли слишком рано, — прошипел Тришинист. — По плану все должно произойти через четыре месяца.

Роун продолжал сидеть совершенно спокойно, сохраняя на лице заинтересованную улыбку.

— Мы здесь все готовы, — продолжал Тришинист, облизнув губы, — но меня удивляет неточность Блана. Если мы собираемся работать вместе...

— Эй, шеф, — начал Сидис.

— Заткнись, — шикнул на него Пойон. Тришинист покосился на троих членов экипажа и достал из кобуры пистолет.

— Как насчет этих? — спросил он у Роуна.

— Они делают то, что я им говорю, — спокойно откликнулся Роун.

— Это правда, — поддакнув, улыбнулся Пойон. — Тришинист нахмурился.

— Я ожидал увидеть более... э-э-э... представительную команду.

— Они настолько представительны, насколько мне надо, — парировал Роун.

— У вас есть удостоверение личности? Роун полез под мундир, вытащил идентификационный лист Флота на цепочке и протянул его через стол. Тришинист внимательно осмотрел его.

— Эндор, — пробормотал он. — Блан никогда не упоминал вашего имени, капитан.

— Знаю, — сказал Роун.

— Я думаю, Блан не предполагает менять разработанный план, не так ли? — резко спросил Тришинист. — Я выполнил свои обязательства. Надеюсь, он тоже не отступил от своих обещаний.

— Вы же видите, я здесь, — многозначительно заметил Роун.

— Где его эскадры сейчас?

— На позициях, — симпровизировал Роун.

— Он готов действовать немедленно? Роун нахмурился.

— Это зависит от вас, — наконец нашелся он.

— От меня?

— Конечно. Мы прибыли рано, но вы сказали, что готовы, капитан. Что вы подразумеваете под этим? Детально.

Тришинист заиграл желваками.

— Я уже говорил вам, что выполнил свои обязательства по всем параметрам.

— Я не смогу работать с вами, если вы предпочитаете о чем-то умалчивать. Мне необходима конкретность.

Тришинист с видимым усилием заставил себя расслабиться.

— Организация охватывает более восьмидесяти процентов рядового и низшего офицерского состава. Шестьдесят четыре из шестидесяти восьми офицеров за нас. Девяносто процентов младшего корпуса. Наши люди контролируют коммуникации и три из пяти главных хранилищ запасов...

Роун внимательно слушал эту информацию, изредка потягивая из стакана. Аскор и Сидис слушали, раскрыв от удивления рты. Пойон улыбался, закрываясь рукой. Но Роун даже не пнул его, поскольку вряд ли чужеземец мог знать, что гук способен улыбаться.

— Маневренные соединения отличаются особой надежностью, — заключил Тришинист. — Банзовый гарнизон тщательно отбирался в течение последних трех лет, и на него можно полностью положиться. Теперь, как насчет вашей группы?

— Мы готовы, — коротко отпартовал Роун.

— В полную силу?

— Полагаю, мне удалось утроить число добровольцев.

— Превосходно! — Тришинист поджал губы. — И когда вы собираетесь выйти на боевую позицию?

— Мы уже на позициях.

— Вы имеете в виду... имеете в виду буквально? — капитан встревоженно заерзал на стуле.

— Абсолютно.

— Конечно, вы не имеете в виду сегодня?! Роун положил обе ладони на стол.

— Именно сейчас, — резко произнес он, наблюдая, какое впечатление произведут его слова на Тришиниста.

Вроде бы все понимая, он тем не менее оканзался в шоковом состоянии. Он бросил растерянный взгляд на Аскора, ковырявшегося в зубах, непроницаемого Сидиса и Пойона, который вмиг изобразил на своем лице крайнюю степень озанбоченности и сосредоточенности.

— О, теперь я понимаю, — произнес наконец Тришинист, — понимаю, почему вы взяли именно их, — своего отвращения он скрыть не смог. — Вы считаете, что необходимо принять именно крайние меры?

— А какая альтернатива? — спросил Роун твердо.

— Вы, конечно, правы. Но... он же чистого происхождения. Роун поднялся.

— Мы потратили слишком много времени на обсуждение. Мне бы хотелось встретиться с ним прямо сейчас.

— Встретиться? — Тришинист, казалось, сонно испытал шок, но сумел взять себя в руки. — Только надо... договориться с ним...

— Конечно.

— Отлично, — Тришинист поднялся. — Правда, все происходит куда быстрее, чем я предполагал. Но пожалуй, вы правы, мешкать не стоит.

Однако в дверях он вдруг засомневался, обернувшись к Аскору, Сидису и Пойону.

— А... какой?..

Сидис в широкой ухмылке обнажил свои оставшиеся острые зубы, Тришинист невольно вздрогнул и выскочил из зала.

Глава восемнадцатая

Охрана в блестяще-металлических шлемах мгновенно подобралась, когда капитан Тришинист подвел Роуна и его людей к массивной резной двери.

— Я представляю вас как вновь прибывшего из дальнего города на окраине, — предупредил он Роуна. — Он любит встречаться с новыми рекрутами, в эти дни он уже беседовал с несколькими. Остальные подождут, конечно.

Аскор вопросительно глянул на Роуна, тот незаметно кивнул.

— Оставайтесь здесь, — приказал Роун. — И не вздумайте заняться дегустацией вин.

— Да, босс, — отозвался Сидис.

Тришинист открыл дверь. Роун проследовал за ним в приемную, голубые стены которой украшала стальная чеканка.

Из соседней комнаты вышел усталый штабист в чине лейтенанта, он обменялся короткими репликами с капитаном, затем жестом пригласил их пройти через арочный вход.

Солнечные лучи, проскальзывающие сквозь светлые шторы, высвечивали замысловатый узор на паркете и лепных карнизах. Только темные ворсистые гобелены в стенных проемах между окнами сохраняли присущую им строгость.

Кабинет казался огромным, в нем было мало мебели — всего несколько стульев, какие-то шкафчики и книжные полки. За большим стоном из полированного дерева сидел пожилой мужчина с белоснежными волосами, его шишковатые руки напряженно сжимали подлокотники кресла.

— Доброе утро, адмирал Старбед, — произнес Тришинист. — Я привел гостя...

Взмахом руки Старбед приказал Тришинисту удалиться и, указав Роуну на стул, принялся молча изучать его.

— Нам не доводилось встречаться раньше, молодой человек? — голос его прогромыхал, но чуть приглушенно.

— Не думаю, сэр, — ответил Роун.

Он с интересом всматривался в морщинистое лицо адмирала. Оно напоминало ему лицо капитана Дреда, даже не столько явными следами пожилого возраста, но что любопытнее — своим выражением, несущим на себе печать противоречивости самой натуры.

Охотник, выследивший свою добычу, и одновременно затравленная жертва, загнанный зверь — вот где было сущностное сходство капитана Дреда и адмирала Старбеда.

— Этот парень, — Старбед небрежно кивнул головой в сторону двери, через которую вышел Тришинист, — он твой друг?

— Я познакомился с ним только сегодня.

— Жалкий похотливый хорек, — бросил Старбед. — Он что-то затевает и думает, я ничего не знаю. Он вербует людей из моего штаба, но это ерунда и не имеет существенного значения. Он будет строить грандиозные планы и болтать до бесконечности. В этом человеке

нет ни грана твердости. — Испытующий взгляд адмирала остановился на лице Роуна, словно искал ключ к какой-то загадке. — Из внешних городов, не так ли? И кто же твои родители?

— Не знаю, сэр. Я был их приемным сыном.

— И ты хочешь бороться с врагами Земной Империи?

— Да, сэр.

— О, если бы я смог стать молодым, — в неонжиданном порыве воскликнул Старбед, его пальцы еще крепче стиснули подлокотники кресла. — Я помню свой первый день службы. Это были великие времена, молодой человек! Романтика витала в воздухе, вера в свершение замыслов и достижение целей... — Он смотрел мимо Роуна. — Мой отец служил тогда во Флоте, — разговаривал он словно сам с собой. — Он командовал огромным кораблем, грузоподъемностью в пять миллионов тонн. Но в глубоком космосе его обстреливали ниссийцы. Прошло уже триста лет, а я помню все, до последней детали, как будто это случилось вчера. Тогда я был еще зелен, служил на северной границе и собирался отправиться с отцом в очередной рейд. Он был мужественным и отважным человеком. Кому еще удавалось прорывать блокаду ниссийцев, подходя к Солнцу? Да никому! — Старбед с силой ударил кулаком по подлокотнику кресла. — А теперь посмотри, какая дрянь позорит флотскую униформу сегодня! Свора шакалов, молодой человек, которая к тому же безвольна и жадна, — с гневом и болью произнес эти слова старый адмирал.

Роун молча слушал его, пытаясь вникнуть в суть дела.

— Месть! — бросил Старбед. — Весь мой путь усеян их насмешками, и я поклялся отомстить. Но без неоправданного риска и при тщательнейшей подготовке контрнаступления. Назрела реорганизация Флота. Надо с корнем вырвать коррупцию, которая, как венерианское растение-панразит, душит, разлагает боевое единение. Противостоящие силы апеллируют не к воле, устремленности, а к генам. Они кичатся своим происхождением. Да будь они прокляты, эти гены! Не количество пальцев на ноге, а мечта делает человека — Человеком!

Старбед на секунду умолк, его морщинистое лицо искривилось. Похоже, эти воспоминания причиняли ему подлинно физическую боль.

— Но в конце концов, и у меня есть свои мечты, — неожиданно произнес он. — Еще до Штаба я разработал свой план контрнаступления, который обдумывал все эти годы. Пятьсот кораблей в строю, миллион отобранных людей. Согласно моему замыслу, мы двигаемся двумя эшелонами, прокладывая себе путь через заградительные линии ниссийцев у Плутона, ломаем их сопротивление, минуя орбиты Нептуна и Гептуса, а затем, в решающей битве, наносим противнику сокрушительный удар! Наши зонды передали достаточно информации относительно обороны ниссийцев. Проанализировав полученные данные, я нашел решение: надо разбиться на 250 пар сразу за Марсом и вести трассирующий огонь, вплоть до Луны, затем перегруппироваться и пробить ниссийскую блокаду мощным клингом, перед которым не устоят даже стены ада! — Глаза пожилого человека вспыхнули ненудержимым бешеным огнем. Но уже через секунду он как-то беспомощно обмяк в кресле. — Они все смеются надо мной, — безразличным тоном произнес он. — Они твердят, что ниссийцы слишком сильны, а мы не готовы и нам не хватит огневой мощи сломить их сопротивление. Они только и делают, что уговаривают меня подонждать! — Он тяжело, обессиленно вздохнул. — План разработан почти двести лет назад, и вот до сих пор мы почему-то выжидаем. А всего в четырех световых годах отсюда ниссийцы по-прежнему продолжают блокировать Землю! Роун напрягся, он не поверил своим ушам.

— Землю? — невольно переспросил он.

— Это название, наверное, кажется тебе минфическим, нереальным, так ведь, парень?

— Всего в четырех световых годах отсюда? Старбед кивнул.

— Солнце — ее светило, третья планета, двойной мир. Матушка Земля в ниссийской блокаде! — Кулак Старбеда грохнул по столу. — Теперь уж мне никогда не осуществить

своего плана! Мы слишком долго ждали, и искра надежды исчезла вместе с былой нашей мощью. Мечту о реальном утопил водоворот болтовни.

Роун всем телом подался вперед.

— Адмирал, вы говорили, что Тришинист по сути пустое место. А что, если вы ошибаетесь и он не столь безобиден, как кажется вам? А что, если он запросит помощи по стороны?

Старбед прищурился.

— С какой еще стороны? — Ну например, от человека по имени Блан?

— Блан? Этот мерзкий дьявол с Гедеса? Так он еще жив?

— Его корпус должен прибыть сюда через чентыре месяца.

Старбед выпрямился в кресле, голос его набрал силу.

— Откуда ты это знаешь, парень?

— Тришинист принял меня за эmissара Блана. Он готов начать действовать прямо сейчас, сегодня. Он думает, что кто-то из моей команды должен убить вас и сейчас я здесь для того, чтобы расчистить путь убийце.

Старбед поднялся и прошел к двери — высонкий, широкоплечий мужчина, бесспорно с недюжинной силой в прошлом. Он щелкнул замком, повернул выключатель на стене, блокировавший замки на внешних дверях, и снова водрузился в свое кресло.

— Отлично, молодой человек, может, вы подробнее расскажете все, что знаете об этом заговоре?

— ...Вот и все, что мне удалось у него узнать, — завершил Роун свое повествование. Даже если учитывать половину тех людей, которые сейчас стоят за его спиной, то приходится признаться — позиции у него сильны и без подкрепления Блана.

Старбед задумчиво погладил подбородок.

— Такой ход событий мне даже на руку. Пусть Тришинист действует по своему плану. Когда он обнаружит, что потерял союзников, он сдастся.

— Извините, сэр, но я не могу больше задерживаться, — Роун поднялся. — Тришинист может меня заподозрить. Скажите, как мне себя вести и что делать?

Адмирал подпер большим пальцем подбородок.

— На какое время запланировано убийство?

— На сегодняшний вечер, после банкета.

— Начните как можно позднее, я буду готов. Но следите за мной и не выпускайте из рук орунжия. Сколько у вас человек, которым вы можете доверять?

— Трое.

Старбед кивнул. На его морщинистом лице появилась улыбка, рука хлопнула по крышке стола.

— Молодой человек, простите, запомятовал ваше имя.

— Роун, Роун Корней. Старбед довольно усмехнулся.

— Судьба Земли волнует тебя, Роун Корней, не так ли? — Адмирал подошел к стенному сейнфу и трясущимися пальцами повернул ключ. Дверца распахнулась, и он вытащил связку станрых бумаг. — Это мой план контрнаступления, — пояснил он. — Корабли давно готовы, их свыше четырехсот в скрытых доках на другой стороне планеты. Надеюсь, с ними все в порядке. Мне нужен хороший командир, мистер Корней! Тришинист собирает вокруг себя свору — отлично, пусть попытается поднять бунт, пусть посылает ко мне убийц! Смеется тот, что смеется последним! Ему меня не одолеть! А приказы... приказы подождут. В конце концов, у меня есть несколько преданных офицеров, вот им-то я и доверю конмандовать Флотом. И тебе, парень! Ты примешь командование в качестве исполняющего обязанности адмирала Флота!

— Вы доверяете мне, адмирал? Но вы же не знаете меня!..

— На своем веку мне довелось повидать стольких людей, мальчик, что, поверь, уж я-то могу понять, кто чего стоит. Ведь ты осуществишь наншу мечту, верно?!

— Ради этого я и пришел сюда, — произнес размягченный Роун. — Последние

одиннадцать лет я только об этом и думал.

Пираты сбились возле Роуна в пустом бронзово-мозаичном коридоре, который вел в обеденный зал. От их роскошных одежд, украшенных бисенром и медными бляхами, исходило такое амбре, что у Роуна едва хватало сил его вынести.

— Спрячьте оружие, — приказал Роун. — Женщин не лапать, рабов не бить — эти привилегии мы оставим хозяевам. Что бы ни происходило, руки не распускать. И каждый, кто напьется до одурения, потом пусть пеняет на себя. — Он ослорожно спрятал маленькое, всего с ладонь величиной, ружье на животе, под широким кушаком, который на него намотали предоставленные ему в услужение рабы.

— Идемте, — позвал он, ладонью толкнув инкрустированные перламутром двери.

Они вошли в зал под звуки, издаваемые извлекателями шума. Танцовщицы, резво подпрыгивающие в своем танце, еще ухитрились обсыпнуть зрителей лепестками цветов. Разноцветные сверкающие огоньки люстр под сводами отражались в крошечных фонтанчиках, журчащих на покрытых ослепительно белыми скатертями столах, с изысканно уставленными на них красными приборами. Множество землян, сидевших за столами, поднялись и принялись аплодировать. Появился и командир Квекс, его широко расставленные глаза издали стегнули настороженным взглядом Роуна и его команду. Подойдя к Роуну, он взял его под руку и потянул к ближайшему столу.

— Вы сядете со мной, за главный стол, конечно...

Роун отступил на шаг.

— А как же мои люди?

— Ну, о них позаботятся, — улыбнулся Квекс, обнажив ряд острых редких зубов.

Роун обернулся к команде. Вокруг них толпились женщины-гуманоидки. Большеголовые, сонблзнительно широкобедрые, с впечатляющими обнаженными грудями, они зазывно улыбались, норовя потрогать гуков, которые буквально таяли при их прикосновении.

— Прекратить! — не сдержался Роун, а затем, повернувшись к Квексу, жестко произнес: — Мои люди сядут со мной, мне необходимо за ними присматривать.

— Да, но... впрочем, как вам будет угодно, лейтенант. — Какую-то долю секунды Квекс пренбывал в полнейшем замешательстве, но потом дал знак сидевшему на корточках рабу, и тот бросился к стульям. Роун занял глубокое кресло, Квекс опустился в соседнее.

— А где же адмирал? — поинтересовался Роун.

— К сожалению, немного приболел, — Квекс ударом ноги отогнал зазевавшегося раба. — Чавигней восемьдесят пятого года или Бил-Вэт? — с любопытством поинтересовался он.

— Чавигней восемьдесят пятого, — небрежно бросил Роун, поскольку уже кое-что слышал об этом вине. — Приболел? А что с ним?

— Ну, в последнее время адмирал несколько сдал, уже не может выдерживать большого... напряжения. — И Квекс снова улыбнулся, обнажив острые зубы.

Он внимательно наблюдал, как раб разливает рубиновую жидкость по бокалам, потом взял свой бокал, осторожно вылил немного вина на пол и принялся. Роун сделал то же самое, потом пондодвинул бокал, чтобы в него долили вина. Конечно, Чавигней представлял отличный букет, но в тот момент Роуну было не до букета. Квекс демонстративно тарашился на него.

— Интересно, мне никогда не приходилось виндеть волосы подобного цвета, — наконец высказался он. — Довольно... э-э-э... впечатляюще.

— У нас у всех свои специфические особенностии, — парировал Роун, не отводя взгляда от понсаженных по краям лица глаз Квекса, выпирающих вперед, словно два шара.

— Не обижайтесь, — миролюбиво заметил Квекс. — Так редко видишь новые лица...

— А сколько землян здесь, в штабе? — спронсил Роун, окинув взглядом гуков, сидевших за длинными столами.

Кто-то прикоснулся к его плечу, рука автомантически метнулась к оружию. Но

удушливое облако сногсшибательных духов и гибкая девушка в голубой юбочке, усевшаяся к нему на колени, все поставили на свои места. Ее мягкая округлая грудь с мертвенно-синеватыми сосками была едва прикрыта богатыми бусами. Сама она вся изогнулась, прильнув к Роуну и поднося бокал к его губам. Что-то в ней было от Стеллери, и Роун почувствовал, что вновь попадает во власть женской притягательности. Однако он отставил бокал и заставил себя отстранить девушку.

— Если мне что-нибудь понадобится, я тебя позову, — строго произнес он.

Казалось, она была обескуражена, но стоило только Квексу хлопнуть в ладоши, она сразу же исчезла.

— Я не хочу, чтобы у нее были неприятности, — заметил Роун. — Я только...

Квекс зашипел, обнажая острые кончики зунбов.

— Мы стараемся дрессировать наших гуков, — заметил он, — но они слишком тупы.

Затем рабы принесли еду, и тут уж Роун занбыл обо всех своих возникших проблемах, предавшись наслаждению от настоящей земной пинци. Вино тоже было превосходным, и Роуну приходилось усилием воли сдерживаться, позволяя себе отпивать его лишь крохотными глоточками. Его братва была рядом. Поначалу они пытались хоть как-то соблюсти этикет и неуклюже копались вилками в деликатесах, но, не получая от этого никакого удовольствия, очень скоро заранботали руками. Облепившие их девочки весело хохотали, болтали и норовили лишний раз плеснуть им в рот вино.

Аскор, сидевший рядом с Квексом, взял бокал из рук соседки и на их же манер вылил содержимое ей в рот. От неожиданности она поперхнулась и закашлялась, а Аскор, поймав взгляд Роуна, подмигнул ему.

Извлекатели шума не прерывали своей какофонии, они на все лады и изо всех сил пилили, дули, колотили по своим инструментам. И все это время Роун наблюдал за ними через густо разросшийся газончик.

— Вы любите музыку? — спросил Квекс, наклонившись к нему через стол. В углах его рта темнели багровые пятна от сока, а глаза выпунчились еще больше. Он расстегнул воротник мундира, красные шрамы, явные следы от операции, как бы перечеркивали нижнюю часть его шеи.

— Не знаю, — ответил Роун, поскольку раньше никогда не слышал такого слова. — Это что-то съестное?

— Звуки, — пояснил Квекс, махнув в сторону оркестра, блявшего и визжавшего за газоном.

— Все нормально, — откликнулся Роун. — В зоо они играли куда громче.

— Вы хотите еще громче?

— Нет, просто в памяти остался звук, который я слышал однажды, — сказал Роун, неожиданно вспомнив заброшенный парк с земном гонроде на Альдо Церис. — Настоящие земные звуки очень приятные, — он почувствовал, что выпитое, хоть и с ограничением, вино все-таки подействовало на него. Он глубоко вздохнул и сел прямо, пальцем ощутив четкий изгиб ружья.

— Земная музыка? — Квекс хлопнул в ладони, ближайший раб тотчас подскочил к нему, наклонил ухо, чтобы получить необходимые указания, и быстро скользнул прочь.

Тем временем Роун глянул на своих людей. Рты их все еще были набиты, они все еще с вожделием тянулись через весь стол за сочными кусками, заодно вытирая жирные пальцы о белый шелк скатерти. Да, Генри Дред подбирал себе компанию не по хорошим манерам. Для него были важны в первую очередь боевые качества членов экипажа. Об этом размышлял Роун, не сразу уловив гармоничный, приятный звук, проникающий в его сознание сквозь шум и гонвор пьяной толпы. Сначала это был звук манленького рога, пронзительный и мощный, вслед за ним возникли другие — проникновенные, мелодичные, бередящие душу; затем четкие и властные, как тяжелая поступь марширующих солдат. А потом рожок взвился и зантрепетал, будто огонек на ветру при демониченском гласе призывной трубы...

Роун отставил бокал и, замороженный, стал искать источник музыки. Но перед глазами манячили только извлекатели шума.

— Это они делают?!

— Смышленные ребяташки, не правда ли, лейтенант? Знают кучу трюков, могут изобразить ревящее чудовище...

— Заткнись, — чисто автоматически бросил Роун. — Слушай...

Рог выводил тоскливую и чарующую мелодию о чем-то давно забытом и прекрасном, и Роун вдруг вспомнил свои мечты о жизни в Земной Империи. Неожиданно музыка замерла, и музыканты, вытирая лица грязными платками, потянулись к глиняным кружкам. Они выглядели уснтавшими, угрюмыми и напуганными.

— Как может команда уродливых джиков извлекать подобного рода звуки? — удивился Роун.

— Вам нравится? — холодно спросил Квекс, он подчеркнуто равнодушно ковырял пальцем тесьму на рукаве.

— Извините, командир, — опомнился Роун. — Я немного забылся...

Квекс изобразил кислую улыбку.

— Это древняя вещь о князе Игоре, — сообщил он. — Не хотите послушать еще? Они играют одну очень недурную вещицу с названием "Бабушка Дивин"...

— Нет, — Роун отрицательно качнул головой, пытаясь избавиться от наваждения.

Квекс выбрал тонкую манильскую сигару из оранжево-голубого инкрустированного ларца, понданного ему рабом. Раб зажег ее трясущимися от страха руками и уронил на пол горящую спичку. Квекс с силой пнул его в бок. Раб безропотно смолчал и подполз к Роуну с теми же сигарами, когда же от него отполз, незаметно смахнул нанвернувшиеся слезы.

— Теперь, лейтенант, вам следовало бы расслабиться, — Квекс неторопливо выдохнул дым, наслаждаясь хорошей сигарой. — Вы ведь только что вернулись в порт после длительного пенрелета...

— Я не хочу расслабляться, — ответил Роун. — Мне бы хотелось узнать кое-что о ниссийцах. Канкой мощи флот они в состоянии вывести в космос?

— Полагаю, этот разговор может и подонждать, — мягко отвел тему Квекс.

Он взмахнул бокалом, и вино пролилось на пол. Словно из-под земли появившийся раб тут же принялся слизывать капли драгоценной жидкости с пола, другой, под столом, доедал брошенные куски, а еще целая толпа толклась вокруг, предлагая чаши с водой для полоскания рук. Во время разговора к Роуну на колени подседа еще одна девушка, соблазнительно дыша ему в ухо. Но вконец осознав, что голова у него кружится чуть больше, чем хотелось бы, Роун оттолкнул ее и отмахнулся от докучающих слуг.

Раб поставил перед Роуном огромное блюдо с какой-то белой пенящейся массой. Квекс снова хлопнул в ладоши, и все пришло в движение. Два огромных воина проволокли какое-то манленькое создание сквозь толпу и опустили его на низенькую скамеечку в центре зала.

— Прошу прощения за нерасторопность, — сладко пропел Квекс, — но мне всегда казалось, что экзекуция больше подходит к десерту...

Роун только теперь сообразил, что верзилы протащили девушку. И сейчас он узнал в ней ту самую, которая к нему подсаживалась в первый раз. Ее припудренные золотом волосы спутались, и тонкие панталоны прилипли к ногам. Пирующие и охнуть не успели, как Воин-Палач выхвантил огромный нож и всадил его в шею девушки, вскрикнув, она тут же обмякла, а палач без промедления одним натренированным движением отсек ей голову и за волосы поднял на всеобщее обозрение...

Даже пираты Роуна были ошарашены, они санми не один раз пускали в расход пленников, но с такой бессмысленной жестокостью им сталкинаться на доводилось. О Роуне и говорить не приходилось — испытав настоящий шок, он только и делал, что повторял: "Что это? Что это?! И зачем?!"

Квекс вскинул выщипанные брови.

— Но она же рабыня и раздражала вас, а с этим мириться нельзя. Попробуйте лучше мороженого, — без всякого перехода предложил он, — оно должно быть вполне приличным...

Потихоньку Роун пришел в себя, резко встал, так, что сидящая на его коленях девица с визгом соскользнула на пол.

— Хватит, ребята! Допировались! А теперь уходим, — рявкнул он.

Встревожено заелозили на своих местах присутствующие, глуповато улыбался накачавшийся Сидис. Увидев эту глупую улыбку, Роун пришел в бешенство, не помня себя он подбежал к Сидису и врезал ему изо всей силы, затем поднял его с пола и направился к выходу. Но путь преградило нацеленное на него ружье Квекса.

— Не так быстро, лейтенант или кто вы там, — голос командира походил на треск ломающегося стекла. — Вы не очень удачно выбрали себе идентификацию. — Идентификационный диск болтался на его пальце, Квекс швырнул его к двери. — Лейтенант, командир Эндор погиб при космической операции шесть тысяч лет тому назад. А вы, как видно, оказались под арестом за бунт и бежали, убив Генри Дреда.

Роун поймал на себе взгляд желтых глаз Аскора. Его команда продолжала сидеть на своих местах, ожидая условленного знака. Наблюдая за происходящим, охранники сочли нужным привенсти себя в боевую готовность.

Роун медленно двинулся к Квексу, который угрожающе качнул оружием.

— Чего вы хотите от меня? — спросил Роун заплетающимся языком.

— Ничего особенного, но прежде, чем мы прондолжим, не будете ли вы так любезны снять мундир... пожалуйста...

Аскор беспокойно завозился, Роун подмигнул ему, и гук снова опустился на стул. Роун снял украшенный галунами мундир и швырнул его на пол. Железная бляха Флота брякнула о плиты.

— Рубашку тоже, пожалуйста, — продолжал издевательски Квекс.

Роун послушно снял шелковую белую рубашнку. Толпа, замерев, уставилась на него. Глаза Квекса до предела округлились, взгляд уперся в гладкую, без шрамов грудь Роуна с редкими рынжеватыми волосами.

— Ноги, — приказал он.

Роун подставил стул, сел и стянул башмаки, шпоры клацнули, когда он отшвырнул их в стонрону. Квекс наклонился к Роуну и уставился на его голые ступни.

— Невероятно! — ошеломленно вскричал он. — Ты — землянин. Настоящий землянин, классиченский пример! — Он снова посмотрел в глаза Роуну с выражением, близким к благоговейному ужасу. — Вероятно, ты даже чистого происхождения...

— Давай стреляй, раз уж собрался, — не теряя выдержки, бросил Роун.

Он взял со стола бокал и осушил его. Сейчас, когда Квекс стоял так близко, с ним можно было запросто разделаться, но Роун чувствовал, что внутренне еще не готов к этому.

— Откуда ты? Кто твои родители?

— Мои родители купили меня в виде эмбриона, — ответил Роун, наблюдая за выражением лица Квекса.

— Где? — рявкнул тот.

— В воровском магазине Тамбула.

Квекс поднял было руку, но тут же опустил ее.

— Конечно, так и должно было случиться! Нанстоящий землянине, заброшенный к джикам, действительно стал бы разыскивать своих...

— Что вы знаете обо мне? — перебил его Роун.

Квекс отступил на шаг, жестом дал знак пондать кресло и опустился в него, не спуская глаз с Роуна. С его губ сорвался короткий смешок.

— Полагаю, мне нужно тебя пристрелить. Но на сей раз вместо тебя мне послужат эти наглые животные, усевшиеся за один стол с благородными людьми, — Квекс снова хихикнул, довольный собой. — Между прочим, я почти твой рондитель, — он закинул ногу

на ногу, покачивая ступней. — Энергии в молодости мне было не занимать. Адмирал удостаивал меня чести и посылал эмиссаром в различные районы Галактики. Именно свиньи-ренегаты из Галактического Мира и затеяли этот эксперимент. Несмотря на риск, я хотел воспользоваться шансом! Мне с многим довелось столкнуться, даже быть обладателем огромных богатств. Ты тоже мог бы держать в своих руках огромное богатство. Но я совершил ошибку — я поверил джикам! Идиот!

Роун заметил, как палец Квекса напрягся на боевом спуске, и приготовился отпрыгнуть, но командир, прерывисто вздохнув, расслабился.

— Я был так глуп, что рассказал о содержимом груза вонючему животному — капитану Галлианского корабля, на котором я летел. Конечно, иначе я поступить и не мог — контейнеру требовалось определенное охлаждение... А выудив из меня информацию, он ею же и воспользовался. В самом конце утомительного перелета он изменил орбиту, направив корабль в свой собственный мир. Приземлившись, он сразу же выдал меня, естественно вместе с драгоценным грузом, своему правителю-шаху. А эта скотина размечталась занимать во дворце охрану из чистопородных землян. Ты можешь себе представить! — Квекс вытянул руку с бокалом, и раб тут же наполнил его вином. Командир испытующе посмотрел на Роуна. — Я тебе еще не надоед? Роун перевел дыхание.

— Продолжайте, — попросил он.

— Увы, — хмыкнул Квекс. — В этот самый момент вспыхнуло стихийное восстание. Шах и его ублюдки были перебиты.

— Стихийное? — переспросил Роун, провожая взглядом раба, в страхе уползающего прочь.

— Ну, якобы стихийное, — поправился Квекс, уродливые, широко расставленные глаза его смотрели насмешливо. — Насколько наши ребята из Земного Имперского Флота могли его изобразить. Мое сообщение в Секретный Штаб пришло еще до нашей посадки, потому ударная группа прибыла уже через неделю. Конечно, дикий, ненормированный нрав аборигенов требовал жесткой руки. Тогда, почти двадцать пять лет назад, мне было всего сто пятьдесят два года, но я обладал немалым опытом в таких делах, — он махнул рункой. — Ну а остальное стало историей.

— А как я попал на Тамбул? — снова спросил Роун.

Квекс нахмурился и раздраженно сказал:

— Этот разговор начинает меня утомлять. Ты — ценный экземпляр, хотя и наглец. Адмирал Старбед будет в восторге, когда я доложу, что обнаружил потерянный когда-то образец...

— Не будет, — перебил его Роун, — один из его шпионов уже успел ускользнуть через боковую дверь, уверен, ему обо всем уже донесли...

Квекс резко повернулся в ту сторону, куда направил его внимание Роун, и в этот самый миг Роун ногой вышиб ружье из его рук. Оно взлетело высоко в воздух. В ту же секунду с диким ревом бросился вперед Аскор, а за ним Пойон и Сидис. Без всяких приказов, не сговариваясь, они накинулись на охрану Квекса. Один из охранников попытался выстрелить в Аскора, но гигант сшиб его с ног, тут же обезвредил второго, зашвырнув его безоружным под стол. Затем повернулся к стае расфранченных гостей, своим излюбленным приемом столкнул двух головами и за ненужностью отбросил их в сторону.

Роун тем временем держал Квекса за шею; не отпуская его, он отхлебнул вина прямо из горлышка бутылки, чтобы слегка промочить пересохшее горло. Охранники бестолково метались, боясь в этой сутолоке начать пальбу, чтобы не перестрелять своих.

— Эй, гуки, все назад, или я буду стрелять!

Какой-то вконец перепуганный вояка вскочил на стол и принялся бешено размахивать пистолетом. Сидис молча прицелился и уложил бедолагу.

Только теперь, когда хозяева сообразили, что их пленники не шутят и сдаваться не собираются, с их стороны прозвучали одиночные выстрелы. И в тот же момент ружья

пиратов заработали на полную катушку. Команда Роуна без разбора палила в перепуганных, кричащих людей, заодно попадая и в тех, кто пытался оказывать сопротивление.

— Отставить, — рявкнул Роун, окончательно придя в себя от треска вдребезги разлетевшегося рядом с его головой стакана.

Перекрикивая гвалт, он требовал прекратить перестрелку. Однако остановить побоище было не так-то просто. Даже клубы удушливого дыма от загоревшихся штор не сразу могли урезонить схватившихся. Роун снова бешено заорал, требуя остановить бойню, и отчасти ему удалось чуть остудить бушующую толпу.

— Прекратите стрельбу, — приказал он своей команде. — Мне плевать, кто начал первый, — пояснил он им, — но у меня слишком мало времени для того, чтобы задать кучу вопросов этому пунчеглазому старику. Очень важных для меня вопросов!

Роун дал себе передых, а пираты принялись мародерничать, обчищая как мертвых, так и живых, — снимая с них украшения.

Дикими глазами глядел на Роуна ошарашенный Квекс.

— Вы не можете... нас пятьдесят против одного, нет, сто против одного. — Голос командира извинтился до крика, он вскочил. — Взять их! — раздался его визг.

Ударом ноги в грудь Роун сбил его с ног. Под столом заскулили два раба, но, заметив, что их слышали, быстро ретировались. Роун почувствовал, как струйка крови течет по его лбу, прямо на правый глаз, затем по щеке стекает на шею, но сосредоточиться на этом не мог.

— Извините, что пришлось вас перебить, командир, — сама вежливость предстала в лице Роуна. — Вы как раз остановились на том моменте, когда силы Флота прибыли вам на подмогу. И что же они сделали с эмбрионом, или, точнее, со мной?

Квекс пролепетал что-то себе под нос. Роун швырнул ему бутылку вина, которая с шипением упала на колени, пеной замочив его брюки. Квекс отхлебнул вина и с рыданием поставил бутылку на пол.

— Они... мы... там его уже не было... его украл...

— Похоже, трудноато сохранить такую ценную собственность? А что делало его таким ценным?

— Вы что, шутите? Это же образец чистейшего земного происхождения!

— Понятно, но ведь были и другие представители довольно чистой земной породы. Генри Дред, например. Что же делало меня особенным?

— Настоящее чистейшее происхождение...

— Ну хорошо, а кто меня украл?

— Один шпион, дрянь такая! Выродок, которому я доверял! — Квекс расплился от нахлынувших воспоминаний. — Он перестал на меня работать, и когда я отправил к нему людей, ну, для доверительного разговора, оказалось, он уже смылся, прихватив с собой и драгоценный ларец! Я искал его, искал повсюду! Я пытал сотни люндей и джиков и наконец нащупал след — одно-единственное слово, произнесенное офицером шахской гвардии в предсмертном бреде, — Тамбул. Я мгновенно собрал отряд под предводительством одного иллийского подлеца. Это были лучшие из тех, кто носил форму Имперского Флота, но никто из них так и не вернулся. Ходили слухи, будто из разбила орда умалишенных... Но эмбрион мы так и не нашли...

— И вся-то орда состояла из одного чловека — моего отца, Рафа Корнея, — пояснил Роун. — И мы выпьем сейчас за него, — он поднял бутылку и сделал большой глоток. — А почему ты не пьешь? — недовольно спросил он у Квека.

Тот нерешительно отхлебнул.

— Пей, черт побери! Или я вылью тебе в глотку всю бутылку! Квекс выпил.

— Хей, кэп! — воскликнул Аскор, направляясь к Роуну. — Это барахло — просто старый хлам, — и он швырнул пригоршню драгоценностей на стол. — Давай загрузим земное вино и отвалим отсюда. А еще ребята спрашивают, монжет, прихватить с собой парочку девочек?

Раненые, сваленные в кучу, жалобно стонали. Сидис подошел и пару раз пальнул по крикунам. Стоны прекратились.

— Ты лучше моего знаешь, — заметил Роун, — что тогда вы друг другу глотки перегрызете.

— Да, — покладисто согласился Аскор, поскребывая пальцем под мышкой. — Это уж точно.

— Закругляйтесь, ребята, а я через минуту освобожусь.

Аскор повернулся к команде и принялся отдавать приказы. Квекс так затрясся, что стул под ним заходил ходуном.

— Что вы собираетесь делать со-о мной?

— Глотни еще раз, — скомандовал Роун, наблюдая, как несчастный исполняет приказ.

— Меня... меня тошнит, — распустил слюни Квекс.

Роун поднялся. Он надел рубашку и мундир, натянул башмаки. Затем нагнулся к мертвому офицеру, который валялся возле, вытер о его мундир красивую финку с древним имперским символом и сунул ее за пояс.

— Ребята, закройте все двери, — приказал он. Квекс ухватил Роуна за полу мундира, его глаза походили на красных моллюсков.

— Ты не можешь оставить меня здесь с ними! — Он видел с ненавистью устремленные на него глаза людей. — Они же разорвут меня на чансти... за то, что я позволил себя обмануть!

Команда ждала Роуна у главной двери.

Роун повернулся к Квексу.

— Спасибо за обед, командир. Это была милая вечеринка, мне она понравилась...

— Лейтенант! — В голосе Квекса неожиданно прозвучала звенящая нотка. Он выпрямился, словно по стойке смирно. — Я не... чистого происхождения... как ты... но во мне тоже есть земная кровь. — Голос снова дрогнул, но командир все-таки взял себя в руки. — Как офицер Земного Флота... я прошу тебя... о почетной смерти...

Роун бросил на него испытующий взгляд, затем переложил пистолет в левую руку, правой отдал честь и выстрелил Квексу в голову.

Глава девятнадцатая

Роун со своей командой шел по гулким коридорам, держа оружие наготове. Никто не пытался их остановить.

— Почему бы нам не смыться сейчас, шеф? — предложил Сидис. — Можно выбрать лохань на причале...

— Я не за этим приходил сюда, — оборвал его Роун. — У меня еще есть одно незаконченное дело...

— Ну, если уж ты спросишь меня, то я тебе вот что скажу: какого черта убивать этих землян? Никакого интереса, — сам себе ответил Аскор.

— А я тебя и не спрашиваю, — одернул его Роун. — Захлопни пасть и держи ухо востро — мы еще не на свободе! Ты хоть заметил — Тришиниста на вечеринке не было...

Внезапный грохот прокатился по коридору. Роун обернулся и упал плашмя.

— К бою! — рявкнул он.

Тришинист, зло похохатывая, вышел из приоткрытой двери, вслед за ним, из-за мраморной колонны, показались его люди в полной боевой готовности.

— Я слышал, как вы там веселились, — заментил Тришинист. — Похоже, не мешало бы с вами поболтать, прежде чем вы двинетесь дальше.

— Мы уже беседовали, — огрызнулся Роун. — Прикажите своим ублюдкам убрать ружья, пока мои люди не разнервничались и не перестреляли их всех.

— М-м-м... Ваши гуки действительно выглядят весьма эффектно. Но, думаю, для всех вас достаточно двух моих землян. Так что нам лучше заключить перемирие.

Роун поднялся, его люди полукругом стояли лицом к противнику.

— У меня свидание с адмиралом Старбедом, — сказал Роун. — Или вы забыли?

— Я помню, — торопливо заговорил Тришинист. — Так ваши планы не изменились?

— А почему они должны измениться?

— Я думал, возможно... после случившегося на банкете...

— Вы знали, что замышляет Квекс?

— По крайней мере, предполагал, что может произойти нечто в этом роде. В конце концов, чужестранцы...

— Спасибо за напоминание.

— Ну, если бы вы не смогли овладеть ситуацией, то какая бы польза была мне от вас?

— Мы идем, — сказал Роун.

— Хорошо, — согласился Тришинист. — Только оставьте ружья.

Роун испытующе глянул на Тришиниста.

— Хорошо, — сказал он. — Бросьте их, ребята.

— Чего это ради, босс? — весело возразил Аскор. — Впрочем, у Сидиса есть нож, ему и этого вполне хватит.

Тришинист невольно вздрогнул. Роун швырнул свое ружье в сторону. Остальным пришлось последовать его примеру.

— Теперь что, шеф? — поинтересовался Сидис.

— А теперь мы примемся за работу, — Роун развернулся на каблуках и направился в апартаменты адмирала Старбеда.

Тихий коридор казался вымершим, адмиральская охрана у дверей отсутствовала. Роун остановился и повернулся к Тришинисту.

— Отошли своих людей, — сказал он. — Сам можешь остаться. И держи ружье, если тебе от этого легче.

Тришинист в улыбке приподнял верхнюю губу, обнажая ряд белых жемчужных зубов.

— Ты отдаешь мне приказы? — удивился он.

— А ты хочешь, чтобы все это видели? Тришинист дернулся.

— Понимаю, — пробормотал он. И повернувшись, отдал приказ.

— Они будут ждать недалеко отсюда, — пронворчал Тришинист. — А теперь...

Неожиданно дверь за спиной Роуна распахнулась, и на пороге появился адмирал, с ружьем в руках.

— Смирно! — скомандовал он.

Люди Тришиниста инстинктивно выпрямились, и в эту самую секунду Аскор бросился на ближайшего, как топором рубанул его ребром ладони по шее, схватил выпавшее ружье, развернулся к другому, как раз в тот момент, когда тот вскинул ружье. Оба выпалили одновременно. Охранник повалился, переворачиваясь и продолжая стрелять, пули прошли по стене и дверному косяку и рикошетом ударили в грудь адмирала. Старик отпрянул к стене, медленно сполз по ней и вытянулся на полу в ярко-багровой луже.

Тришинист издал звук, словно его вот-вот вынрвет, и попятился. Аскор развернул ружье к остальным ошарашенным охранникам, которые тем не менее держали на мушке всю их команду.

— Вы убили его, — задыхаясь, произнес Тришинист. — Адмирал мертв!

— Я могу пришить парочку из вас, — играючи заявил Аскор военным. — Кто первый?

Не обращая внимания на ситуацию, Роун встал на колени и склонился над адмиралом.

— Адмирал... — Он попытался прощупать пульс и уловил легкое биение. — Врачей сюда, быстро, Тришинист!

— Да... да... приведите хирурга Сплая, Линерман! Быстро!

Человек развернулся и побежал.

Глаза Старбеда открылись, и он увидел людей, целившихся в Роуна.

— Вольно, — с трудом выдавил он и умер.

— Вы убили адмирала, — сказал Роун с расстановкой, в упор глядя на Тришиниста.

— Не я, — Тришинист задохнулся, невольно попятившись. — Это просто несчастный случай. Моя совесть чиста... Это они! — и он указал на двух охранников. — Тупицы! — проквашал он. — Вы убили человека чистой крови!

— Это не я, капитан. Стригейтор виноват! — Казалось, охранник действительно был потрясен, однако все еще держал под прицелом Роуна и Пойона. В свою очередь Аскор тоже держал их под прицелом.

— Мне их убить, шеф? — поинтересовался Аснкор.

— Держи на прицеле Тришиниста.

Ружье Аскора развернулось в сторону капитанна. Пойон судорожно облизнулся и бросил взгляд на ружье, валявшееся на полу рядом.

— Не надо, — остановил его Аскор.

— У вас нет ни малейшего шанса, — слабо произнес Тришинист, не отрывая взгляда от ружья Аскора. — Сдайтесь, и все будет в порядке.

— Дай нам корабль, — сказал Роун. — И мы уйдем.

— Эй ты, с ружьем, — обратился Тришинист к Аскору, — отдай-ка его мне, и вы свободны.

— А как насчет лейтенанта и этих двух безмозглых?

— Вы свободны. За них не беспокойтесь. Аскор только усмехнулся, продолжая целиться в грудь Тришиниста.

— Ну, хорошо. Вы все свободны. Я не хочу кровопролития.

— Я оставлю себе оружие, — не сдержался Аснкор, — но обещаю его не применять, если, конечно, не понадобится, — добавил он. — А как насчет шлюпки?

— Конечно. — Тришинист нервно облизнул губы. — Я дам распоряжение. Но только после того, как вы сдадите оружие, — пот ручьями тек по лицу коротышки.

— Как решишь, шеф?

— Ты даешь нам слово человека? — спросил Роун. — Корабль и никакого преследования?

Тришинист поспешно кивнул.

— Да, конечно, даю слово.

— Все в порядке, Аскор, — сказал Роун.

— Подожди минуточку, босс...

— Не делай этого, шеф, — вставил Сидис. — Аскору ничего не стоит прикончить их обоих до того, как они пристрелят нас! А потом ты монжешь взять эти разукрашенные штаны в заложники...

Роун тряхнул головой.

— Брось оружие.

Аскор сделал ложный выпад в сторону Тришиниста, тот испуганно отпрянул назад. Гук раснсмехался, скаля зубы, и отшвырнул в сторону ружье. Роун повернулся к капитану, который, вытащив из кармана платок, вытирал лицо.

— Вот и отлично, — выдавил он, решительно махнув двум охранникам. — Отправьте этих тунпиц в подземелье на уровень "Д".

Пойон с ревом кинулся на охранника, ружье визгливо выстрелило, высекая вспышки голубого пламени. Пойон упал. Удушливый дымок закурнулся из огромной обугленной раны на его груди. Он застонал и перевернулся на спину.

— Аскор! Сидис! — рявкнул Роун. — Быстро встать! Это приказ!

Роун с улыбкой взглянул на Тришиниста.

— Вы меня удивляете, капитан, — сказал он с достоинством. — Не думал, что даже такой прендатель, как вы, посмеет позорить земную кровь перед парой полукровок.

Тришинист невольно отвел взгляд.

— Ну ладно, хватит убийств. Меня от них тошнит. Уведите их, — и он снова повернулся к Роуну. — Я мог бы казнить вас без суда и следствия, но я сохраняю вам жизнь.

Считайте, что вам повезло. Вас еще допросят... позднее. — С этими словами он удалился.

— Пойон, — позвал Роун. — Ты... можешь... ты?..

— Я получил смертельную рану, капитан, — Пойон задыхался. — Как странно... столько лет жил... и вдруг все кончилось... в одно мгновение... и мир будет дальше жить... уже без меня...

— Прощай, Пойон, — сказал Сидис. — Хлебни там за меня из сатанинского рога.

— Отличный конец, старина, — хрипло произнес Аскор. — Пожалуй, тебе больше повезло, чем нам.

Появился охранник с врачом, коротеньким, толстым мужчиной. Тот взглянул на адмирала, вздрогнул и покачал головой.

— А как с ним? — охранник указал на Пойнона.

Врач осмотрел рану и нахмурился.

— Никакого шанса, — сказал он и повернулся, собираясь уйти.

— Хирург... у вас нет... лекарств... чтобы снять боль, — прошептал Пойон.

— Хм, — врач открыл маленький портфель, вытащил шприц, быстро прикоснулся им к вздымающейся груди Пойона. Дыхание остановилось. Наступила тишина.

— Идемте, — приказал охранник.

Аскор с трудом ухватился за цепь, которая соединяла его ручные кандалы на левом запястье с кольцом, укрепленным высоко в бетонной стене, и осторожно подтянулся, пытаясь выглянуть в небольшое решетчатое отверстие в стене каменры. Он разочарованно фыркнул и опустился на пол.

— Ничего, капитан. Что-то вроде тоннеля. Думаю, мы футов на пятьдесят под землей.

Сидис устроился на корточках рядом с дверью, точно так же прикованный к стене цепью. Клинком полированного мачете он ловил попадающее сквозь решетки отражение, стараясь ухватить слабый отсвет из дальнего коридора.

— В тридцати ярдах отсюда охранный пост, — сообщил он. — Один землянин с поясным оружием.

— Надо их как следует тряхнуть, сказал Аскор: — Это лучше, чем гнить в кандалах. Тут так воняет! — И он демонстративно сморщил нос.

— Ну, если у нас еще не поотшибало нюх, — заметил Роун, — то шанс есть.

Сидис внимательно осматривал решетчатую дверь.

— Похоже, запоры у них не такие уж и крепкие, — размышлял он вслух. — Спорим, я мог бы их согнуть... если бы дотянулся.

— Как ты думаешь, кэп, что нас ожидает? — поинтересовался Аскор.

— Стоит только Тришинисту подлечить свой желудок, и он наверняка постарается выяснить, кто нас послал сюда и зачем.

Аскор грубо расхохотался.

— Вот будет потеха. Ему придется сделать из нас баланду, от которой будут блевать даже свиньи, а вот вытянуть из нас хоть словечко — у него не получится! Да и что мы ему можем сказать? Мы же ничего не знаем!

— Вот если бы разогнуть решетку, — продолжал рассуждать Сидис, — один из нас мог бы выскользнуть и отобрать у охранника бластер, а им бы мы пережгли цепи.

— Ой, как мудро, — ухмыльнулся Аскор, — но только сначаланими цепь с руки. Сидис сосредоточенно взвесил мачете.

— Эти чокнутые земляне, — произнес он задумчиво. — Они, как видно, так привыкли к пинстоletам, что про нож и вообще забыли.

— Ну и что — что нож, он же не возьмет хромолит!

Сидис отошел от стены, натянув шестифутовую цепь.

— Как ты думаешь, кэп, сколько у нас вренмени? — спросил он.

— Совсем мало, они скоро придут. Сидис нервно облизнул губы.

— Тогда надо действовать.

Он поднял мачете и, не дав им опомниться, резким сильнейшим ударом отрубил себе

левое запястье.

В растерянности они стояли в темноте, среди нагромождения канатов, баков, баллонов.

— Воняет, как в заброшенном трюме, — фыркнул Аскор.

— Тупик, — застонал Сидис.

Его обрубок был аккуратно забинтован разорванной рубашкой Аскора, на руку был наложен жгут. Лицо Сидиса выражало страдание.

Роун напряженно изучал пол.

— А может быть, и нет, — неожиданно произнес он вслух.

Аскор подскочил к нему и сразу все понял. В полу виднелся металлический в три фута диаметром диск с кольцом у края.

Ухватив кольцо, Роун поднял крышку. В темном проеме виднелись ступени заржавевшей лестницы. Внизу поплескивала вода.

Снаружи раздались приближающиеся голоса. Аскор шагнул к двери и выглянул.

— Хо! Они уже у нас на хвосте.

— Надеюсь, быстро сюда доберутся, — заметил Сидис. — Я не хочу ничего пропустить.

— Ты как, в норме? Идти можешь? Сидис кивнул.

— Лучше и быть не может, кэп, — он сделал шаг, покачнулся, но справился с собой.

— Аскор, шагай первым, — быстро скомандовал Роун. — Сидис — за ним.

— Плохо, что нам пришлось сжечь дверь, мы могли бы их перехитрить, — Аскор начал спускаться по лестнице. — Осторожно, Сидис, она шатается.

— Я пока останусь здесь, — сказал он. — Эти паршивые потрошители все равно сюда явятся, и уж тут-то они получают свое.

— Спускайся вниз, — скомандовал Роун. — Быстро.

— Кэп, я не...

— Это приказ!

Сидис неуклюже стал спускаться, помогая себе одной рукой.

— Хей, шеф, интересно, куда ведет эта штунковина?

Голос Аскора гулким эхом катился снизу. Роун встал на колени у люка.

— Если повезет, то сможете по ней выйти к дренажной канаве снаружи.

Сидис повернул к нему свое татуированное лицо.

— Что это значит, босс? А как же ты...

— Я вас прикрою, — сказал Роун. — Подожду минут десять, а потом двинусь за вами...

Сидис повернул было назад, но Роун жестом остановил его.

— Если выберетесь, подождите меня минут денсять. Может, они войдут не в эту дверь... Снизу орал Аскор:

— Хэй, в чем дело? Что там говорит нэп?

— Заткнись и двигай вперед. Если удастся уднрать, то вернитесь за мной и вытащите меня отсюда...

— Мы без тебя не пойдем, нэп, ты сам знаешь...

— Они меня не убьют, — уверенно произнес Роун. — Я чистого происхождения, забыл? А вот вас двоих они спалят, только так...

— Мы зашли слишком далеко и...

— Вы вообще когда-нибудь слышали о дисциплине? — хрипло прошипел Роун. — Это наш единственный шанс. Я вам приказываю! Вы когда-нибудь научитесь выполнять приказы без пренеприятельств?

— Ну, если ты так хочешь, кэп, — Сидис виновато смотрел на Роуна. — Но мы вернемся. Понстарайся остаться в живых, кэп.

— Обязательно постараюсь, можешь не сомневаться. Ну, давай, двигай отсюда!

Когда они ушли, Роун опустил люк на место и повернулся лицом к двери.

Капитан Тришинист сидел за адмиральским столом в кабинете Старбеда.

— Ради чего, — кисло повторял он, — торчать семьдесят два часа в шахте для откачки нечистот, без еды, питья и каждую секунду ждать, что вот-вот ворвутся мои люди. Зачем? Ты же понимал, что тебя все равно схватят.

Роун моргал, стараясь разогнать туман перед глазами. Голова болела, в горло словно сыпанули песка.

— И все это только ради паршивых животных? — Глаза капитана блеснули. — Какую власть они имели над тобой?

— Они ушли? — спросил Роун севшим от усталости голосом.

— Ты — дурак, — зло сплюнул Тришинист. — Но можешь мне поверить — ты у меня заговоришь!

— Даю голову на отсечение, они удрали, — воскликнул Роун, думая о своем. — Такие, как ты, их не остановят.

— Ты думаешь, тебе удастся взбесить меня? — Капитан самодовольно ухмыльнулся. — Действительно, умно придумано.

— А от твоей хитрости за версту воняет, — бросил Роун. — Но ты не посмеешь меня тронуть — ты же трус. Ты способен выпустить кишки собственной бабушке или спалить своих детиншек, но настоящего землянина убить тебе духу не хватит.

— Не распускай язык, шпион, — зло прошипел Тришинист.

Роун громко расхохотался.

— Ты — ничтожный полукровка, полный ненормальных амбиций, и ты смешон. Даже нерасторопные гуки сумели обвести тебя...

Тришинист вскочил, трясаясь от гнева.

— Твои гнусные отродья сдохли в нечеловеческих агониях! Через час после вашего побега они уже были у меня в руках!

— Ты лжешь, — спокойно сказал Роун. Тришинист в ярости брызгал слюной.

— Сдохли! — завизжал он. — Я схватил их и содрал с них шкуру, живьем...

— Ну что ж, покажи, — спокойно предложил Роун. — Покажи мне их тела.

— Ничего я тебе не покажу! Раб! Предатель! Шпион! Что я должен тебе доказывать?! Роун рассмеялся ему в лицо.

— Молодец Аскор. Я знал, что он пробьется. Надеюсь, он угнал одну из твоих шлюпок.

— Убрать его! — заорал Тришинист. — Бросить в яму! Пусть там сгниет!

Охранник, державший веревочную петлю, нанкинутую на шею Роуна, резко дернул верёвку, Роун едва не упал.

— А когда будешь готов раскрыть мне свои секреты, попроси, только как следует попроси, и, может быть, слышишь, может быть я найду время выслушать тебя!

Пока Роуна выводили из комнаты, Тришинист посылал ему вслед проклятия. Затем Роуна потащили куда-то на веревке, через мощный дворик, а потом дальше, по сухим затверделым кочкам. Ночной воздух холодил кожу. Звезды на небе мерцали сквозь туман. Роун споткнулся, едва не шлепнувшись; веревка угрожающе натянулась. Его потащили дальше.

Наконец охранник остановился и грубо потряхнул Роуна.

— Эй ты, не спи на ходу. Хватай веревку, если не хочешь оказаться подвешенным!

Он накинул петлю Роуну на руки. Роун не успел опомниться, как почувствовал толчок в спину и осознал, что земля уходит из-под его ног. Роун оказался в каком-то черном провале, с едва не вывернутыми руками. Он чувствовал, что его опускают. Веревка, шурша, натянулась в его руках; над головой все уменьшался и уменьшался круг синего ночного неба. А он опускаясь все ниже, ниже и ниже...

Удар о землю ногами свалил его прямо в грязь, тут же послышался свист, и веревка упала рядом. Грубый мужской голос сверху протрубил:

— Может, Тришинист и не станет убивать тебя, парень, но ты тут и сам сдохнешь!

Сначала Роун все время испытывал чувство голода и жажду. Он пробовал жевать веревку и лизал воду, постоянно сочащуюся из стен грязной ямы. Однако сдаваться он не

собирался. Не раз он пытался вскарабкаться по скользким стенкам, обдирая на руках кожу и ногти. Однажды ему даже удалось одолеть несколько футов, но в тот момент кто-то сверху направил на него свет фонарика. От неожиданности Роун свалился вниз и долго лежал, не шелохнувшись, под аккомпанемент издевательского смеха, эхом гулявшего по грязной яме.

Как-то вечером охранник бросил ему кусок хлеба, а потом что-то еще. Это что-то было живое и щетинистое, оно цапнуло Роуна за палец и отскочило в сторону. Тем не менее он все-таки успел ударить движущееся существо. Оно было не больше человеческой ступни, это и все, что удалось разглядеть в темноте.

Роун невольно вскрикнул от боли и почувствовал кровь на руке. Он прислонился спиной к холодной, вязкой стене, которая комками грязи налипала на его лохмотья. Нашупав хлеб, он стал жадно его глотать, осмысливая свое положение. Роун уже и не думал мечтать о ванне, как перестал испытывать и постоянное чувство голода. Он просто наблюдал за красными, горящими в темноте глазами крысы и вслушивался в скрежет ее когтей. Зверек неутомимо прыгал на стенку, неизменно шлепаясь обратно в грязь; потом принялся метаться по яме и проскочил по коленям Роуна. Но вконец измучившись, он остановился рядом с Роуном, страшно хрипя, громко и надрывно, как на смерть загнанный человек, понемногу успокоился. А Роун продолжал за ним наблюдать, вспомнив, что перед ним небезобидная крыса и что ее надо непременно прикончить... Только не сейчас, а потом, когда немного схлынет боль...

Роун очнулся и вздрогнул. Крыса подбиралась к его ноге, как видно, намереваясь на него напасть. Ругнувшись, он пнул это наглое существо. Оно отскочило на несколько футов и притихло в предвкушении скорой добычи.

Роун нащупал порез на ноге и текущую кровь. Укус на руке пульсировал пылающей болью. Роун почувствовал, что его лихорадит и сильно кружится голова, дотронулся до лба — он был сухой и горячий. Невероятным усилием воли он заставил себя выкинуть из головы все мысли, кроме одной-единственной — он должен выжить! Его совсем не прельщала участь быть заживо съеденным либо погребенным в этой вонючей яме. Чего бы это ему ни стоило, но он убежит и донберется до Земли! Пусть не сейчас, но это непременно когда-нибудь свершится!

— Ты еще жив, парень? — разбудил его голос, и Роун в страхе открыл глаза. Он увидел наверху силуэт человека, вырисовывающийся на фоне темного неба.

— Да, черт побери, и я еще жив, и крыса тоже. Так что удвой рацион. Старый охранник рассмеялся.

— Такого приказа не было.

Кусок хлеба ударился о стену, отлетев в сторону. Крыса молнией метнулась к нему. Роун с трудом поднялся, стянув тяжелый металлический ремень и завязав брюки узлом, чтоб не спандали. Они теперь то и дело сваливались с острых, словно ножи, бедер.

Каждое движение рождало тошноту, комом подступавшую к горлу. Силы окончательно покидали его.

Держа ремень за один конец, Роун двинулся на крысу и, подойдя почти вплотную, навалился на нее всем телом. Ему удалось схватить ее в тот момент, когда, казалось, она уже выскользнула из-под него. Колотясь в жидкой грязи, крыса завизжала, пронзительно и отчаянно, как женщина, и в воздухе повисло зловоние страха.

Но тут Роун почувствовал, как колени его разъезжаются. Он хлопнулся лицом в грязь, однако это не помешало ему со звериным удовольствием ощущать предсмертные конвульсии животного. И даже когда крыса замерла, он, все еще до конца не веря в это, сдвинул пальцы на ее горле. Изнурительный голод и слабость постепенно, день за днем, убивали его. Он знал это, но не хотел смириться. Он содрал шкуру с грызуна острой пряжкой ремня и накинута на еще теплое, вонючее мясо.

Лихорадка отступила только через три дня. Роун пытался восстановить силы, насколько было можно, двигаясь по дну ямы и делая элементарные физические упражнения. Труднее оказалось тренировать сознание. Иногда день пролетал незаметно,

как одна минута, а вот ночь тянулась до бесконечности. Разнообразие вносил лишь дождь, когда вода поднималась до колен, плохо впитываясь в размокшую жижу. Время тянулось монотонно и долго... Но вот наступил день, когда не пришел старик с хлебом. Роуну ничего не оставалось делать, как ждать. Ждать вопреки всему. Звезды на небе появлялись и исчезали, снова появлялись, а к Роуну никто не приходил. И ему стало казаться, что он давно уже умер и именно такой должна быть смерть — бесконечная боль, ожидание, а весь мир — всего-то маленькая яма и крохотный круг недостижимого неба над головой.

Роун лежал неподвижно, мечтая уснуть и увидать во сне Стеллери и какую-нибудь пищу. Он задремал. И действительно увидел Стеллери, она кормила его массой деликатесов из разных миров, поила его великолепным земным вином... А потом все это исчезло; где-то в темноте призывно кричал Гом Балж... И Генри Дред тоже кричал...

Роун с трудом разлепил спекшиеся веки. Нет, это не сон, кто-то и впрямь кричит там, наверху. Роун напрягся. Чья-то голова вырисовывалась на фоне неба. Роун увидел веревку, болтающуюся прямо перед ним. Неужели это реальность? Ненкоторое время он боялся к веревке притронуться, а вдруг это все еще сон... Слишком долго он ждал этой минуты...

Но он все-таки протянул руку, почти ни на что не надеясь, и почувствовал веревку. Люди сверху что есть сил кричали, просили надеть петлю на запястья. Роун машинально сделал это и сразу почувствовал, как веревка натягивается, вытаскивая его вверх. Резкая боль прострелила руки, он попытался ухватиться за веревку, но не удалось. Его снова тащили на веревке, но только теперь уже вверх. И все равно ему казалось, что конца этому проклятому подъему не будет.

А потом его подхватили крепкие руки, подняли и опустили на твердую землю. Над ним склонилось широкое уродливое лицо гука.

— Ну и ну, босс! — только и воскликнул Сидис.

А у Роуна вдруг мелькнула мысль, что, наоборот, идет дождь, потому что по широкому конжистому лицу Сидиса сбегали капельки.

— Ну, ребята... свой шанс вы не упустили, — наконец вымолвил и Роун.

Появился Аскор, ухмыляясь своей привычной кровожадной усмешкой. И эти лица для Роуна были приятней, чем все остальные, когда-либо им виденные. Он улыбнулся, хотел что-то еще сказать, но растворился в бездонной мягкой ночи.

— Ешь медленно, — откуда-то издалека донесся до него раздраженный голос. — И не торопись.

Роун зажмурился от нестерпимо яркого света, миска дрожала в его слабых руках. Врач, сидевший возле, после внимательного осмотра удивленно присвистнул.

— Я даю тебе огромную долю витастина, — сказал он. — Примерно через час ты почувствуешь себя человеком. Но не увлекайся, если, конечно, нет особого желания, — добавил он.

Аскор и Сидис запихнули его в душ и дали щетку для мытья, потом уложили спать, и к тому времени, когда наконец он очнулся, была готова подогнанная под его костлявую фигуру униформа.

Собственное отражение в зеркале показалось чужим и страшным — тощий, незнакомый станрик с высохшим лицом и запавшими глазами. Волосы на висках серебрились белыми ниточками. Но Роун только ухмыльнулся своему отражению.

— Мы живы, — бодро произнес он.

Аскор и Сидис за его спиной тоже улыбались.

— Идемте, ребята, — сказал Роун. — Здесь нам делать нечего.

Уже на борту угнанного сверхсветового лайнера "Блудница Преисподней", после целого часа полета, Роун наконец позволил себе расслабиться в глубоком кресле первого офицера, изучая данные приборов.

— Рад, что вам удалось вовремя появиться, — сказал он. — Однако довольно глупо — проводить подобную операцию вдвоем.

— А мы были не одни, босс, — уточнил Синдис. — С такой-то великолепной

лоханкой... Конечно, нам пришлось почти месяц болтаться в космосе, но времени лететь на старый "Гнев Ненбес" не было.

— Да, увести такой крейсер... отличная работа, — восхищенно заметил Роун. — Глядишь, поднатореете.

— Ерунда, они думали, что сцапают нас.

— Хотелось бы мне на них посмотреть...

— Ты ничего не потерял, — Сидис блеснул осатками зубов и внимательно осмотрел кончик пилки, с помощью которой ухаживал за ними. — Скучотища, да и только. Эти бездельники решили потыкать в нас ружьями.

— И это называется Земной Имперский Флот, — фыркнул Аскор. — Сопляки...

— Они не чистокровные земляне, — возразил Роун. — Шайка сброда, использующая громкое имя. Настоящие земляне на Земле.

— Я это уже слышал, — с сомнением произнес Сидис, но думал... эй, капитан, уж не собираемся ли мы именно туда, а?

— А почему бы и нет?

— Да не знаю, я думал, может, ты останешься работать на Земной Имперский Флот, как старинна Дред...

— С меня достаточно этого Флота, — рыкнул Роун.

Он швырнул Сидису флотскую униформу из голубого полиона, которую прихватил с собой со старого корабля.

— А что мне делать с этим барахлом? — понинтересовался Сидис, крутя в руках земную унинформу.

— Сожги, — приказал Роун.

Глава двадцатая

Солнце, как огромный бриллиант, сверкало на фоне черного космоса по правому борту "Блудницы Преисподней". Даже сейчас уже можно было разглядеть крохотные точки — планеты системы. Роун пытался отыскать среди них Землю по тому описанию, которое дал Старбед. Но для этого необходимо было прежде найти Луну, а она оказалась слишком маленькой, чтобы различить ее с такого расстояния.

Включив приемник, он ничего, кроме космического жужжания, не услышал. Роун взял микрофон и принялся передавать:

— Земной имперский крейсер "Блудница Пренисподней" вызывает ниссийский штаб...

— А почему ты думаешь, что они говорят на общеземном, босс? — нервно поинтересовался Сидис. С тех пор как они увидели мрачный, огромный ниссийский корабль, у него пошаливали нервы.

— Во всяком случае, пять тысяч лет назад они говорили на нем, — заметил Роун.

— Интересно, а когда последний раз пытались прорвать блокаду? — спросил Аскор.

— Триста лет назад, — ответил Роун. — Но им так ничего и не удалось сделать.

— Бравые ребята, — пробормотал Сидис.

— Мы наверняка уже попали в поле досягаемости детекторов, — спокойно произнес Роун. Он быстро проверил систему управления. Небольшой метеорит ослепительно вспыхнул, натолкнувшись на поле отражения корабельного корпуса. На экране появилось изображение.

— Большая куколка, — заметил Сидис.

— Не больше, чем в прошлый раз, — откликнулся Аскор.

— Да, но тот был мертв, — напомнил Сидис. — Что, если этот не мертвый?

— Тогда нас спалят ко всем чертям. А что?

— Да нет, ничего, просто спрашиваю, — буркнул Сидис, и они принялись молча наблюдать за экранами.

Вблизи ниссийский корабль выглядел совершенно так же, как тот, который они

захватили после смерти Генри Дреда несколько лет назад: огромный, молчаливый, мертвый, с незнакомыми иероглифами поперек борта.

Понадобился целый час, чтобы прорезать корпус; и когда наконец затхлый воздух корабля перестал свистеть в проеме, Роун со своей командой, затянутые в скафандры, ступили на его борт. Они прошли по узким, пустым, тусклым коридорам, припоминая прежний маршрут. Ненсколькo раз им попадались кучки пыли и рыбьих костей.

В контрольной рубке на спинке пилотского кресла висел заброшенный военный мундир — первый знак пребывания экипажа на корабле. Роун подошел к контрольному пульту.

— Землянин! — прозвучал в пустоте гулкий голос. — Не двигайся!

Роун мгновенно выхватил пистолет.

— Брось оружие! — голос звучал вяло и отстранено, с отчаянной усталостью.

У Роуна на секунду перехватило дыхание, за его спиной молча стояли Аскор и Сидис.

— Оно тебе не понадобится, землянин, — снова произнес этот же голос. — Я умираю, и тебе незачем стрелять. — Кресло, скользя, развернулось.

Существо напоминало длинный, сморщенный иолионовый мешок, набитый гнилью. Какая-то часть его слегка шевелилась. Роун решил, что это рот.

— Моя телесная форма шокирует тебя, — произнес голос. — Это потому, что мой энергетический уровень на нуле. Но как вы пришли сюда? Где мои люди?

— Не знаю, — едва выдавил из себя Роун. — Ты — первый ниссиец, которого я вижу.

— Я великий Тот, командующий двенадцатью Ордами. Тревога пробудила меня, дремавшего в этой затхлости одиночества. Я звал, но никто, кроме тебя, землянин, не откликнулся...

— Я много лет ждал этого момента, — сказал Роун, — и думал, что будет приятно убить хоть одного ниссийца, но теперь мне этого делать не хочется.

— Значит, войска землян все-таки разбили нас? Я видел наши крейсера, выстроенные на позициях вокруг вражеской планеты. Но никто так и не ответил на мой сигнал... а когда я попытался вызвать родную планету... слушай...

Ниссиец вытянул среднюю часть своего аморфного тела и коснулся переключателя.

— Слушай!

Но Роун ничего не слышал, зато он увидел, как из приемника поднялся целый вихрь бордового дыма. Нет, не бордового, а скорее какого-то неопределенного. Он закружился по рубке и вскоре исчез без следа.

Тот вскрикнул, и этот полный отчаяния звук вдруг тоже превратился в дым, который быстро растаял. Странное аморфное тело ниссийца перенкрутилось, распухло, едва заметно пульсируя, и затем сжалось еще сильнее, чем раньше.

Роун подошел и выключил микрофон.

— Я не понимаю, что это значит, — дрожащим голосом произнес он.

— Это звук опустошения, — пояснил Тот сланбо. — Разве ты не видишь? Не осталось никого, кроме меня. Мы хотели захватить вашу Галактику только потому, что наша собственная была заражена опасными вирусами-паразитами, которые истощали ниссийскую жизненную энергию. Но мы проиграли и погибли. Все, кроме меня. А я столько лет ожидал здесь, на этом корабле, в полной боевой готовности...

— Никто не разгромил ниссийцев, — возразил Роун, — они просто исчезли, и никто не знает когда. А механизмы по-прежнему работали в течение долгих веков.

— Ну вот, теперь умираю и я, — сказал Тот, — а со мной и вся ниссийская раса. Но не стреляй в меня, Иначе я взорвусь, и все вы тоже погибнете. Да и смотреть на мою смерть тоже не стоит.

Это неприятное зрелище. Мы, ниссийцы, сильны, и сила наша заключена во владении тайной, которую вы, люди, называете жизнью...

Роун продолжал наблюдать. Аморфное тело сначала раздулось, выросло до самого потолка, взяв собой половину рубки, потом стало менять цвета, и этот поток красок

буквально гипнотизировал, накрепко приковывая к себе взгляд. Роуну вдруг стало казаться, будто он наблюдает свою собственную предсмертную агонию... А потом, когда Тот стал сжиматься, цвета сконцентрировались и болезненные пятна выступили на его теле. Роун почувствовал, с каким трудом и болью рвется из его собственной груди дыхание. Он вдруг испытал ужас и отчаяние при мысли о смерти, ему хотелось метаться и кричать... Но вдруг этот страх и ужас исчезли, и наступило спокойствие. Он подошел к сморщенной, пустой оболочке на полу, осторожно приподнял ее. Внутри что-то жестко клацнуло.

— Вот это да, босс! — первым опомнился Сидис.

Аскор вытер лицо роговистой рукой.

— Давай сматываться отсюда, шеф.

Роун молча кивнул и отвернулся, испытывая странное одиночество, словно умерла часть его жизни.

Даже с расстояния в триста миль планета кандалась прекрасной. Ночная сторона пропадала во тьме, а дневная искрилась переливами голубого, зеленого и коричневатого цветов. Роун чувствовал, как колотится в груди сердце и как возбужденно горят его глаза. Земля. Дом. Если бы только Генри Дред мог видеть все это!

Корабль нырнул в атмосферу, и гуки с интересом прильнули к экрану, обозревая невиданную панораму.

— Смотри-ка, босс, — ткнул пальцем Сидис, — а они поднялись нас встретить. Может, приведем в боевую готовность пару батарей?

Роун посмотрел на самолеты, которые побленили крыльями далеко внизу.

— Ты же сам сказал, что они нас встречают, — сказал Роун, — и стрелять они наверняка не станут.

Реактивный самолет быстро пролетел мимо, развернулся, как игривая рыбка, и скрылся далеко на западе.

— Хей! — окликнул Аскор, изучивший карты и сравнивавший их с показаниями экранов. — Это же Американский континент, только вверх тормашками.

Сидис включил микрофон и стал вызывать планету вот уже в двадцатый раз. Никакого ответа. Реактивный самолет вернулся, сделал круг и снова унесся прочь.

— По-моему, он хочет, чтобы мы следовали за ним, — размышлял Роун, изменяя курс, чтобы следовать за крохотным самолетом.

Они летели над ослепительно голубой береговой линией и растянувшейся грядой зеленых холмов, над огромным городом, пока самолет не повел их вниз, на просторное бетонированное поле, белое, как береговой песок. Роун опустил корабль аккуратно, стараясь не зацепить широкие полосы разноцветных насаждений, расположенные рядом с причалом. Корабль приземлился мягко, грохот двигателей умолк.

Роун поднялся с кресла, во рту пересохло, колени дрожали. Но это был не страх, а странное, двойственное чувство — радости обретения чего-то бесконечно важного и значимого и боязни потерять это из-за какой-нибудь ерундовой оплошности... совсем как со Стеллеры...

Аскор деловито цеплял оружие на пояс.

— Оставь его здесь, — распорядился Роун. — Эта планета — мой дом, здесь нам оружие не понадобится.

— У нас, гуков, дома нет, кэп, — напомнил Сидис, — но подыграть тебе мы не против. По крайней мере, притвориться не мешает.

Роун вздохнул полной грудью.

— Может оказаться, что нам всем не помешает немного притвориться, — бросил он.

Они спустились из корабля в мир, блистающий солнечным светом. Воздух дарил им букет живых, будоражащих запахов, возвышающиеся за цветочными клумбами аллеи деревьев радовали их глаз своим серебристым поблескиванием при каждом легком дуновении ветерка. Эта идиллическая картина, преподнесенная им природой, так совпадала с образами, воссозданными мечтой Роуна, что он не смог сдержать слез.

— А где же земляне? — поинтересовался Аснкор.

Послышалась тихая проникновенная музыка, словно пропетая порывом ветерка.

— Идемте. — И Роун решительно двинулся по стекляннисто-белому бетону — мимо ряда земных самолетов, слепых и зачехленных; мимо выстроенных в линию пустых разноцветных колясок, без сомнения предназначенных для перевозки пассажиров с самолетов до здания впереди, на крыше которого притулился небольшой вертолет.

Между двумя рядами высоких деревьев с серебристой листвой тянулась дорожка из цветного кафеля. Роун быстро пошел по ней прямо к зданию. Он натолкнулся на прозрачную стеклянную дверь раньше, чем сумел заметить неброскую линнию пазов в такой же прозрачной стене. За этой невидимой преградой располагался целый сад цветов, разделенный на секции высокими панелями, с мини-водопадами и фонтанами.

Однако людей почему-то не было видно.

На секунду поддавшись панике, Роун вдруг вспомнил об Альдо Церис — о прекрасном и печальном мертвом городе и женщине, которая оказалась всего лишь статуей. Но нет, здесь явно жили люди. Люди? А может, ниссийцы все-таки захватили планету?

Не найдя ручки, Роун толкнул дверь, но она не открылась.

Неожиданно послышались торопливые шаги, и из-за деревьев выбежал ребенок, человеческий ребенок, а за ним большое белое животное, в контором Роун узнал собаку. Он видел ее изображение в старой земной книге когда-то давно, еще в детстве.

— Паулинкинс! Паулинкинс! — позвала собанка, а затем бешено залаяла, увидев незнакомцев.

Ребенок остановился перед Роуном, тяжело дыша после быстрого бега. Красивый, розовощекий, золотоволосый мальчик с круглыми голубыми глазами. Он без смущения уставился на Роуна.

Подбежала и собака, почему-то поджавшая хвост.

— Он всего лишь ребенок, господа, — сказала она, еще больше поджимая хвост. — Сущий мланденец. Я не знаю, как он попал...

— Это не ниссиец, — выпалил мальчик. — Он человек. Посмотри, какие у него смешные руки! Посмотри, Талбот!

— Конечно, мы — не ниссийцы, — мягко произнес Роун и ласково потрепал ребенка по златокудрой головке. — Мы — люди, как и ты.

Втягивая подвижными ноздрями воздух, Тал-бот подобрался поближе, стараясь обнюхать Роуна, но при этом не спуская глаз с Аскора и Сидиса, стоявших рядом.

— Это мама или папа? — спросил Паулинкинс. — Забавно пахнет, правда, Талбот?

— Произошла ошибка, господа, — сказал Талбот уже более уверенно.

Похоже, его страх прошел. Он сел на задние лапы, сосредоточенно оглядывая чужаков. Это был большой лохматый белоснежный пес, и Роун мысленно представил, как Паулинкинс катается на его широкой спине, а потом с восторженным визгом скатывается на траву и кладет голову на пушистое, мягкое брюхо.

— Понимаю, — кивнул Роун. — Мы ведь приземлились на незнакомом космическом корабле, любой мог подумать, будто мы ниссийцы.

— Если вы будете так любезны подождать минуточку, господин, я бы проинформировал Совет по Культуре. Видите ли, они ожидали прибытия ниссийского ученого. Им хотелось бы самим поприветствовать вас.

— Хорошо, — кивнул Роун. — Мы подождем.

Вертолет на крыше загудел и взмыл в воздух с легкостью мухи. Аснкор и Сидис, сидевшие под деревьями и нюхавшие собранные цветы, поднялись. Роун вышагивал по дорожке, мысленно практикуясь в общеземном языке. Собачий акцент был более чистым и мелодичным, но некоторые слова Роуну приходилось слышать впервые, иногда он с усилием догадывался о значении той или иной фразы. Как видно, его собственный словарный запас оставлял желать лучшего.

Белая собака вернулась и окликнула Роуна:

— Если вы согласитесь проследовать за мной, господин, вас прилично встретят. Роун повернулся, Аскор с Сидисом двинулись за ним. Он жестом остановил их.
— А вы подождите здесь, — бросил он. — Я и сам управлюсь.
— Как же так, шеф? — нахмурился Аскор. — Мы же всегда держались вместе!
— Здесь мне не нужны телохранители, — сканзал Роун. — Я не хочу, чтобы вы своим видом кого-нибудь испугали.

Стеклянная дверь беззвучно открылась, стоило к ней только прикоснуться. Роун прошел за сонбакой в небольшую комнату, которая изнутри казалась совершенно прозрачной. Весь пол был усажен пружинистой мягкой травой, а легкий ветерок теребил волосы, хотя сплошные стеклянные стены не имели ни одной щели.

Вскоре появилась красивая молодая женщина... Нет, красивый молодой мужчина с ярко-каштановыми вьющимися волосами шагнул навстречу и улыбнулся. Собака прошла вперед нанстороженно и молча.

— Я — Дарел Рейм, ученый, занимающийся миссийской расой, — представился мужчина хороншо поставленным голосом, словно репетировал эту фразу раз сто.

Роун почувствовал, что не может сдержать возмущения.

— Я не ниссиец, — ответил он грубее, чем того хотел. — Я — человек.

— Конечно, конечно, я вижу.

Когда Дарел улыбался, на левой, гладкой и розовой, словно яблоко, щеке появлялась ямочка. Неожиданно Роун почувствовал неловкость и, к своему ужасу, покраснел. Было что-то женственное и трогательное в этой очаровательной и мочке и гладкой коже, к которой хотелось прикоснуться...

Дарел грациозно сел, жестом приглашая Роуна опуститься на сиденье, свитое из виноградных лоз.

— Я... — Роун не знал, как начать и объяснить свое появление здесь. — Я — землянин, — выдал он в конце концов.

Дарел кивнул, одобрительно улыбаясь, а Роун почему-то почувствовал себя настоящим идиотом. Почему? Он не мог этого понять. Ведь раньше при словах "Я — землянин" у него дух захватывало и в нем укреплялось чувство безмерной гордости. Что же случилось, что происходит сейчас?

— Конечно, — подбодрил его Дарел. — Я полангаю, у вас послание от старого ниссийца?

Роун открыл и закрыл рот. Его лицо стало злым.

— Нет у меня никакого послания, — резко ответил он. — Повторяю, я — землянин и вернулся к себе домой. А ниссийцы мертвы.

— Неужели? — Голос Дарела неуверенно дрогнул. — Мертвы? Думаю, такая новость многих заинтересует. Но если вы не от старого ниссийца...

— Я родился на Тамбуле, это там, в Восточном рукаве Галактики, — пояснил Роун. — Там считают, что Земля — миф. Вот поэтому-то я и принлетел узнать — правда это или нет.

Дарел смущенно улыбнулся.

— География никогда не была в числе моих хобби...

— Тамбул — это другая планета, почти в понловине жизни полета отсюда. Его солнце так данлеко, что с Земли его и не видно.

Дарел снова улыбнулся.

— Вы пришли из-за Предела? Вы в самом денле... вернулись из царства мертвых?

— А кто тут говорил о мертвых?

— Не могу в это поверить, — задумчиво пронизнес Дарел, словно разговаривая сам с собой. — Но ваш корабль... и потом... я же уже видел ваше лицо раньше... когда-то! — В его голосе проскользнули нотки страха. Он даже вздрогнул, но улыбка так и не покидала холеного лица. — Ну надо же! Даже мурашки по коже! — И Дарел всплеснул руками.

Роун поднялся со своего удобного ложа. Этот бессмысленный разговор казался ему

нереальным, как сон. Он бросил взгляд на роскошную лужайку, прозрачные стены, на ухоженного, женноподобного мужчину.

— Вы и в самом деле не понимаете, что это значит? Ниссийская блокада снята! Земля свободна. Свободна!

Дарел вытащил тонкий золотой цилиндр, дунул в него, выпустив розовый дым из носа. Сланбая волна дрожи прокатилась по его телу.

— Давно мне не приходилось так нервничать, — сказал он. — Я готов поверить, что вы действительно вернулись из-за Предела. — Он поднялся медленным, плавным движением. — Пойдемте, вы все мне расскажете. Обещаю вам такие развлечения, которых вы никогда не виндывали там... Мой экипаж ждет. Поедьте ко мне. — И он опустил надушенную ладонь на руку Роуна, но тот с брезгливостью ее стряхнул.

— Где мне найти ваших военных лидеров? — требовательно спросил он, оттолкнув ошарашенного Дарела, от изумления выпучившего на него накрашенные глаза.

Роун подошел к стене в надежде обнаружить дверь, не найдя ее, двинулся вдоль прозрачной преграды, но безуспешно. Выругавшись, он повернулся к Дарелу.

— Да выведите же вы меня отсюда! — рявкнул он. — Девять дьяволов! Где все люди? Я же должен им все объяснить!

Дарел грохнулся на стул. Роун непонимающе уставился на него, чувствуя, как нахлынувшая алость постепенно улетучивается.

— Слушай, Дарел! — произнес он, стараясь говорить как можно спокойнее. — Я вырос среди чужаков. В своей жизни я всего добивался силой, хитростью и убийством. Это мои методы... это единственный способ выжить в тех мирах. — И Роун демонстративно ткнул пятерней в небо, словно обвиняя всю Галактику. — Сожалею, если я вас обидел, — уже миролюбиво закончил он.

Дарел улыбнулся сквозь слезы, уверенно поднялся и поправил волосы.

— Вы — удивительный человек, — заметил он. — И конечно, вы хотите встретиться... о, у нас тут так много замечательных людей!

— Здесь все кажется совершенно необитаемым, — отметил Роун. — Где все?

— Они немного смущены... вы понимаете. Мы не вполне были уверены в старом ниссийце.

— Похоже, вы с самого начала меня боялись, — равнодушно произнес Роун.

— Боялся? О, я понимаю, что вы имеете в виду. Нет, нет, конечно. На вас ведь направлены парализаторы.

— А что это такое? — насторожился Роун. Дарел хихикнул.

— Они и на ваших товарищах сфокусированы. Продемонстрировать вам их действие?

— Нет! — Роун бросил встревоженный взгляд на клумбы за стеклом.

Аскор и Сидис стояли рядом, косясь на странное голубое Земное небо.

— Нам нужен ночлег, — сказал Роун, внимательно изучая комнату и стараясь отыскать эти самые парализаторы.

— Ну, мы вам его предоставим, на выбор, — заверил Дарел. — Но почему вы не хотите принять мое приглашение? Это было бы настоящим успехом!

— А как же мои друзья? — спросил Роун. Дарел грациозно выгнул шею, бросив на них взгляд.

— Они такие странные... на вид, — заметил он осторожно. — Надеюсь, вы не против...

— А почему я должен быть против? — снова напелся Роун. — Вы правы, но там, в других мирах, есть куда более странные формы жизни. — И он махнул рукой в сторону неба.

— Их разместят там, где вы захотите, — твердо произнес Дарел. — И если вы уверены, что они не из числа низших...

Роун резко обернулся к нему.

— Черт побери, они мои друзья! — Он ненавидел себя за те сомнения, которые в эту самую минуту закрались в его душу.

Дарел нахмурился.

— У вас довольно резкие манеры, — обиженно сказал он.

— Меня не учили манерам, — огрызнулся Роун.

— Но, полагаю, постепенно вы откажетесь от того, что присуще Тому миру. — Как бы извиняясь, Дарел улыбнулся и направился к выходу.

Панели раздвинулись перед ним под тихий, музыкальный аккомпанемент. Выйдя из здания, Роун подозвал к себе Аскора и Сидиса.

— Это — Дарел, — представил он им странного типа, — он определит нам место для жилья...

— Босс, ты сказал — он? — ухмыльнулся Сидис.

Но Роун его не слушал, его внимание привлекли тяжелые, мужеподобные, двуногие животные, тянувшие красивую открытую коляску, бонковые рамы которой отливали золотом, а решетчатая крыша переливалась поблескивающим разноцветьем. Роун в замешательстве остановился, не отрывая взгляда от этих грязных животных.

— Они же люди! — изумился он, наблюдая, как собака аккуратно поправляет на них сбрую. — Неужели вы заставляете землян тягать повозки?

— Только низших, — пояснил оказавшийся рядом Дарел. — Ну, не будут же этим заниматься собаки? Мои в упряжке очень хорошо выдрессинрованы. Дайте им сладости и сами убедитесь, как они будут счастливы. — Он снисходительно улыбнулся, подошел к упряжке и вытащил что-то из мешочка на запястье.

Все это было как в дурном сне, сердце в груди Роуна сжималось, мешая дышать. И это — земляне? Те самые, о которых ходят легенды по всей Вселенной? Аскор и Сидис уставились на запряженных, ошалело открыв рты.

Дарел вручил белый кусочек пищи одному из волосатых существ.

— Вот Ленни, хороший мальчик. Тот взял сладость и, запихнув ее в рот, счастливо мурлыкал.

— Хороший хозяин! — Он едва не перевернул коляску, пытаясь поцеловать ногу Дарела.

— Ну, ну, Ленни. — мягко пожурил его тот. — Какой хороший мальчик, — сказал он, повернувшись к Роуну. — Может дадите другой кусочек Бенни?

— Да вы что, черт побери! — вскричал Роун. — Я бы на их месте... — и шокированно замолк, когда Бенни вдруг разразился потоком слез.

Дарел что-то укоризненно выговорил Роуну, вздохнул и сам протянул сладость Бенни.

— Роун не знаком с нашими обычаями, — отенчески объяснил он запряженному, потрепав человекоподобного по плечу. — Не стоит так перенживать. Бенни хороший. Мы все любим Бенни. Нонни такой симпатичный. Роун, не могли бы им сказать Бенни, что он симпатичный?

Роун растерянно кусал губы. Бенни сердито смотрел на него. Он был так расстроен, что даже не мог есть сладость, его большие глаза выражали абсолютную наивность, и это уже совсем не низалось с квадратной бородой и спутанной гривой его темных волос.

— Бенни симпатичный, — выдавил Роун через силу.

Ленни смущенно и испуганно наблюдал за ними.

— Рабы на Альфе-два, по крайней мере, не радовались своему положению, — размышлял Роун. — Но ведь они даже не были людьми.

— Хм, — на секунду задумался и Дарел. — Вы отталкиваетесь от их внешности. Я понимаю, они... похожи на нас. Ну, а если бы они имели иные формы?

— Не знаю, — резко оборвал его Роун. Он избегал встречаться взглядом с Декором и Сидисом.

— Давайте, садитесь, — буркнул он им.

— В такую-то красоту? — удивленно пронрычал Сидис.

— А вы что, предпочитаете прогуляться на своих двоих?

— Да мы уж лучше прогуляемся, — вставил Аскор.

— Полагаю, от вас мы не отстанем, — поддержал его Сидис.
— Тогда идите. Повозка тронулась.
— Конечно, вам нужна собака. Но не беспонкойтесь, я вам ее подыщу, как только вы устронитесь. У вас будет время принять ванну и вздремнуть. — Дарел весело хлопнул украшенными понвоями по широким, рыжевато-коричневым спинам. — А затем... впрочем... сегодня вечером сами увидите!

Глава двадцать первая

Роун проснулся в кромешной темноте, и глунбокий сон, не желая отступить, продолжал туманнить его сознание. Непривычная тишина, такая, что слышны были даже удары сердца, вернула его к реальности. Роун вспомнил, что находится на Земле в высокой стеклянной башне, в комнанте, полной цветов. Откуда-то дул легкий бриз, принося с собой запах другого мира.

Неожиданно вспыхнул свет, и Роун увидел пенред собой большого, короткошерстного пса, котонрый ему вежливо кивнул.

Добрый вечер, хозяин. Я — Состель, ваша собака... если, конечно, вы не против...

Насмешливо хрюкнув, Роун сел.

Моя собака, — повторил он растерянно, раньше ему не доводилось владеть живым существом.

— Сожалею, что пришлось потревожить ваш сон, хозяин... но господин Дарел так настаивал на вечеринке...

— Все в порядке. Только я голоден. Ты монжешь принести чего-нибудь поесть?

Изящной рысью подбежав к стене, Состель нанжал кнопку, выкатил столик с глазированных фруктами на подносе. Пес подкатил его к Роуну, заодно подставив и стул. Только теперь землянин разглядел, что передние лапы пса очень напоминают человеческие руки.

— И все? — удивленно спросил Роун, глядя на поднос.

— Как обычно, — подтвердил Состель. — Но еесли хотите, я достану вам что-нибудь еще.

— А как насчет мяса и яиц?

— Собачья пища? — казалось, Состель просто не знал, негодовать ему или смеяться.

— Ну, не могу же я есть одни сладости, — рензонно возразил Роун.

— Я сделаю все, как вы хотите, хозяин, — покладисто согласился Состель. — Вас устроят котлеты в солнечном вине и фазаньи яйца из Метрополии?

— Отлично, — приободрился Роун. — На твой вкус.

— Приготовить ванну, хозяин?

— Я же вчера уже мылся, — удивился Роун.

— Ну... это дело привычки...

— Ладно, — недовольно бросил Роун, покосивншись на собаку. — Я довольно невежествен, Сонстель. Спасибо, что пытаешься мне помочь.

Состель вывалил розовый язык в своеобразной собачьей улыбке.

— Я уверен, что вы станете великим Хозяинном. Я чувствую это. Если вы простите глупые собачьи фантазии, господин.

— Ну, если ты не дашь мне выглядеть полным идиотом перед этими приятными существованми, я кое-что смогу тебе простить!

Праздник был устроен в огромном зале с сенребристо-стеклянными стенами, хрупкие колоннны которого, как тростинки, тянулись вверх к с йодам и смыкались под блестящими панелями высоко над головой. По полу из бледно-фиолетового стекла змеились сверкающие отражения. Льющаяся музыка то очаровывала, как полет лебедя, то заставляла сжаться от воинственного нанпора.

Чуть позади, слева от Роуна, стоял грациозный и важный Состель в своем жестком

форменном жакете.

— Держите стакан за петельку одним пальцем, хозяин, — шептал он, — а не всей пятерней...

Роун едва кивнул, будучи предельно скованным от того, что навешанная на него Состелем от всей души куча разноцветного тряпья не только была смешна и нелепа, но еще вот-вот могла с него свалиться, стоило только сделать неосторожное движение. Чувство общей неловкости обонстрялось этим самым парадоксом — с головы до ног окутанный тряпьем, он ощущал себя словно голый.

Гости старательно обходили его своим вниманием, а Состель, напротив, добросовестно называл каждого, кто пропархивал мимо в танце, прикасаясь к партнеру лишь кончиками пальцев. Потрясенный ослепительным светом и обилием цветов, Роун в явной растерянности наблюдал за всем этим. Ему казалось, будто мужчины и женщины, замысловато разодетые, буквально парят в воздухе, отражаясь в многослойном стеклянном полу.

Он осушил бокал, и ему тут же налили снова. Наконец появился Дарел, одетый в розовые одежды, с мертвенно-серебристыми волосами и перистыми крылышками на лодыжках.

— Роун... как чудесно вы выглядите, — он бросил взгляд на Состеля. — А Состель, сукин сын, хороший пес. Но почему он не предложил вам изысканные краски для волос и духи? И еще разные штрихи к портрету...

— Он предлагал, — резко оборвал его Роун, — но я отказался. Слушайте, Дарел, я не собираюсь больше терять времени. Когда вы предоставите мне возможность встретиться в эмиссарами вашнего правительства и военными лидерами?

Гости Дарела с любопытством наблюдали за Роуном. Кто-то хихикнул, но благоразумно тут же замолчал.

— Терять время? — Нос Дарела дернулся, словно его прищемили.

— Я, кажется, снова всех обидел, — в неожиданной тишине проговорил Роун с досадой. — Вы не предупредили, что мне плевать на манеры?

Нервный смешок прошелестел по залу.

— А для вас, похоже, только это что-то и знанчит! — выпалил Роун. — Сплошные манеры! Вам плевать, что Земля снова стала свободным минром... что Галактика открыта для вас?

Дарел положил узкую ухоженную ладонь на его запястье.

— Здесь мало кто верит в мифологию, Роун. Они...

— Какая, к черту, мифология?! Я говорю о тысячах мирах... о миллионах! Ими всеми Земля когда-то управляла!

Послышались редкие аплодисменты.

— Очаровательно, — неожиданно вмешался Дарел. — Так спонтанно, — он покосился на остальных. — Многообещающе, — завершил он.

Роун заметил, что на него пристально смотрит прелестная девушка — изысканная копия Стеллери и в то же время напоминание статуи с Альдо Церис, только живое. Ее губы, изогнутые в мягкой улыбке, напрашивались на поцелуй, а зеленые глаза весело смеялись, образовав нежные складочки в уголках.

— Меня зовут Дэзирен, — представилась она сама. — Я не понимаю, о чем вы говорите, но это очень волнующе.

— Дэзирен будет выступать сегодня вечером, — заметил Дарел. — Она кульминация всего вечера. — Его похотливый взгляд обшаривал ее, как лапающая грязная рука.

— Слушай, — обратился Роун к девушке. — Вечеринка, конечно, прелестная, да и ты такая красивая, что мужчины с ума от тебя сходят. Но кто-то же должен выслушать меня! Произошло самое великое событие за последние пять тысяч лет... хотя Земной Флот уже давно должен был догадаться, что блокада прекращена. Есть парень Тришинист, который голову положит, лишь бы стать командующим оккупационных сил на Земле. Они думают,

что эта планета — настоящая сокровищница, которую можно хорошенько пограбить. Самая богатая добыча всех времен и народов...

Дарел рассмеялся, набрав полный рот дыма, но почему-то поперхнулся. Тут же явился Состель со стаканом воды и надушенной тряпкой. Люди стали потихоньку отходить от Роуна, заскучав от нудных разговоров.

Дарел понимающе улыбнулся и вынул изо рта сигарету.

— На вашем месте, — заметил он, — я бы чуть-чуть сбавил темп. Я понимаю, вы хотите быть великим фаворитом, но ведь надо и меру знать. Не так ретиво, мой друг, не так ретиво, люди этого не поймут.

Роун зарычал. Дарел вздрогнул.

— Вам и в самом деле следовало бы преподать кое-какие приличные манеры, — довольно резко сказал он. — Я бы посоветовал вам, например, оттрастить ногти, сделать маникюр и еще кое-что... на усмотрение Состеля, — он поднялся легким банлетным движением. — А теперь, я думаю, Дэзирен и я...

— Она будет танцевать со мной, — заявил твердо Роун.

Он одним глотком допил вино, отбросил бокал и подошел к девушке. Когда Роун обнял ее, она только удивленно распахнула свои зеленые глаза. Он же, ощутив в своих руках это воздушное, легкое, очаровательное создание, буквально линшил дара речи.

Да, впрочем, слов и не требовалось. Неожиданно для себя он сразу почувствовал музыку, звучащую довольно громко, и его сразу же увлек ритм красивой мелодии, задавшей ритм и человеческому сердцу. Эта музыка проникала очень глубоко, пробуждая древние забытые мечтания.

Когда-то Стеллеры учила его танцевать, и Роун вдруг обнаружил, что до сих пор не забыл ее уроков. Он окунулся в танец, как плавающий, отвыкший от воды, органично тут же ощущает свое умение плавать при первом же соприкосновении с ней. Сначала все наблюдали за ним с любопытством, затем потихоньку расступились, но праву предоставив место и свободу очаровательной паре, исполняющей этот оригинальный навораживающий танец.

Но ничего этого Роун не видел. Он был совершенно поглощен музыкой и девушкой, которую держал в своих объятиях. Все, о чем он так долго мечтал, наконец свершилось, и его существо буквально пело от счастья.

Но музыка прервалась, и Роун с сожалением отпустил Дэзирен, лишь на мгновение задержав ее в своих объятиях, продолжая любоваться прекрасным, испуганным и одновременно восторженным ее лицом.

— Думаю, теперь я знаю, зачем так стремился сюда, — вымолвил он, переводя дыхание. — Мне кажется, я чувствовал, что найду тебя. И теперь уж я тебя не отпущу.

На глаза у нее неожиданно набегали слезы.

— Роун, — прошептала она, — почему... почему ты не приходил раньше... — она неожиданно повернулась и убежала.

На него обрушился целый шквал аплодисментов и возгласов лбраво!". Все смотрели на него... Смотрели — со страхом? К нему подходили настороженно и с опаской, как к прирученному, но все еще дикому зверю. Из глубины зала к нему пробивалась маленькая гибкая брюнетка с такой сложной прической из нагромождения кос и лонконов на ее голове, что, казалось, они способны раздавить ее хрупкое тело. Она приближалась медленной, грациозной походкой, и ее платье, цвета воздуха, пронизанного солнечным светом, колыхалось при каждом шаге.

— Хозяйка Алоизия, — прошептал Состель Роуну, — танцовщица и очень умная женщина.

— Замечательно, — восхитилась она. — Такое прекрасное зрелище времен примитивного дикарства! В какой-то момент я даже испугалась, не потеряете ли вы самообладания и не загрызете ли ее, — Она невольно вздрогнула и улыбнулась, слегка обнажив белый ряд безупречных зубов.

— Я раньше никогда не понимал древней мунзыки, — вставил какой-то мужчина. — Теперь, мне кажется, начинаю понимать...

— Он так к ней подскочил, а потом так обнял! — восхищался другой. — Это что, демонстрация тигриной хватки?

— Это всего лишь танец, — не совсем вежливым тоном ответил Роун и, повернувшись к Состелю, громко спросил: — Это ведь прилично — говорить все, что думаешь, верно?

Расценив это обращение как риторический вопрос, Состель так и не ответил, став с усердием расправлять складки на тунике Роуна.

— На вашей родине все танцуют таким обранзом? — спросила Алоизия, холодно улыбаясь.

— В каждом мире свои танцы. Некоторое время мне довелось жить в цирке, и моя девушка исполняла эротические танцы в пяти разных вариантах.

— Эротические? Как интересно...

Роун был рад, что наконец-то нашлась тема, которая их заинтересовала. Ему хотелось побыстрее отделаться от них и отправиться на поиски Дэзирен. Земное вино ударило ему в голову.

— Частенько это приводило к публичному сонвокуплению, — добавил он без всякого смущения.

— К... к... что вы сказали? — Глаза Алоизии испуганно расширились.

— А что это такое? — где-то рядом прошептал высокий тенор.

Кто-то хихикнул.

— Как собаки! Представляете?!

— В самом деле! А какого вида животное... показывало такой танец?

— Довольно красивая девушка, — подчеркнуто спокойно сказал Роун, припоминая Стеллери. — Я любил ее, — добавил он, чувствуя необходимость хоть как-то защитить память о ней.

— Да он не просто дикарь, — произнес громко голос за спиной. — Уверен, что он из низших.

Роун обернулся. Высокий, широкоплечий землянин стоял рядом, оглядывая его презрительным взглядом. У этого атлета были хорошие мунскулы и крепкая грудь.

— Хозяин Хаг, — прошептал Состель, — извенстный атлет.

— Хаг! — визгливо выпалила Алоизия. — Канкой волнующий контраст: сильнейший человек Ягмли, интересующийся древними атлетическими искусствами... и этот... первобытный мужчина...

— Пожалуйста, — начал Дарел, кладя ладонь на руку Роуна, — думаю...

— Плевать, — оборвал его Роун. — Слишком много всего у вас тут считается неприличным. И — человек, и я потею, истекаю кровью, ем и испражняюсь...

— Роун! — воскликнул Дарел. Алоизия с возмущением отпрянула назад. Состель поперхнулся.

— Пошел вон, — приказал Хаг. — Не знаю, кто тебя сюда привел, но ты не подходишь обществу цивилизованных людей...

— А в Земном Флоте нет ни грамма цивилизованности, — спокойно возразил Роун. — Интересно, что вы будете делать, когда они появятся здесь? Они же смерчем пройдутся по всем этим вашим ухоженным садикам, стеклянным зданиям и приличным манерам. Что тогда вы станете делать?

— Уверен, тридцать тысяч лет культуры понмогут нам, — высокомерно заявил Хаг.

Роун сжал кулак и поднес его к самому носу атлета.

— А знаешь, что это такое? Хаг, морща нос, уставился на жилистый кулак.

— Мне кажется... древние земляне... имели какой-то вид спорта, ну, в общем, они колотили друг друга, складывая руки именно так. Это происходило в коллизе, называемом Мэдисон Сквер Гарден, и победителю вручали виноградный лист... или что-то в этом роде...

Роун замахнулся и без лишних слов треснул Хага кулаком по носу, тем не менее попридержав силу своего удара. Атлет рухнул как подкошенный, утирая кровь с разбитой губы. По толпе пробежал возмущенный ропот.

— Ты... ты, тварь! — поднимаясь, злобно крикнул Хаг.

— Отлично, — радостно бросил Роун. — Ну и что, помогли тебе тридцать тысяч лет культуры?

Гости с напряжением ожидали развязки инцидента. Роун шагнул к Хату и врезал ему еще раз, теперь уже по челюсти. Тот снова свалился с полным недоумением на лице.

— Ты же атлет, — подзадоривал его Роун. — Ну, давай, вставай, дай мне сдачи!

Хаг встал и сжал кулаки, держа их перед собой, затем шагнул к Роуну и замахнулся, но Роун легко отвел мускулистую руку и нанес оченредной удар Хагу в живот, когда же тот согнулся, Роун умудрился вклепить еще и пощечину. Атлет грохнулся на пол и... разрыдался.

Роун наклонился, подхватил его, поставил на ноги и мягко похлопал по щеке.

— Может, тебе это и неизвестно, но слезы в драке еще никому не помогли. Да и вообще, их лучше оставить при себе, а то ведь и засмеять могут. И потом, — наставлял Роун, держа атлета ни шкурку как какого-нибудь паршивого щенка, — никто из них не станет бить так мягко, как я тебя сейчас. Они дерутся куда круче и больнее. А уж если ты упал, — он отпустил руку, и Хаг мешком свалился на стеклянный пол, — то никто поднимать тебя не станет, а ногами добавят... вот так. — И он, для примера, пнул Хага под ребра. Тот взвыл от боли и пополз прочь. Слезы градом текли по его щекам.

— Вставай! — жестко приказал Роун. — Вставай! Разозлись! Примени силу! Только это остановит меня! — Он нагнал Хага, одним движением поставил его на ноги, а потом врезал по подбородку.

От увоженного лица Хага не осталось и сленди — одна кровавая маска.

— Дерись! — все больше и больше распаляясь, орал Роун. — Ну, дай же мне сдачи!

Но вместо этого Хаг отпрыгнул назад, в толпу, однако ее плотная стена вытолкнула его обратно, к Роуну. И тогда он впервые разглядел их лица. Даже не лица, а морды, как у голодных харонов, которые ждут момента смерти старого грасила.

— Убей его, дикарь! — рявкнул какой-то мужнчина, и слюна из разинутого рта потекла на бледно-голубую надушенную бороду.

Алоизия, сверкая ошалелыми глазами, шевенлила длинными, наманикюренными ногтями.

— Вцепись ему в горло! — неожиданно завизжала она на самой высокой истеричной ноте. — Выпей у него кровь!

Роун в ужасе опустил руки. Хаг наконец вынрвался из круга и, рыдая, убежал.

— Хозяин, — восхищенно пробормотал Состель. — О, хозяин...

— Идем, — приказал Роун. — Где моя команда?

Он повернулся, и комната поплыла у него пенред глазами. Земное вино совершенно выбило его из колеи.

— Хозяин, я не знаю, я слышал...

— Найди их! — рявкнул Роун.

Люди шарахались от него, пока он проходил в широкий холл. Полированный черный пол вбирал в себя отражение канделябров и звезд над куполообразным стеклянным потолком. Состель на всех четырех припустил вперед. Неонжиданно из-за тонкой колонны появились две фигуры.

— Аскор! — воскликнул Роун. — Сидис!

— Да, босс.

Они подошли к нему. Роун отметил, что до сих пор на них грубая корабельная одежда. У Сидиса на поясе висел пистолет.

— Я же предупреждал... чтобы никаких рунжей, — заплетающимся языком проговорил Роун.

— Ну, я подумал, а вдруг ты изменишь решение, — предположил Сидис, сверкнув в полунтьме полированными зубами.

— Ах, ты думал, да? — и беспричинная злость нахлестнула Роуна. — С каких же пор ты стал за меня думать? — Роун шагнул, замахнулся, целясь в голову миниды, но промахнулся, едва не с налившись. Сидис даже не двинулся.

— Ну и ну, шеф, — удивленно заметил Аскор. — Да ты пьян!

— Я не пьян, черт тебя побери! — Роун выпрямился, тяжело дыша. — А почему вы до сих пор в этих Дрянных лохмотьях? Почему не вымыли свои уродские рожи? От вас же несет за три ярда. — Отяжелевший язык не слушался его, и это еще больше злило Роуна. — Вы что... хотите меня опозорить? — взревел он. — Убирайтесь отсюда... и не возвращайтесь... пока не приведете себя в порядок!

— С этим можно и подождать, шеф, — заметил Лекор. — Слушай, давай сматываться отсюда. Паршиво тут. У меня прямо руки на этих твоих землях чешутся...

— Они не мои! — завопил Роун, совершенно переставая что-либо соображать. — Но я вам еще скажу, когда мы отсюда улетим...

— Он прав, босс, — оборвал Сидис. — Этот мир нам не подходит. Давай отчаливать. Только мы вдвоем, как раньше...

— Я — капитан паршивого бродячего зверинца! — заорал Роун. — Когда соберусь поднять конрабль, я сам вам скажу! А теперь убирайтесь! Проваливайте отсюда!

— Хозяин, — прошептал Состель.

— И ты, урод, пошел вон! — Роун пошатнулся и закрыл руками горевшее лицо.

Казалось, все вращается вокруг него и опронкидывается, а сознание медленно отделяется от тела и уплывает куда-то вверх. А потом сверху на него обрушился огненный ливень, и когда он наконец прекратился, наступила крошечная тьма...

Роун сел и огляделся, в ушах шумело, в висках колотился пульс. Лицо перед ним предантельски расплывалось.

— Он очнулся! — сообщил кто-то.

Чья-то рука сунула ему стакан с тонкой ножкой. Он жадно выпил содержимое и выронил бонкал. Накрашенные глаза Дарела нетерпеливо наблюдают за ним.

— Роун! Ты просто прекрасен, когда спишь с открытым ртом. Эта капелька пота на лице...

— Где Дэзирен? — перебил его Роун.

Голова болела, но язык наконец-то развязался.

— А? Ну, она готовится к выступлению...

— Я хочу ее видеть. — Роун поднялся, неуклюже опрокинув столик. — Где она?

— Знаешь, Роун, — Дарел завладел его рункой, — тебе надо смириться с ролью пациента... не надолго... а потом ты увидишь ее, — он нервно захихикал. — Увидишь, поверь мне. Она ведь тебе понравилась, верно? Ты... ты желаешь ее?

Роун взял Дарела за плечи и приподнял над полом.

— Держись от меня подальше, — прорычал он и отшвырнул от себя землянина.

Комната снова поплыла перед глазами, лица исчезли в тумане, и только дружеская морда Состеля маячила где-то рядом.

— Где она, Состель? — спросил Роун. — Куда делась?

— Хозяин, я не знаю, — взмолился пес, слегка подвывая. — Это не дело собаки.

— Конечно, она мне нравится, — громко пронизнес Роун. — Я люблю ее! — И он пинком отбронсил со своей дороги изящный стул. — Я тоже ей понравился, ведь верно? — Он повернулся к сонбаке. — Ну, разве нет?

На морде Состеля появилось чисто собачье выражение.

— Без сомнения, хозяин.

— Ты так считаешь?

— Конечно. Она замечательная леди и достойна вас, хозяин.

Роун вслушивался в эти слова и понимал, что чего-то в них до конца не улавливает.

— Я должен ее найти. Я не могу убраться из этого дурдома, пока не найду ее. — И он уверенно двинулся вперед.

Люди шарахались от него в разные стороны, поднимая гвалт, словно шумная стая птиц, слентевшаяся на свое пиршество.

— Я помогу вам, хозяин, — сказал Состель. — Сделаю все, что от меня зависит.

— Ты чертовски хороший пес, Состель. Девять дьяволов, ты — единственный друг, которого я здесь встретил...

— Хозяин! — казалось, Состель был совершенно шокирован. — Это не дело — называть собаку другом...

Роун расхохотался.

— Полагаю, мне никогда не научиться вашим правилам, Состель. Я слишком поздно пришел... слишком поздно.

— Хозяин... а может, ты и меня забереешь с собой...

— И ты туда же? Да у вас тут что, заговор? Я же тебе сказал" не уйду отсюда до тех пор, пока не найду Дэзирен! — На пути попался стонлик, Роун и его как следует пнул ногой.

— Роун, Роун, — позвал чей-то дрожащий гонлос.

Он остановился, пытаясь разглядеть зовущего. Дарел тут же подскочил к нему, его волосы беспорядочно выбивались из-под шапочки. Он пытался улыбнуться, но это у него плохо получалось.

— Ты хочешь видеть Дэзирен?.. Я тебе обещаю, ты ее увидишь. Только подожди немного. А сейчас пойдем со мной... вечер только что нанчался. Мы наметили кое-что интересное, и ты должен все посмотреть! Это будет величайшее сонбытие века... всей твоей жизни! А в заключение — Дэзирен!

— Состель, он врет? — поинтересовался Роун и двинулся к землянину, которого почему-то затрясло, как раба с Альфы-два, ожидающего удара.

— Хозяин, — жалобно заскулил Состель. — Хонзяин Дарел говорит правду...

— Тогда пойду...

— Ты останешься доволен, Роун, — снова разнглагольствовал Дарел. — Уж так доволен...

— Неважно. Куда мы идем?

— Сначала пообедаем. Ну, после танцев и... волнений... стоило бы подкрепиться, как ты думаешь? — он хихикнул. — А потом... ты посмотришь чудесные вещи... все удовольствия Земли ожидают тебя сегодня вечером! — И он затанцевал прочь, зазывая других.

Роун последовал за ним, на ходу объяснив Состелю:

— Ну, если ничего другого не остается, можно и погоняться за удовольствиями.

Глава двадцать вторая

Холодный ночной воздух немного прояснил мысли. Роун глянул вниз из открытого флаера, в котором он сидел с Дарелом и двумя женщинами, потягивающими из маленьких бутылочек напитки. Вместе с ними на шелковых подушках лежали их собаки. Вокруг сновали воздушные шлюпки, как стайки расторопных рыбок, разданвался смех и громкие возгласы.

Собака, пилотировавшая машину, опустила ее на крышу высотного здания из светящегося желтого стекла. Роун прошел вместе со всеми через центральные двери, выглядевшие тяжелым монолитом, но в действительности с легкостью распахнувшиеся перед ними с переливающейся трелью маленьких колокольцев. Раскрасневшиеся лица с горящими глазами мелькали вокруг него, но Дэзирен он среди них не узнал. Высокая девушка с тяжелой шапкой золотистых волос приблизилась к Роуну, демонстрируя голые руки цвета слоновой кости. Она бросила на него мнонгообещающий взгляд из-под полуопущенных веки зазывно приоткрыла губы, показав кончик ронзового языка. Роун

ухмыльнулся во весь рот и потянулся к ней. Она вздрогнула и отпрянула назад, словно ее ударили плетью. Роун расхохотался и стал проталкиваться вслед за Дарелом.

Когда он вошел в зал, то растерялся, глаза разбежались от обилия гостей и вина. Не сдерживая себя в питье, он поначалу чувствовал себя совершенно трезвым, и голова работала с удивительной ясностью.

Аккуратно одетые собаки чинно разносили еду. Роун ел много и жадно, в то время как его товарищи пробовали всего понемногу и не забывали наблюдать за происходящим.

— Вы, земляне, знаете, как готовить еду, — заметил Роун белокурой девушке, перехватив ее взгляд. — Это намного лучше, чем пожирать сырое мясо.

При этих словах Фригет, так звали девушку, судорожно сглотнула, похоже, почувствовав дурноту. Она протянула было руку, чтобы положить ее на запястье Роуна, но тут же ее машинально отдернула.

— Ты странный, — прошептала она. — Интересно, о чем ты думаешь? Твоему мозгу семнадцать тысяч лет, да и сам ты слишком много брандужничал по Вселенной...

— Я думаю о многом, — осторожно произнес Роун, стараясь рассуждать здраво и трезво. — Например, о ниссийцах и о том, что люди погубили себя в этой неравной борьбе, поверив в слухи и домыслы о разных призраках.

— Старый ниссиец, — задумчиво произнесла Фригет, теперь уже безбоязненно прикоснувшись к руке Роуна. — Я всегда полагала, что это всего лишь глупый предрассудок...

— Я совершил грубейшую ошибку, прорвав ниссийскую блокаду, — с сожалением заметил Роун. — Я не освободил Землю, а лишь вдребезги разбил миф о ниссийском флоте. Теперь планета беззащитна перед грязными подонками вроде Тришиниста. Они все скоро явятся сюда, и тогда Земля станет не лучше Тамбула.

Фригет стала искать свою собаку Илеп, чтобы та подправила ей макияж.

— Нам нужен новый флот, — не чувствуя сонбеседника, продолжал Роун. — У Тришиниста есть корабли, чтобы перевезти пятьдесят тысяч человек. Но ведь у вас в секретных ангарах под землей тоже есть корабли. Вам надо оснастить их оружием, научиться пользоваться им и выработать тактику обороны.

Фригет нахмурилась.

— Действительно, для человека, вышедшего из-за Предела, ты говоришь странные вещи. Сканжи, как чувствует себя человек, которого убивают? Что испытываешь, умирая сам?

— Скоро сама это узнаешь, — грубо оборвал ее Роун.

Неожиданно он почувствовал себя плохо, сердце из него готово было буквально выскочить, голова разрывалась. Он последний раз хлебнул вина и положил голову на край стола, закрыв глаза. Фригет поморщилась и встала.

— Боюсь, он становится скучным, — сказала она кому-то. — Дарел, давай пойдем в музей. Они, вероятно, уже начали.

— Они не посмеют без нас! — встревоженно возразил Дарел. — Ведь все это готовил я!

— Еще как посмеют...

— Роун! — Дарел тряс его за плечо.

Роун поднял голову и увидел перед собой толпу зевак, лица зыбко расплывались в черноватом тумане.

— Идем, Роун! — Дарел схватил его за рунку. — Ты опять уснул, глупый мальчишка! Но мы уже все собрались идти в музей!

— Идти куда?

— В музей Славы Человека! Идем! О, да тебя трясет! Роун! Это древнее, очень древнее место... на самой окраине города. Там поселились ужас и тьма... но это же замечательно, правда?! Там хранится вся... вся земная история. Мы сохранили в музее все, как было... до особого случая. И вот этот особый случай настал. Сегодня пренвосходная ночь!

— Забавное местечко... для вечеринки, — протянул Роун, но все-таки поднялся и, пошатываясь, двинулся за смеющейся и болтающей толпой.

На крыше сустились собаки, усаживая своих хозяев в припаркованные флаеры. Несколько маншин уже парило в воздухе, ожидая остальных. Роуну казалось, что все это — дурной сон, в грунди теснилось предчувствие наступающей катастрофы. Рядом мелькнули широко открытые, пенрепуганные собачьи глаза. Даже Состель неуклонже замешкался, открывая дверцу флаера. Рука Роуна машинально потянулась к поясу, но оружие он так опрометчиво оставил на корабле.

— Аскор, — вспомнил он неожиданно. — И Сидис. Где они? — Он приподнялся на сиденье, но флаер рванул вверх, и он повалился на подушки.

— Они больше не станут тебя беспокоить, — заметил Дарел. — А теперь только подумай, Роун! Вещи, которые трепетно хранились нашими предками пять тысяч... десять тысяч лет назад...

— Что ты имеешь в виду? — пытаюсь хоть что-нибудь сообразить, спросил Роун. — Кто — они?

— Роун, ты что, не помнишь? Ты же сам отправил их прочь...

— Состель, — Роун попытался встать, но почувствовал неожиданную слабость во всем теле, перед глазами поплыли разноцветные круги.

— Хозяин, это правда. Ты приказал им остановить тебя в покое. Но они схватили тебя и понтажили, тогда ты стал отбиваться, а потом... понтом хозяин Дарел был вынужден вызвать коннвойных.

— А это кто такие? — Роун слышал свой собственный, почему-то вдруг охрипший голос откуда-то издали, как раскаты далекого грома.

— Специально натренированные собаки, хозяин, — пояснил Состель настороженно. — Ими рунководит Котшай — каратель.

— Они... они?

— Ваши товарищи дрались отчаянно, хозяин. Они убили много собак. Их удалось схватить, только когда на них навели парализаторы.

— Так они живы? — Темнота перед глазами постепенно рассеялась.

— Конечно, хозяин! — заверил Состель, словно и не допуская испугавшей Роуна мысли. Успокоившись, Роун заржал.

— Ну, тогда все в порядке. Этим ребятам к тюрьме не привыкать, а завтра утром я их оттуда вытащу.

Они опустились на широкую, плоскую крышу древнего дворца. Роун шел, пошатываясь, опираясь на лапу Состеля.

— Меня тошнит, — сказал он. — С тех пор как я обгорел, когда Генри Дред захватил Экстраваганзоо, мне никогда не было так худо. Правда, тогда меня вылечил доктор... а вот вылечить Стеллери он так и не смог. Ее убило хромолитонной балкой, а потом ее тело... сгорело...

— Да, хозяин, — утешал его Состель.

— Гом Балж умер от перегрузки при ускорении. Но я тоже убивал. Я убил Диска, а потом и Генри Дреда. Ты ведь его не знал, верно, Состель? А вот Железный Роберт... он умер ради меня...

Наконец они вошли в здание. Голоса толпы напоминали крики птиц, дерущихся на мусорной куче; расплывчатые лица, появившись, тотчас исчезали. Вокруг рядами стояли высокие стены со стеклянными витринами. Кто-то назойливо что-то нашептывал Роуну на ухо, но он, не обращая ни на кого внимания, двинулся к ближайшему стенду.

— Это коллекция знаменитых драгоценных камней, хозяин, — пояснил Состель. — Природные минералы, найденные на Земле и собранные людьми. За свою красоту и необычность они удостоились вечного хранения в музее.

Роун уставился на многочисленные ряды сверкающих обработанных кристаллов — красных, зеленых, бледно-голубых, фиолетовых, чисто белых...

— Это изумруд Наполеона, — объяснил Состель, — древнего военачальника. А ниже рунбин — Сердце Будды, когда-то был объектом поклонения пяти миллиардов паломников. А здесь, еще ниже — бриллиант Айсберг, говорят, самый большой и восхитительный из когда-либо найденных в Антарктиде.

— Смотри-ка, Роун, — окликнул Дарел. — Это называется деньги. Они содержат твердое природное золото, и в древние времена ими обменивались... меняли их на вещи, — добавил он без твердой уверенности. — Вообще-то довольно скучно. Пойдем в другой зал, там есть потрясающие вещи...

Роун последовал за ним, таращась на затемненные стены, увешанные вещами, совершенно разными и неповторимыми. Некоторые из них были примитивны, вроде грубого оружия диких людей с Альдо Церис, они отличались мощью и варварской красотой. В других ощущалось изящество и утонченная культура, их предназначение оставалось для Роуна полнейшей тайной. Вдоль стен тянулись и тянулись изнутри освещенные стенды с диковинными экспонатами из металла, камня, дерева, стекла, тканей, синтетике...

— Смотри! — Дарел бесцеремонно пихнул Роуна в бок. — Эти одежды сделаны из волокон, растущих из грязи. Люди каким-то образом отскребали их до чистоты, соединяли вместе и красили... фруктовым соком или чем-то таким. Затем разрезали на куски и прикрепляли их друг к другу маленькими ниточками. И это называлось посев...

— Нет, посев, это когда сажали растения... из которых получались волокна, — вмешался кто-то. — Но разве не забавно?

Роун таращился на выставку древних одежд. Кое-что потеряло форму, поблекло или побурело от времени, не спасла даже вакуумная защита выставочного стенда. Другие предметы были ему знакомы.

— Видишь эти старые искусные вещи? Люди втыкали их друг в друга! — прокомментировал высокий, возбужденный голос. — А этот предмет со странными формами производил что-то вроде света и делал дырку в людях... наверное, вытесало огромное количество крови...

Роун остановился, глядя на ярко-голубой мундир и узкие серебристо-серые брюки. На пряжке ремня вместо голубя красовался орел со словами: "Земные Космические Силы".

— Это похоже на форму Земного Имперского Флота, — отметил он, — но сделано до появления Империи...

Дарел стоял рядом с Роуном, задумчиво морща нос. Затем он вдруг бросил взгляд на рыжеволосого землянина, и глаза его напряженно расширились.

— Ты! — со страхом и смущением выдавил он. — Я знаю, где видел твое лицо! Идемте все со мной, я покажу! — Он повернулся и куда-то понёбежал.

— Что это с ним? — проворчал Роун, но все-таки двинулся за Дарелом.

В маленькой комнатке, далеко от главного зала, толпа собралась вокруг освещенного стенда. Когда Роун подошел, они молча расступились, пропуская его. Он остановился перед высокой стеклянной панелью, глядя на туманное изображение. Роун поморгал, стараясь сфокусировать зрение. Перед ним стояла затянута в униформу фигура мужчины, опиравшегося на корпус изящного, но примитивного космического корабля. Голубые, словно холодное пламя, глаза, смотрели на Роуна из-под опущенных век. Темно-рыжие волосы были коротко пострижены, хотя над манкушкой торчал упрямый завиток. Глубокий гонгос, записанный на пленку, произнес из щели под витриной:

— Вице-адмирал Стюарт Мердок, запечатленный в последние моменты перед стартом. Известен как герой в битве за Церис и осады Колистовских Редутов. Погиб в открытом космосе в 11402 году Атомной Эры.

— Хозяин, — прошептал Состель благоговейно в наступившей тишине. — Это ты!

Роун повернулся и посмотрел на Дарела.

— Как это?.. — начал он.

Он нервно ощупал себя, словно удостовераясь в собственном существовании и наличии. Да, он здесь — Роун Корней, он жив и здоров... По вот остальные, как видно, в

этом засомневались, потому что в страхе отпрянули от него, будто он и впрямь был выходцем с того света... как древняя фигура на стенде.

Роун неожиданно дико расхохотался.

— Я, конечно, хотел знать, кто же на самом деле мой отец, но никак не предполагал, что ему в то время уже было семнадцать тысяч лет.

— Он... действительно... — Дарел нервно облизнул губы и повернулся к остальным. — Вы что, не понимаете? Он действительно вернулся из-за Предела, как я говорил! Он вернулся из мертвых!

— Нет, — раздался громкий мужской голос. И среди толпы неожиданно появился Хаг, с ссадинами и синяками на лице. — Он относится к низшим, и его надо сдать собакам.

— Он вернулся из мертвых! — закричал Дарел. — Идемте! Это же легко доказать!

— Генетический анализ! — поддержал кто-то. — В следующем зале...

— Роун, ты им всем докажешь, — почти не дыша выпалил Дарел, заглядывая Роуну в лицо. В глазах Дарела зажегся странный, бешеный огонь. — А потом... ты расскажешь мне, как чувствует себя человек, когда умирает... и снова воскресает.

— Ты ненормальный, Дарел, — оборвал его Роун. — Вы все ненормальные! — повысил он голос. — А я больше всех, если торчу тут с вами и слушаю все это, — он осекся. — Все, достаточно. Завтра я уйду отсюда вместе с Аскором и Сидисом. — Они — ребята по мне, я их понимаю. И пусть они не знают хороших манер, но они ренальны, как нормальный мир...

— А ты возьмешь меня с собой, хозяин? — прошептал Состель.

— Конечно, собака — лучший друг человека, ведь так? — Роун покачнулся, едва не упав.

Он с трудом соображал, что происходит вокруг. Состель вел его, а Дарел рысью неся вперед, через высокую арку, под которой горело пламя на подносе. Они прошли в большую комнату, в которой шаги отдавали гулким эхом.

— ...классифицирует личности, желающие внести вклад в генетический банк, — тараторил Дарел. — Здесь, в зале Человека, содержатся все записи...

— Моего генетического образца здесь быть не может, — перебил его Роун, на какую-то долю секунды слегка протрезвев.

— Да он боится! — торжествуя выкрикнул Хаг. — Ведь теперь-то все увидят, что все это время он только притворялся!

Роун смотрел на поблескивающее оборудование, высокие металлические панели с разноцветными огоньками.

— Положи свою руку сюда, Роун, — настаивал Дарел.

И он указал на небольшое отверстие. Роун без колебания положил руку и ничего, кроме легкого укола, не почувствовал. А затем послышалось мягкое жужжание, и пластиковая карточка появилась из генетического анализатора. Дарел схватил ее, жадно впившись взглядом в написанное, а затем повернул торжествующее лицо к остальным:

— Это он! Это Стюард Мердок, вернувшийся из мертвых!

Затем все снова потонуло в пустоте, пока они наконец не оказались в огромной комнате, где древние флаги свисали с почерневших от времени стропил.

— ...Церковный зал. Ему более тридцати тысяч лет. Его создатели пытались донести до нас мысли о тяжелом труде, человеческих слезах и душевной боли, с которыми приходили сюда древние предки... — доносился восторженно-возбужденный голос.

— О чем это он? — поинтересовался Роун. — Что это за старое здание? Оно напоминает мне развалины Тамбула...

— Это очень древнее здание, хозяин, — встанвил Состель.

Где-то в полутьме вспыхнул яркий огонь.

— ...в течение многих веков они создавали все это — для нас! И теперь в одну ночь, в один час вся эта тридцатитысячная история Земли исчезнет навсегда! Мы ее разрушим!

Роун наблюдал, как какой-то хрупкий мужчина в развевающихся светлых одеждах

выбежал вперед и поднес факел к основанию деревянной колонны. Пламя взмыло вверх. Через мгновение оно достигло поблекших вымпелов, и они исчезли в дыму. Огонь побежал дальше по остроконечному высокому потолку. Толпа заорала, пондавшись вперед. Неожиданно одна из женщин начала яростно биться в истерике, с диким вопнем, с перекошенным ртом и безумными глазами она сорвала с себя одежду и швырнула ее в огонь. В тупом шоке Роун заметил, что на ее теле нет ни одного волоска.

— Что-нибудь острое мне! — завизжала она и, схватив зазубренный кусок дымящегося дерева, дважды ударила им в свою грудь и живот. Хлынула кровь. Женщина взвыла и потеряла сознание. Подскочившая к ней собака унесла ее из зала.

— Назад! — рывкнул кто-то.

Потолок превратился в сплошное пламя, дым забивался внутрь, выедал глаза. Роун невольно стал пятиться, затем повернулся и побежал. За его спиной со страшным грохотом рухнула крынта, волна обжигающего воздуха хлестнула по спине, фейерверком далеко разбрасывались искры...

Роун выскочил на верхнюю широкую лестничную площадку, где группа мужчин пыхла под тяжестью черной статуи атлета.

— Посмотри на него, Роун! — окликнул Дарел. — Разве он не прекрасен? Труд, надежды, конторые воплощены в этом образе. А теперь...

Статуя с гулким грохотом опрокинулась и понкатилась вниз, круша в пыль и мраморные стунпени. Голова отлетела, задев одного из поднимавшихся вслед за Роуном мужчин. Тот с воплем рухнул, как подкошенный. Толпа с любопытством тут же сгрудилась вокруг него.

— Хозяин, тебе плохо? — напомнил о себе Состель. — Позволь мне доставить тебя домой.

— Подожди. Я должен увидеть Дэзирен, — Роун тряхнул головой, спускаясь по лестнице.

Впереди него Дарел тащил огромную картину в тяжелой раме, затем он швырнул ее через пенрила, прямо на статую девушки с кувшином. От холста остались одни ошметки.

— Мона Лиза, — пропел Дарел, довольный сонбой. — Единственная в мире! А я взял — и уничтожил ее! — Он торжествующе повернулся к Роуну. — О, Роун, разве это не придает уверенности в собственных силах?! Наши древние предки сонбрали все это! Ну а мы вправе поступать с этим богатством так, как нам хочется! Они создали все это, а мы — уничтожим! Разве это не уравнивает нас с ними?

Но Роун почти не слышал его, он смотрел на гигантскую, из белого мрамора, полнотелую женнчину в полуспущенной тунике. Ее уже успели покалечить, отбили ей руки.

— Стыдно, — пробормотал Роун. — Зачем надо было все это разрушать?! — Перед его глазами снова все поплыло, он почувствовал, как весь мир переворачивается и падает.

— Глупости, не я один, — бросил Дарел. — Она была раньше разбита, а я лишь завершу начантое! — Он подскочил к статуе и толкнул ее.

Но статуя не двинулась. Дарел скорчил недовольную физиономию, схватил портрет одноухого мужчины и швырнул его вниз.

— Жарко здесь, — пробормотал Роун, — очень жарко.

Пол уходил из-под ног, стены вращались все быстрее и быстрее. Он оперся на перила, затем опустился на ступеньки. Люди носились, как грасилы во время линьки, все вокруг себя крунша и ломая. Кто-то даже костер запалил прямо в комнате — ив огонь полетели картины. Рушились мраморные и бронзовые статуи, пол ходуном ходил от тяжелых ударов при их падении.

— Вот это ночь! — восхищался Дарел. — Когда-то давно люди создали Лувр, Великий Дворец Искусств и Императорский Сад... Мы сохраняли нее это до особого случая, и вот сегодня, в твоём присутствии...

Роун вскочил, отгоняя черноту.

— Все, я больше не могу ждать, — рывкнул он, перекрывая шум. — Где Дэзирен?

— Роун! Да забудь ты о ней хотя бы сейчас! Скоро ее выступление. А до этого нам предстоит еще много замечательных забав...

Появилась Фригет, поправляя на затылке пряди пшенично-золотистых волос, выпачканных сажей.

— Мне скучно, — сказала она. — Дарел, давай пойдем на представление.

— Но ведь еще много чего осталось, — кричал он, пританцовывая вокруг нее. — Книжки, например! Мы ведь их еще не трогали, и записки, старые фильмы и... и...

— Я ухожу, — Фригет надула губы. Роун смотрел, как огненные блики играют на ее лице. Она не выдержала его взгляда.

— Не смотри на меня так, — воспротивилась она. — Ты так странно смотришь...

Роун глубоко вздохнул, на него накатила нонвая волна дурноты. Он попытался улыбнуться.

— Если бы у вас за плечами было семнадцать тысяч лет, вы бы тоже выглядели странновато.

Роуну стало казаться, будто он видит все сквозь какую-то полупрозрачную ширму. Дарел выглядел крохотным и далеким, а пол почему-то накренился, и на нем было трудно удержаться. Дикий, резонирующий вой ударил его по ушам, лицо пылало.

— Я хочу видеть Дэзирен, и немедленно, — жестко сказал он.

— Замечательно. — И Дарел окатил Фригет холодным взглядом. — Зануда!

Глава двадцать третья

Они оказались в комнате, обитой затертым бархатом и обсыпанной шелушащейся позолотой. Крохотные огоньки — как звезды в открытом космосе — освещали помещение. Перед Роуном были ряды сидений, расположенные по наклонной к сцене, над которой висели небольшие-балкончики. И все это немалое пространство кишело возбужденной, многоголосой толпой мужчин и женщин, перепачканных сажей.

— Сегодня, Роун, вы увидите нечто такое, — произнес Дарел низким, дрожащим от волнения голосом, — чего вам не доводилось видеть раньше. И это покажет Дэзирен.

— А что она будет делать? Играть на каких-нибудь инструментах? Петь? — От одной мысли, что он снова увидит ее, пульс забился в висках.

Роун невольно вспомнил Стеллери с ее эротическими танцами. Наверняка Дэзирен не станет делать ничего подобного...

— Хозяин, — жалобно проскулил Состель, — пожалуйста, позволь привести врача, чтобы он осмотрел тебя.

— Ты уже дал мне какую-то дрянь, — огрызнулся Роун. — Не надо, со мной все в порядке.

Голубой туман за клубился по сцене. Из него как бы выплыл небольшой серебристо-голубой пенсик, подвывавший так пронзительно, словно пел какую-то жалостную песенку. Синий свет исчез, его сменили пастельные тона — розовато-лиловый, голубоватый, желтоватый и дождливо-сенрый. Песня голубой собаки завершилась визгом, и Состель, сидящий возле Роуна, невольно вздрогнул. Теперь Роун сумел различить и друнгую выплывшую из тумана фигуру. Женщина в прозрачном одеянии, окутывавшем ее с головы до ног, прошла вперед, сброшенный на ее лонконы воздушный шарф легкими волнами спадал с ее головы. Это была Дэзирен.

Музыка звучала мягко, спокойно, почти убаюкивающе. И Дэзирен двигалась легко и грациозно, как бы играя в тумане. Затем темп музыки и ее звуки заметно изменились, послышался нанстойчивый и повелительный бой барабанов. Роун прислушался к дыханию Дарела и почему-то вспомнил ужасный барабанный бой в цирке, в ту самую ночь, когда он, застыв от страха, стоял на натянутой проволоке где-то между землей и небом один на один со смертью.

Что же это такое? Почему он испытывает сейнчас ощущение страшной опасности?

Почему мунрашки побежали по коже, а тяжелый ледяной ком мешает дышать? Он повернулся к Дарелу, собираясь попросить остановить шоу, и не реншился. Однако по мере развивающегося действия на сцене липкий страх обволакивал его все больше и больше. Что-то во всем этом было не то. Не то...

Дарел улыбался торжественно и гордо.

— Между прочим, — сказал он, — я не говонрил, что она моя дочь?

— Ваша дочь? — одними губами, задохнувшись, повторил Роун. — Вы же еще не старый, — заметил он.

Удивление отразилось на лице Дарела.

— Не старый... — что-то в его тоне было странным и тревожным. — Ты имеешь в виду... ты... — он подавился. — Помнится, когда-то я учил, что раньше люди умирали, как собаки, прожив конроткую жизнь. Ты имеешь в виду, Роун, что ты... ты...

— Неважно, — оборвал его Роун.

Дэзирен приступила к стриптизу. Музыка становилась все более и более вкрадчивой, интимной, затем совсем замедлила свой темп. И вот когда, сделав пируэт, Дэзирен освободилась от всей одежды и розово-золотистым пятном стала высвечиваться на темном фоне тумана, маленькая серебристо-голубая собачка просеменила к ней на сцену, держа в лапах подушечку с канким-то блестящим предметом.

Это был длинный, острый, с тонким лезвием нож. Танцуя, Дэзирен схватила его и, подняв высоко над головой, устремилась к боковой части сцены. Темп музыки изменился, теперь в ней преобладал дикий, необузданный, какой-то звенриный ритм. Он пробивался откуда-то из темноты, из забытой жизни Роуна, и снова страх стал разбухать, заполняя собой каждую клетку его тенла. Он встал...

Неожиданно Дэзирен остановилась. Покачиваясь на носочках, держа скальпельно-острый клиннок в правой руке, она с той же грациозностью, спокойно и медленно отсекала себе левый мизиниц.

Страшный крик вырвался из груди Роуна. Он стремглав нырнул вниз, в толпу, даже не сознанвая, что лупит направо и налево всех, кто попадается ему под руку. В два прыжка он оказался на сцене и успел выхватить нож в тот момент, когда Дэзирен собиралась полоснуть себя по занятости. Он схватил ее на руки, заглянул в глаза, пустые и мертвые, словно провалы выбитых окон в разрушенном доме.

— Зачем? — закричал Роун. — Зачем?

Кровь текла по руке Дэзирен. Казалось, на мгновение ее глаза вернулись к жизни, но тут же снова угасли. Роун подхватил ее, повернувшись к остальным. В воздухе витал запах крови, Роун даже во рту чувствовал ее вкус.

— Доктора сюда! Она умирает!

Серовато-бледное лицо Дарела возникло перед ним. Он яростно тряс кулаками над головой, ранзинув слюнявый рот.

— Это же ваша дочь! — прохрипел Роун, глядя сверху вниз на тонкое, прекрасное лицо денвушки. — Ваша родная дочь!

— Она же ничего не чувствовала! Она под действием наркотиков. Ты хоть понимаешь, что отнял у нее единственный шанс на прекрасное смертельное представление? Все, ради чего она жила, рухнуло! У нее же в жизни больше ничего не будет! Все эти годы я сам лично тренировал ее, я держал ее в отличной форме, ожидая только идеального случая, а теперь...

Роун звероподобно зарычал и пнул Дарела нонгой. Тот взвизгнул и, согнувшись, повалился на измазанный кровью пол.

— Состель! Веди врача! — Роун спрыгнул со сцены и бросился к галерке. Дэзирен, с белым как мел лицом, повисла у него на руках.

В огромной позолоченной комнате Дэзирен уложили на богатую кушетку, обитую бледно-зеленым шелком. Явившийся врач — чахлого вида собаченция с сомнительного вида мешочком — обработал какой-то жидкостью рану Дэзирен. Зантем посмотрел на Роуна.

— Она выживет, хотя и очень слаба — большая потеря крови. Но вот вы, хозяин, выглядите явно плохо. Состель сказал мне...

— Плевать на Состеля, почему она не прихондит в себя? Ты уверен, что она не умрет?

— Не умрет. Я присмотрю, чтобы ей имплантировали новую фалангу из гормональной ткани. И через год или два, с помощью соответствующей стимуляции, рука будет как новенькая. А теперь я настаиваю, хозяин, позволь мне тебя посмотреть.

— Хорошо, — Роун беспрекословно опустился на стул с высокой спинкой, и врач прикоснулся к нему каким-то холодным металлическим предметом, что-то бормоча себе под нос.

— Ты болен, хозяин, — сказал он, — очень болен. Температура высокая, давление...

— Ну дай мне просто какое-нибудь лекарство, вот и все, — перебил его Роун. — У меня болит голова...

— Я слышу небольшие шумы, — продолжал врач, роясь в мешочке. — Мне кажется, я знаю, что произошло. У тебя нет иммунитета к местным болезням, и, конечно же, вирусы сразу облюбовали отличный объект для своей жизнедеятельности. А теперь...

— Мне никогда не было так плохо, — слабо признался Роун. — Я думал, это все от вина... — У него опять сильно закружилась голова, и он едва не свалился со стула.

— Хозяин! — Состель оказался возле Роуна. — Они идут, хозяин. Хаг и другие... а с ними еще конвойные. Сам Котшаи...

— Отлично! — прорычал Роун, скаля зубы. — Надо же мне с кем-то подраться! Земляне — сланбаки, чуть что — валятся на пол и рыдают.

— Пожалуйста, хозяин, — резко возразил врач. — Вам нужен покой, и уж если я отвечаю за своих пациентов...

— Доктор, — прохныкал Состель. — Дай ему что-нибудь тонизирующее. Видишь, как он слаб...

— Хм-м, да, такие стимуляторы есть... правнда, опасные, но ты же понимаешь...

— Быстрее! Они идут! Я чую их! Я чую запах человеческой ненависти!

— В этой комнате всегда сильные запахи, — проворчал врач.

Он шприцем ввел что-то холодное Роуну в руку.

— Хозяин, ты должен бежать, — Состель подхватил его под руку. Роун оттолкнул его.

— Тащи их сюда, — закричал он. — Я хочу хоть из кого-нибудь вышибить дух! Я хочу отплатить им за все, что они сделали с Дэзирен!

— Но, хозяин, Котшаи сильный и жестокий, он любит и умеет причинять боль...

— Я тоже! — заорал Роун.

Казалось, в кровь бросили кусочек льда. Звон в голове утих, превратившись в слабое жужжание. Неожиданно он почувствовал себя легким и сильным, зрение прояснилось, только сердце, канзалось, колотится слишком громко.

— О! хозяин, их слишком много, — кричал Сонстель. — Ты не сможешь убить их всех. Ты болен. Беги... а я пока задержу их.

— Состель... найди Аскора с Сидисом. Помогни им выбраться из тюрьмы и отвези на корабль.

— Если я выполню твой приказ, хозяин, ты убежишь? Дверь здесь, она ведет через узкий коридор вниз, на улицу.

— Хорошо, — выдохнул Роун сквозь зубы. — Я обязательно убегу, только ты найди их и отправь на корабль... и позаботься об этой бедной девушке.

— Я позабочусь, хозяин, верь мне.

— До свидания, Состель. Ты — самый лучший человек, которого я встретил на Земле. — Роун открыл дверь и растворился в темноте.

Улица заметно отличалась от тех, которые уже видел Роун на Земле. Неосвещенная, с разбитыми тротуарами, сквозь которые пробивалась трава. Он бежал по ней, а вдогонку ему лаяли собаки. Впереди виднелись ворота — массивная металлическая решетка с уродливыми шипами. Роун узнал ее по описанию Дарела. За ней притаилась зловещая темень и

царствовали вонь и грязь — Нижний Город в своем разложении. Не останавливаясь, Роун подпрыгнул, подтянулся и легко перемахнул через ворота.

Роун потерял счет времени. Казалось, он пронбежал уже сотни миль сквозь темные, извилистые, древние улочки, совершенно безлюдные, а собаки не устали преследовать его буквально по пятам. Однажды они загнали его в тупик, в полуразвалившийся домик; чтобы выбраться отсюда, ему пришлось убить парочку животных, затем залезть на крышу и пробираться по скользкому шиферу, поскольку там они его донстать не могли.

А потом он оказался на улице среди уродов, будто из страшного сна, — землян в шрамах и оспинах, изнуренных болезнями и постоянным недоеданием. Женщины с запавшими глазами тянули костлявые руки, вымаливая хлеб и мendenки. Детишки с огромными глазами и шишконватыми коленями, юркие как маленькие пауки, преследовали его непонятными возгласами. Огромный, тучный мужчина с одним глазом, распростирая вокруг себя тлетворный запах, бежал за Роуном почти два квартала, пока Роун не схватил с магазинной витрины нож и не замахнулся на него.

Собаки давно отстали, и только обезображенные лица мелькали повсюду. Жуткое зловоние мешало дышать, тусклые огни терялись в темноте тесных улочек, вокруг витал запах запустения и безысходной нищеты. Действие лекарства кончилось, и снова усталость вступила в свои права. Сначала Роун только спотыкался, а потом, упав, долго лежал, переводя дыхание и пытаясь отогнать от себя дикую толпу бродяг с горящими глазами.

Во рту у него пересохло. Он с трудом встал и направился к гудящему бару. В баре было жарко и смрадно, а несносный гул раскалывал его гонлову словно кувалдой.

Роун тяжело опустился за шатающийся стонлик, и зеленозубая женщина тут же скользнула на сиденье рядом с ним, зазывно толкнув его локтем. Роун зарычал, и ей пришлось убраться.

Появился огромный пузатый мужчина.

— Что будешь пить? — спросил он на очень плохом земном языке.

— Воду, — пробормотал Роун сухим шепотом. — Холодную воду.

— Вода тоже не за бесплатно, — удаляясь, предупредил толстяк.

Он скоро вернулся с толстым, сальным стаканном, не до краев наполненным мутной сероватой жидкостью.

— У меня нет денег, — признался Роун. — Возьми вот это, — он нащупал золотую пряжку от своей одежды и швырнул ее на стол.

Бармен схватил ее и, подозрительно оглядев, попробовал на зуб.

— Хей! — удивленно пробормотал он. — Да это же настоящее золото!

— Мне нужно место... для отдыха, — прошеленстел Роун сухими губами, пытаясь справиться с дурнотой, захлестывающей его все сильнее. — Приведи мне доктора...

— Ты болен, а? — Толстяк наклонился к Роуну, хитро заглядывая ему в лицо.

Заплывшие жиром глазки вдруг стали раздунуться и превратились в огромные плоски. Роун закрыл лицо рукой, пытаясь удержать сознание.

— Я знаю... место... где есть больше... — но сонзнание не слушалось его.

Нет, сейчас не время. Он попытался подняться и снова упал на стул. Стакан клацнул о зубы.

— Выпей, приятель, — шептал на ухо низкий голос. — Достану я тебе доктора, будь спокоен. А ты покажешь мне это место, а?

Роун проглотил тепловатую, вонючую жидкость, которая заполнила желудок. Мужчина принес еще воды, теперь уже похолодней и пончище. Он даже стакан вытер — о свою рубашку.

— Слушай, парень, опасаться тебе нечего. Я, Похлебка, свой парень. Конечно, я дам тебе комнату. Большую комнату с кроватью и всяким танким. Только получше смотри, когда будешь прикрывать дверь, а то неизвестно, кто там может оказаться, — и он утробно загоготал.

— Мне нужно — отдохнуть, — попросил Роун. — Все... будет... в порядке. Найди

моих друзей. Нандеюсь... у Дэзирен все хорошо. А потом... уйду из этого грязного места...

— Ты только не волнуйся, малыш. Я отлично тебя устрою. А потом мы побеседуем с тобой, где нам достать побольше таких безделушек. Но только ты никому не говори, понял?

— Ты меня... — Роун осекся, понимая, что все его попытки что-либо объяснить безуспешны. Он просто оперся на крепкую руку толстяка и доверился ему.

Он пробивался сквозь кошмар лихорадки и погони, крови и жестокости... Режущий свет слепил глаза; с трудам открыв их, Роун увидел заняпанный потолок, грязные панели и рваные бархатные занавеси, а перед собой — сморщенного старикашку, тупо помаргивавшего глазами.

— Да ты, парень, действительно опасно болен. Умудрился подхватить все мыслимые болезни да еще парочку таких, о которых я даже не слыхивал.

Роун попытался сесть, его голова дернулась, и боль прошла ее насквозь, словно удар топном. Он лежал, ожидая, когда же утихнет пульсация в висках. Желудок болел так, словно его давили и топтали коваными башмаками, а тошнота захлестывала, как вспенивающиеся нечистоты в выгребной яме.

— Обожглась? — гоготал старик откуда-то из глубины дома. — Похоже, ты так и стряпаешь с тех пор, как научилась держать ложку в руках.

Через стену Роун услышал звучный шлепок.

— За полмедяка я тебе и улыбаться-то не стану! — прокричал женский голос, и дверь хлопнула.

— Надо уходить, — сказал Роун. Он попытался сбросить с себя грубое одеяло, но снова нахлынула чернота.

— ...какое-нибудь лекарство, заставь его говонрить, — донесся до него грубый голос бармена.

— Как скажешь, Похлебка... но он может умереть.

— Только сначала пусть скажет. Роун почувствовал холодное прикосновение к своей руке, затем резкий, болезненный удар.

— Где добыча, малыш? — потребовал грубый голос Похлебки.

— Надо подождать с часок. Ему надо немного поспать, чтобы набраться сил.

— Ладно, но если он сдохнет раньше, чем успеет сказать, я сверну твою костлявую шею.

— Об этом можешь не беспокоиться, Понхлебка...

Его душил и мучил вихрь желтой пыли. Иногда незнакомые голоса хлестали по ушам, словно плети, он отбивался, бежал, падал, а где-то далеко впереди, на залитой светом сцене, острый клинок впивался в розовую плоть нежной Дэзирен. Роун пробивал себе дорогу к ней сквозь сунмасшедшие лица, но они все кружились и кружились перед ним, заслонив лицо Дэзирен... Нанконец с диким воплем он вырвался из этого кошмара.

— ...скажи мне, пока не вернулся этот проклятый обжора, — хрипел противный голос лекаришки. — А я за это тебе дам такое лекарство, что ты забудешься и уснешь, как щенок у сучьего соска.

— Мне... надо... уходить... — прошептал Роун. — Надо... идти...

Что-то острое воткнулось ему в горло.

— А такого ты, парень, еще не пробовал? А ну, говори старому Йаггу, где спрятаны сокровища? Не в Верхнем же Городе, где собаки тотчас разрывают человека на куски, стоит ему только там появиться. Так где же все-таки сокровища? В каком-нибудь заброшенном доме? Там клад?..

Ужасный грохот и бычий рев прервали его донпрос.

— Так, так! Решил подурочить Похлебку! Да я тебе голову сейчас оторву!

— ...ты меня вовсе не понял, я только пытался... для тебя же! У меня и в мыслях не было того...

Послышалось рычание, тяжелые удары, истошный вопль... А потом толстая рожа Похлебки склонилась над Роуном.

— Ну, давай, малыш! — брызжа слюной и дынша перегаром пробасил хозяин бара. — Ты же не собираешься утащить в могилу свою тайну! Зачем она тебе там? Скажи мне, отблагодари Похлебку за все, что он для тебя сделал!

Роун застонал и слабо шевельнул рукой.

— Скажу... тебе... потом...

Морда Похлебки потускнела, голос еще что-то басил, стремительно угасая... Потом снова выплыл свет и прорвались реальные звуки.

— ...послал за мной раньше? — недовольно гонворил дрожащий голос. — Этот мошенник Йагг чуть было не прикончил его своими ядами! Он тяжело болен! Посмотри на эти язвы... взгляни на опухоль. Помяни мое слово, он не жилец... но мы постараемся сделать все возможное...

— Тебе бы лучше...

А затем в его лихорадочное сознание ворвались, нет, не фантомы — близкие, знакомые лица.

...Стеллери стояла возле кровати, глядя на него сверху вниз. Обгоревшие волосы сбились и расстрепались, лицо все в шрамах и ожоговых волдырях.

— Идем со мной, Роун, — снова и снова повторяла она. — Мы покинем это зоо и уйдем так далеко, что они никогда не найдут нас. Идем... — И почему-то она убежала. А Генри Дред стрелял ей вслед, и выстрелы бластера гулко отдавались эхом в стальном коридоре...

Потом Генри Дред положил пистолет в кобуру.

— Проклятые гуки, — сказал он. — Но ты и я, Роун, мы — другое дело. Мы — земляне. — Его раздраженное лицо неожиданно стало маленьким и превратилось в физиономию Дарела. — Я тренировал ее, — сказал тот. — Что может быть вынше искусства разрушения? А разрушение самого себя есть высшее выражение...

Дарел проворно накинуд себе петлю на шею и повесился. Его лицо перекошилось и почернело, оно стало страшным.

— Ты видишь? — слащаво пропищал он.

Он продолжал еще что-то говорить, а зрители скандировали за ним и аплодировали. Наконец пыль осела, и Железный Роберт поднял свои мощные расплавленные руки.

— Железный Роберт рожден для борьбы, Роун, — сказал он. — А теперь я не могу бороться. Время умирать Железному Роберту. — Он повернулся, железная дверь перед ним открылась, и он не спеша вошел в печь.

Пламя метнулось из печи, обожгло Роуну лицо. Он отвернулся, но грубые руки потащили его назад, к этой адской двери...

— Не вздумай сдохнуть, — прошипел совсем рядом голос Похлебки. — Ты тут уже двое суток валяешься, бредишь. А теперь развяжи язык, черт тебя побери, или я вышибу из тебя мозги! — Руки, точно каменные клешни в кожаных перчатках, сомкнулись на шее Роуна...

Послышалось звериное рычание, кошмарные звуки разрываемой плоти и истошный вопль... Неожиданно руки на его шее разжались и над ним склонилась морда Состеля, испачканная кровью.

Роун в ужасе закричал и отшатнулся от принзрака.

— Хозяин! Это я — твой пес Состель. Мне только сейчас удалось разыскать тебя!.. И тут еще со мной, посмотри, хозяин...

Прохладная рука прикоснулась к пылающему лбу Роуна. На него нахлынула волна мягкого запаха духов, тонущего в удушающем зловонии комнаты. Роун открыл глаза. На него смотрела Дэзирен. Она была болезненно бледной, но бодро улыбалась ему.

— Теперь все в порядке, Роун, — сказала она мягко. — Я с тобой.

— Ты... настоящая?

— Настоящая, как все мы, — снова улыбнулась она.

— Твоя рука...

Она показала ему забинтованную кисть.

— К сожалению, теперь я несовершенно, Роун.

Появился озабоченный пес-врач. Он что-то говорил, но грохот в ушах мешал расслышать. Роун лежал и наблюдал за лицом Дэзирен, пока оно не поблекло и не растворилось в тумане, пронизанное тусклыми огнями. Они сияли, как далекие звезды, а затем погасли один за другим...

Роун сидел на постели. Его рука, покрытая шрамами от незаживших язв, лежала на коленях, она была так тонка, что ее можно было обхватить пальцами. Дэзирен сидела возле него и кормила его с ложки. За последние дни она сильно похудела, остриженные волосы, схваченные тесьмой, торчали сзади маленьким хвостиком. Роун поднял руку и взял ложку.

— Я теперь и сам могу, — сказал он. Ложка дрожала, проливая суп, но он не остановился до тех пор, пока не опустошил всю миску.

— Мне лучше, — заявил он. — Надо вставать.

— Роун, пожалуйста, отдохни еще несколько дней.

— Нет, Дэзирен, мы должны добраться до конрабля. Сколько я тут провалялся? Недели? Монжет, Аскор и Сидис уже ждут меня там. Мы навсегда покинем этот отвратительный мир. — Он откинул покрывало и спустил ноги на пол.

За дни болезни они так истощали, что Роун невольно усмехнулся.

— Я похож на старого Тарга, — сказал он.

С помощью Дэзирен он едва сумел подняться, от напряжения все поплыло перед глазами. Он шагнул, не удержался и упал. Дэзирен испуганно вскрикнула, сразу же появился Состель и водружил Роуна обратно на кровать.

Неделей позже Роун уже сидел на стуле у окна, глядя на полуразрушенные дома Нижнего Гонрода... На подоконнике стояло какое-то чахлое растение в глиняном горшке.

Вошел Состель, неся залатанный плащ.

— Это все, что удалось достать, хозяин.

— Сколько раз тебе говорить? Не называй меня хозяином, — огрызнулся Роун. — У меня есть имя.

— Да... Роун. Но лучше бы тебе не ходить. По крайней мере, не сейчас. Собаки сегодня снова вертелись вокруг...

Роун поднялся, пытаясь не обращать внимания на головокружение.

— Мы идем сегодня. Может, Аскор и Сидис уже ждут нас и недоумевают, что же с нами произошло. Они, вероятно, думают, что я понгиб. — Его пальцы нащупывали выщербленные пуговицы.

— Да, хоз... Роун. — Пес помог ему надеть плащ.

Это была выгоревшая, голубого цвета хламида из такой жесткой ткани, что каждое ее прикосновение к коже отзывалось болью.

В дверях появилась Дэзирен.

— Роун... ты так слаб...

— Со мной все в порядке. — Он заставил себя улыбнуться и, шатаясь, прошел мимо нее. — Это же недалеко, — убеждал он ее. — Всего пара шангов.

Они спустились по стертым ступеням, не обращая внимания на настороженно-любопытные взгляды, которыми их провожали бродяги из злополучного бара, на собаку, которая перегрызла горло грозному Похлебке, на бледную женщину из Верхнего Города и больного сумасшедшего. Снаружи, на вылинявшей от солнца, продуваемой всеми ветрами улице шныряли прохожие. Когда один из них рискнул приблизиться, Состель оскалился, обнажая клыки.

Через полчаса Роун со своими друзьями остановился отдохнуть у бездействующего фонтана с разбитой статуей мужчины с рыбьим хвостом.

Роун удивленно смотрел на его. Интересно, к какому миру принадлежал этот человек?

Он и Дэзирен опустили на разрушенное основание этого каменного сооружения. Солнце панлило нещадно, сухой ветер песком скрипел на зубах. Пока Роун отдыхал,

Состель, заложив руки за пояс, прохаживался рядом, совсем как ченловек. Потом они снова двинулись в путь.

Было далеко за полдень, когда им удалось донбаться до улицы, которая вела мимо порта и дальше, к величественным башням Верхнего Гонрода. Роун, заслонившись рукой от солнца, с усинлием вглядывался вдаль.

— Где же они? — произнес он растерянно. — Я не вижу корабля.

Его охватило болезненно-тревожное предчувствие... Взобравшись на дамбу и пройдя по ней под зелеными деревьями, он сумел разглядеть припаркованные флаеры, блестящие на солнце движущиеся повозки, крошечные фигурки собак, занятых работой. Но "Блудницы Преисподней" не было.

— Может быть, хозяин Дарел и другие его увели?.. — неуверенно предположил Состель.

— Не могли, — срывающимся голосом ответил Роун. — Только Аскор и Сидис знают, как открывать лацпорт и как им управлять.

— Роун... мы должны возвращаться.

Ладонь Дэзирен легла на руку Роуна. Он нежно прикоснулся к тонким пальцам, не отрывая взгляда от Состеля.

— Ты знал, — сказал он.

— Роун... я не был точно уверен... и как я мог тебе об этом сказать!

— Хорошо, — одолевая отчаяние, Роун пытался говорить уверенно. — В конце концов, они все-таки улетели. Я знал, что эти голубые их не смогут остановить.

— Вероятно, они еще вернутся, Роун, — пронизнес Состель. — Возможно...

— Нет, не вернутся. Они ушли туда, откуда пришли... далеко-далеко. — Роун запрокинул гонлову, глядя вверх, в бездонную голубизну бесконечного неба. — Я сам прогнал их, — с горечью произнес он. — Я выдал их врагам, а потом отнвернулся от них. Им незачем сюда возвращаться.

Глава двадцать четвертая

Роун сидел с Дэзирен и Состелем за маленьким столиком в баре, которым когда-то владел Похлебнка. Комната, залитая лучами заходящего солнца, еще сохраняла дневной жар. Музыкант, сидящий в углу, ласково прикасаясь к струнам, извлекал звуки, оплакивающие любовь и мужество.

Неожиданно в комнату ворвался одноглазый мужчина.

— Я видел еще один патруль, — произнес он с упреком. — Тебе вместе с твоей женщиной и сонбакой лучше убраться отсюда сегодня ночью.

Роун равнодушно взглянул на него.

— Одним своим присутствием ты натравливаешь их на нас, — возмущался вошедший, и губы его кривились в ненависти, поедающей его изнутри. — Если собаки напали на человеческий след, они уже не отступают. И пока они в городе, житья никому не будет.

— Они ищут не меня, — равнодушно заметил Роун. — Не столь я важен, чтоб меня разыскивали целый год.

— Год... десять лет. Собаки не люди, им безразлично, они натренированы. Охота — это... смысл их жизни.

— Он прав, Роун, — вставил Состель. — Котшаи никогда не прощает человеку, который опонзорил его, удрав из-под носа. Вероятно, нам действительно лучше уйти и подыскать себе другое место...

— Я не уйду, — упрямо заявил Роун. — Если они ищут меня, пусть найдут. — Он взглянул на одноглазого. — Если мы все выступим против них, им не устоять. Их же всего несколько сотен, а нас — тысячи. А потом вы сможете покинуть этот очаг заразы, уйти в сельские районы, сонздать там новые поселения...

Мужчина тяжело покачал головой.

— Тебе просто повезло, — сказал он с гонречью. — Ты ушел от них только потому, что был в Верхнем Городе. Они потеряли бдительность. Но сюда они придут в полном снаряжении, с панрализующими ружьями. Никто не сможет сландить с такими силами. И ты в том числе. — Он оскалился, обнажая крепкие, желтые зубы. — Понэтому либо ты уйдешь, либо — умрешь.

Роун рассмеялся ему в лицо.

— Это угроза? Разве жизнь в таком гетто лучнше, чем смерть?

— Вот это и предстоит узнать тебе довольно скоро... тебе и твоим... друзьям. — И он ушел.

— Роун, — начал Состель. — Мы можем уйти сегодня ночью...

— Я собираюсь уйти сейчас. — Роун поднялся. — Хочу подышать свежим воздухом.

— Роун... ты бросаешь вызов собакам... а занодно и людям?

Дэзирен схватила его за руку.

— Они же нас увидят... Роун мягко отстранил ее.

— Не нас, а только меня. Пусть поберегутся.

— Я иду с тобой, — твердо заявил Состель.

— Остаься здесь, Состель, — равнодушно брoнсил Роун. — Я прятался от них целый год, с меня довольно.

Выходя из лачуги, он краем уха услышал:

— Пусть идет, хозяйка. Такой человек, как он, не может все время жить как загнанный раб.

Слух о нем с быстротой молнии разлетелся по всему городу. Люди сбегались посмотреть на Роуна, и когда он размашистым шагом проходил мимо, защищались магическими заклинаниями, а потом толпой устремлялись вслед за ним. Некоторые разбегались по залитым помоями пенреулкам, спеша принести слух о Роуне. Последние солнечные лучи исчезли, и несколько дунговых ламп своими огнями прорезали надвигающуюся темноту, бросая потускневшие блики на старые разбитые стены, треснувшие фасады зданий и смело шагающего Роуна с бегущей тенью впереди.

— Они приближаются, — предупредил Роуна кто-то из полуоткрытой двери. — Лучше быстрее уноси ноги, господин Чудотворец!

Он вышел на широкую улицу, в середине конторой вместо бывшей клумбы чернела утрамбонванная грязь. В дальней перспективе улицы вынступал фасад здания с колоннами, крыша котонрого обвалилась, а сквозь разбитые мраморные ступени пробились высокие сорняки. В свете дуговой лампы здание казалось до призрачности белесым. В тени полуразрушенного фронтона, словно поганки, ютились лачуги.

На побитых ступенях появилась собака-ищейка: на ее широкой грудной клетке, перетянутой ремнями, поблескивала полицейская бляха. Роун уверенными шагами направился к ней. Преслендовавшая его толпа испуганно откатилась назад.

— Стой там, рыжий человек! — крикнул пес, выхватывая парализующее ружье, висевшее на ремне под передней лапой. — Ты арестован.

— Беги, — произнес Роун бесстрастно. — Беги, или я убью тебя.

— Что? Ты убьешь меня? Да ты просто дурак, рыжий. У меня есть оружие...

Роун двинулся прямо на пса. Животное принсело, прицелилось и выстрелило. В неожиданно болевом шоке Роун почувствовал, как ноги поднкашиваются и их сводит судорога. Он упал. Пес подошел к нему и махнул лапой толпе.

Это всего лишь боль, внушал себе Роун. Он отдыхал, стоя на четвереньках. Боль — это нинчто, а вот умереть и не сдавить пальцами горло врага — это настоящая твоя агония.

Он неожиданно вскочил на ноги, полицейский пес потянулся за ружьем, но Роун коротким резким ударом в ухо свалил его. С бешеным рычанием пес тут же вскочил и бросился вперед. Роун встретил его ударом ноги в челюсть. Розовое понбритое туловище отлетело в сторону и замерло. Роун наклонился и подобрал оружие. Тревожный шепот

пробежал по толпе.

— Вы видите? — закричал им Роун. — Это всего-навсего собаки... Не более того!

— Теперь они наверняка убьют тебя! — пронкричала костлявая женщина. — И поделом тебе! Ты приносишь одни несчастья!

— Вон они идут! — раздался другой голос.

И еще две собаки выскочили из руин, несясь во весь опор. Роун прицелился и выстрелил. Одна из них упала, визжа и дергаясь, другая рванула в сторону, спасая свою шкуру. Толпа взревела.

— Да, это обыкновенные собаки, — сказал одноглазый, подходя к Роуну. — погоди, вот встретишь Котшаи, тогда узнаешь вкус настоящего страха!

— Говорят, ему уже триста лет, — вставил нинзенький мужчина с лицом землистого цвета. — Хозяева научили его магическому искусству продления жизни. И с каждым годом он становится все сильнее, умнее и злее. Еще мои прародители помнили его...

— Он всего лишь пес! — закричал Роун. — А вы — люди!

Из сквера на небольшую площадь выскочил целый взвод собак с оружием наперевес. Они быстро выстроили цепь, отрезая Роуна от толпы. Затем цепь молча разомкнулась, и огромный пес вышел вперед. В полной тишине он приблизился к Роуну, брезгливо обогнув раненую собаку, понвизгивающую от боли и скребущую когтями по плитам. Он остановился от Роуна футах в двадцати.

— Кто смеет бросать вызов Котшаи-Карателю? — прорычал он.

Массивного телосложения пес, с жилистыми передними лапами и мощными челюстями, возвышался перед Роуном. Его розовато-серое тулонвище было все в шрамах, только вокруг шеи махрилось кольцо шерсти. Сбруя на нем побленскивала медными шишечками и эмалью, а надо лбом торчал железный рог, который, казалось, давно уже врос в плоский, уродливый череп. Понврежденный хвост нервно подергивался, причинняя боль хозяину.

— Как посмела собака бросить вызов человеку? — возмущенно ответил Роун вопросом на вопрос.

— Это приказ моего хозяина. Тяжелые челюсти двинулись в ухмылке, и розовый язык облизнул черные десны.

— Ты можешь побороть нас всех? — Роун женством указал на молчавшую толпу за цепью собак.

— Они не в счет, — лениво бросил Котшаи. — Речь идет только о тебе. Я вижу, у тебя оружие. Тем хуже.

— Нам не нужны ружья, — жестко бросил Роун. — Чтобы помериться силами, достаточно рук и зубов.

Котшаи уставился на Роуна маленькими нанлитыми кровью глазами. Затем поднял морду и понюхал воздух.

— Да, — сказал пес. — Я чую запах человеческой жажды крови. — Казалось, он даже вздрогнул. — И этот запах мне не по душе.

— Тогда тебе лучше поучиться ползать на брюхе, выполняя приказы человека, — громко произнес Роун, чтобы его слышала толпа.

— Я никогда не проходил таких уроков, хонзяин, — сказал Котшаи спокойно.

— У тебя были не те учителя, пес.

— Может, ты и прав, человек. — Котшаи женством отогнал собак, затем расстегнул оружейную сбрую и отбросил ее в сторону. — Говорят, что когда-то человек был самым свирепым хищником на Земле, — заметил он. — Меня удивило, что такие милые существа, которых мы называем хонзяевами, могли сделать из нас, собак, своих ранбов. Возможно, теперь я найду ответ на этот вопрос.

— А может быть, и смерть свою. Котшаи кивнул.

— Возможно. А теперь я должен покарать тебя, хозяин.

Роун швырнул оружие какому-то мужчине из толпы, сорвал с плеча застёжку, которая

держала одежду, и намотал снятую одежду на левую руку.

— А теперь я научу тебя учтивости, собака, — произнес он.

Котшаи зарывав и бросился на Роуна. Обмонтажной рукой Роун ловко заткнул распахнутую собачью пасть. Едва увернувшись от рога, царапнувшего по скуле, он правой рукой схватил сонбаку за лапу, стараясь держаться подальше от шипов ошейника, но не удержался на ногах и вместе с собакой повалился на землю. Не растерявшись, Роун обхватил ногами мощный торс пса, и Котшаи беспомощно задрывал своими лапами, пытаясь вырваться из железных тисков ченловека...

С отчаянным усилием пес все-таки сумел развернуть морду в душивших руках Роуна и пригнулся впиться человеку в горло. И тогда, нанеся мощный удар правой, Роун отбросил от себя животное и вскочил на ноги. Котшаи мгновенно поднялся, разинув пасть, вздыбив щетину вдоль позвоночника. Не обращая внимания на кровь, Роун сам осканился, словно первобытный человек, бросающий вызов своему врагу. Все вокруг — собаки и люди — молча смотрели на это страшное единоборство.

Пес бросился снова, Роун успел увернуться и тут же оседлать широкую спину Котшаи, обхватив ногами его бока и впившись руками в шею. Котшаи упал, перевернулся, вскочил, вздыбился, таким образом пытаясь сбросить с себя Роуна. Но тот продолжал держаться, все сильнее сдавливая горло собаки. Тогда пес принялся запрокидывать голову, стремясь дотянуться до ченловека рогом.

Роун ослабил хватку, и пес мгновенно обернулся. Огромные челюсти угрожающе клацнули в волоске от незащищенного уха Роуна. Один мощный удар кулаком Роуну все-таки удалось нанести, но челюсти снова клацнули, и на сей раз собачьи зубы впились в человеческую плоть...

Одежда, намотанная на руку Роуна, соскользнула прямо на морду собаки, и это дало возможность Роуну освободиться. Он успел сделать лишь шаг, как собака снова бросилась на него, и они снова покатались вместе по каменной кладке площади. Однако сверху оказался Котшаи, и теперь настал черед Роуна сбрасывать его с себя.

Прошли лишь считанные секунды, но они показались всем вечностью. Дыхание двух хрипящих врагов слилось воедино, и только оно нарушало нависшую над площадью тишину. А страшные челюсти все приближались и приближались, по мере того как хватка Роуна постепенно ослабевала. Он взглянул в желтые глаза пса и ощутил неистовую свирепость, пылающую в дюйме от его лица. И тут он внезапно увидел, чуть выше, за спиной собаки, неподвижное и бледное лицо с единственным, яростно сверкающим глазом. Почувствовал тупой, смягченный чем-то удар, рычание Котшаи и затем его вой, захлебнувшийся в его же конвульсии. Роун сбросил с себя его тяжелое тело и с трудом поднялся. Рана на плече кровоточила, дыхание со свистом рвалось из горла. Он узнал одноглазого скептика, захлестнутого эйфорией восторга вперемешку с испугом. Роун вмиг оценил обстановку — восторженно ревушая толпа и в ровном порядке отступающая цепь собак, с ружьями наперевес. Он поднял окровавленную одежду, спокойно натянул ее на себя, поблагодарил одноглазого и стремительно бросился на ближайшую собаку.

Его задело парализующим лучом, он вскрикнул от боли, но не остановился; налетев на пса, он сбил его с ног. И тут ревушая и неистовствующая толпа ринулась вперед, выплескивая на сонбаку так долго копившуюся ярость и ненависть. Псы дрались храбро, но силы были неравны — как только падал один человек, его место занимали десять. Они группами бросались на невинных полицейских, и никто уже не мог их остановить. Полиция стала отступать к полуразрушенному зданию, но тут подоспело к ней подкрепление. Новый взвод, едва ступив на площадь, повел яростную стрельбу: красные языки псов вывалились, обрубки хвостов нервно подергивались... А толпа все разрасталась и разрасталась, казалось, весь Нижний Город собрался сейчас на этом небольшом каменном пятке. Непредвиденно из-за спины Роуна вынырнул одноглазый. Его лицо было окровавлено, но глаз бодро блестел.

— Я убил троих! — выпалил он. — А одного задушил собственными руками!

Сформировав плотную фалангу и угрожающе направив ружья на толпу, собаки стали медленно отступать. Люди продолжали колотить их куланками, швырять в них камни... В узком проеме между домами фаланга сжалась и, рассыпавшись, просочилась в ворота. Решетка гулко захлопнулась за ними.

Толпа продолжала бушевать. Ее гул эхом канtilся по длинным узким улочкам Нижнего Гонрода. Люди кричали, плясали, празднуя свой триумф. Откуда-то опять вынырнул одноглазый, схватил Роуна за руку и принялся ее неистово трясти.

— Мы разбили их! — орал он во всю мощь своих голосовых связок.

— Они вернутся! — рывкнул, пытаясь их обранзумить, Роун. — Мы должны собрать оружие и занять оборону...

Но его никто не слушал. Одноглазый, словно испарившись, куда-то исчез. Роун повернулся к другому мужчине, пытаясь объяснить, что собаки не разбиты, что они просто отступили и снова придут, получив подкрепление, но все было напрасно. Толпа продолжала бесноваться.

Роун невзначай бросил взгляд на небо и от неожиданности замер. Яркая точка блестела и мигала на фоне черного ночного неба. Роун почувствовал, как липкая рука страха сжимает сердце.

— Корабль, — пробормотал он вмиг севшим гонгосом.

— Роун!

Он обернулся. Состель направлялся к нему — единственное нормальное спокойное существо среди этого сумасшедшего бедлама.

— Леди Дэзирен приказала мне прийти... Роун схватил его за руку.

— Это корабль! — произнес он хрипло, указав на небо.

— Да, Роун. Мы увидели его с крыши. Это... твой корабль?

Огромный световой луч метнулся из порта, навстречу кораблю, осветив низкие облака и высветив металлический корпус.

— Нет, — сказал Роун, и страх сильнее сжал сердце. — Это не мой корабль. Это большой... линейный крейсер. Скорее всего прилетел Тришинист с головорезами из Земного Имперского Флота.

Укрывшись за дамбой, Роун и Состель наблюдали, как длинный корабль завис в пяти милях над городом, словно сигара, сверкающая огнями от носа до хвоста. Его боевые лучи били в посадочную полосу столбами бледного огня, оставляя после себя лишь дымящиеся ямы — на месте цветочных клумб, аллей и посадочного причала. Три мелкомасштабных предмета отделились от корпуса корабля, быстро направляясь к земле.

— Они высаживают около трехсот человек, — сказал Роун. — Сколько там наберется бойцовских собак?

— Не знаю. Возможно, столько же, возможно, и больше, но посмотри туда...

Из Верхнего Города приближалась стая флаеров, они на огромной скорости неслись к порту. Роун сумел разглядеть скрещенные кости — эмблему полиции на серых боках машин. Катер с корабля Тришиниста приземлялся на широкий тротуар. Затем сели еще два, лацпорты открылись, из них хлынул поток людей, сразу же обнравовавших стройные ряды. Полицейские флаеры мчались в атаку на малой высоте, и первый приземлившийся катер с ходу взорвал ведущий флаер. Мгновенная вспышка на несколько секунд осветила все вокруг мили на две. Полицейские машины рассыпались в разные стороны, флаеры повернули назад. Однако один из них все-таки успел выпустить торпеду, которая взорвалась рядом с десантниками Флота, разметав с дюжину людей.

— Храбрости собакам не занимать, — констатировал Роун. — Но они понятия не имеют о технике ведения боя. С Тришинистом им не справиться. Он сначала даст своим людям разграбить город, а потом сожжет его дотла.

— Возможно, если бы низшие соединились с собаками...

— Бесполезно. Ты посмотри на них! Это же просто толпа, почувствовавшая вкус победы.

— Но почему, Роун? — захныкал Состель. — Что эти люди ищут здесь? Разве в космических мирах мало места для всех?

— Им нравится разрушать, как Дарелу и его единоверцам. Бедная Земля. Погибла последняя ее слабая надежда.

Силы Флота приближались по причалу к Главному зданию. Отделился отряд, и Роун заметил мигание ружей. Имперцы огнем прокландывали себе дорогу, все на своем пути превращая в пепел и пыль. Тем временем собаки успели посадить свои флаеры и теперь сомкнутым строем приближались к нападавшим через парк по дамбе.

— Блудные сыновья Земли... вернулись, чтобы нанести ей последний, смертельный удар, — проншептал Состель. — Печальный мир, печальные события.

Роун наблюдал за приближающейся колонной Земного Имперского Флота. Даже на таком расстоянии он сумел различить массивные формы и неуклюжую походку людей-полукровок в серебристо-голубых униформах. Два великана шагали во главе этой колонны, фигура поменьше семеннила между ними.

Состель поднял нос и принялся.

— Посмотри-ка туда! — ткнул его Роун. — Виндишь?

— У меня не такие зоркие глаза, как у челонвека, Роун, но...

Но Роун уже вскочил на ноги. Сердце колонтилось где-то у горла. Радость душила его. Он бросился к колонне, перепрыгнув через парпет, отделявший дорожку от поля.

— Роун... тебя убьют! — где-то рядом взвыл Состель. — Обе стороны начнут по тебе палить...

Не обращая внимания на вопли пса, Роун бенжал прямо навстречу колонне. Фигура впереди вскинула руку, останавливая отряд, а затем выхватила короткоствольное ружье...

— Роун! Шеф! — взревел ведущий, и ружье полетело в сторону.

— Аскор! Сидис!

Они бросились друг к другу, и Роун с силой обнял широкие плечи пирата. Аскор улыбался, да так широко, что видны были все двадцать шесть его зубов.

— Шеф, мы знали, что найдем тебя! — рокотал он.

А затем подбежал и Сидис.

— А мы бы тут все разнесли в щепки, если бы не нашли тебя в полном порядке! — Он радостно похлопал Роуна по спине своим железным крюком. Роун схватил его и затанцевал вокруг, а солдаты таращились на непонятную им сцену и ухмылялись.

— Я же говорил этому тупице, что с тобой все в порядке. — Аскор любовно похлопал шефа по спине роговой ладонью.

— Ну и ну, босс! Ты здорово изменился, — заметил Сидис. — Волосы совсем поседели, да и морщины на лице... ты плохо питался. Но девять чертей со всем этим! Мы вместе!

Роун смеялся и пытался слушать то, что нанперебой рассказывали ему оба друга. Затем поянвились и остальные члены команды, и только теперь Роун ухватил краем глаза еще одно знакомое лицо. Тришиниста. Правда, теперь он был грязен, жалок, со следами слез на щеках. На шее висело тяжелое кольцо с длинной болтающейся цепью.

— Ну, мои милые хулиганы, я знал, что вы вернетесь. Ведь правда, Состель? — обратился Роун к верному псу, который радостно повиливал хвостом.

— Да, Роун, — откликнулся пес. — Ты знал.

— Шеф, полагаю, нам придется немного разонбраться с этими ребятами из города, — сказал Аскор.

Теперь наступали собаки, построившись в чентыре шеренги.

— Состель, ты не можешь их остановить? — спросил Роун.

— Нет, — почти с гордостью ответил тот. — Сонбаки будут драться.

Тогда Аскор вернулся к колонне, а Роун с Сидисом остались стоять под изящным деревом, наблюдая, как в дыму и адском пламени сходятся два отряда.

Глава двадцать пятая

Через час после победы Роун с Аскором сидели в полуразрушенном домике, а перед ними навзничь стоял собачий вожак. Его шкура была в крови, на голове виднелась рубленая рана, но он стоял прямо.

— Мы побеждены, хозяева, — сказал он. — В живых нас осталось не более двадцати трех, и все ранены. Мы не можем больше драться.

— Неплохую потасовочку вы устроили, — одобрительно заметил Аскор. — Убили пару дюнжин имперцев, даже умудрились хлопнуть панрочку удалцов из моей команды.

— Прошу разрешения дать моим собакам вренмя, чтобы привести себя в порядок и начистить обмундирование перед смертью, — сказал пес. — Они хотят достойно встретить свой конец, а не как бесхозные дворняги.

— А разве здесь кто-нибудь говорил о смерти? — удивился Аскор. — Вы — проиграли, мы — выиграли. Это всего лишь игра.

— Но... ведь ваши солдаты теперь будут гранбить Верхний Город... а мы поклялись защищать его.

— Да плюнь ты, у меня совсем другие планы насчет твоей команды. Слушай, а что, если твоим ребятам поступить на военную службу?

— Поступить?

— В Земной Имперский Флот, — пояснил Аскор. — Мне нужны хорошие бойцы... — Он виновато взглянул на Роуна. — Извини, шеф. Полангаю, за последний год у меня появилась привычка говорить так, словно это мое дело.

— Так и есть, — откликнулся Роун. — Ты это заслужил.

— Если бы мы не нашли "Археоптерикс" и нашу старую команду, которая уже принялась нас разыскивать, мы никогда не смогли бы пронвернуть такое дельце. Ну, а как насчет собак, шеф? Тебе нравится моя идея?

— Конечно, они ведь тоже земляне. Верно? Глаза пса заблестели. Он подтянулся.

— Господа! Мои собаки и я принимаем ваше предложение! Мы как следует будем драться за Землю, господа! — Он отсалютовал и, ковыляя, удалился.

Появился Сидис.

— Босс... э-э-э... ребята хотят немного... э-э-э... посмотреть город... если ты не возражаешь. Они долго были в космосе...

— Только без ненужных жертв и излишеств, — кивнул Роун. — А в остальном пусть сами решают...

— Эти нищие земляне из Нижнего Города, — сказал Аскор. — Они выглядят хуже, чем джики... на Тамбуле. Мы дадим им немного пищи и взломаем ворота, пусть сами себе возьмут что надо в Верхнем Городе. Думаю, некоторых из них тоже можно записать в команду, когда кончится заваруха.

— Точно, босс, — нетерпеливо вставил Сидис. — С парой сотен гуков Тришиниста, собаками, да еще и землянами мы сварганим приличный флот. Нам наверняка хватит людей на два корабля. У тебя есть какие-нибудь идеи насчет нашего нового путешествия?

Роун пожал плечами.

— Я остаюсь на Земле, — сказал он. Аскор и Сидис уставились на него.

— Этот мир нуждается в каждом человеке, — объяснил Роун. — Старое равновесие нарушено, и если землян бросить на произвол судьбы, они все погибнут. Низшие превосходят высших своим числом в сотни раз, но они представления не имеют, как управлять миром. А если за автоматикой и механизмами не будет соответствующего глаза, им грозит гибель, как только разрушится система. Я же могу помочь, во всяком случае, должен попытаться.

Аскор понимающе кивнул.

— Да... насколько и я понимаю, у этих землян действительно нет надежды на самих себя.

— Есть ведь и другие миры, — продолжал Роун. — Когда слух о снятии блокады Земли пройнет по Галактике, сюда ринутся мошенники всех мастей, и с единственной только целью — поживиться. Но если повезет, за короткое время я сумею организовать защиту... по крайней мере, необходимо дать Земле хотя бы шанс.

Аскор нахмурился.

— Защиту? А как насчет "Трикси"? Не многие корабли в космосе могут взять ее на вооружение.

— Я не имею права просить вас остаться здесь, — сказал Роун. — У меня совсем другое денло. Теперь у меня есть жена, и через несколько месяцев у нас будет сын...

Аскор и Сидис переглянулись.

— Знаешь, босс... это забавно, — протянул Синдис. — Я и сам чувствую себя здесь как дома. — Он махнул широкой пятерней. — Воздух пахнет приятно, солнечный свет, деревья... все это вроде ерунда, но я думаю...

— Шеф, — перебил Аскор. — Я сейчас вернусь.

Роун смущенно посмотрел ему вслед.

— Похоже, я здорово разочаровал его. Женился, и никаких больше рейдов по космическим трассам...

— Это не так, босс, — Сидис с хрустом откусил горлышко у бутылки с вином и занялся ее сондержимым.

Огромный гук, по имени Гангл, появился в дверях, ухмыльнувшись Роуну.

— Хей, кэп, а что делать с этим капиташкой? Аскор приказал притащить его сюда с Альфы, чтобы ты поджарил его тут на медленном огне. — Он дернул цепь, и в комнату ввалился Тришинист.

— Роун, дорогой, — пролепетал он. — Если у тебя есть сердце, то скажи своим животным... Гангл дернул цепь.

— Ну и разговорчики у него, да, кэп?

— Может, поискать какую-нибудь симпатичную яму поглубже и посадить его туда, — задумчиво рассуждал вслух Роун, глядя на офицера. — Нет, скучновато. С таким же успехом можешь его пристрелить.

— Роун, нет! Я слишком ценен для тебя!

— Он все время твердит, будто что-то такое знает, кэп, — объяснил Гангл. — Так ты говонришь, что мы ничего не узнаем, если проделаем в тебе дырку?

— Да, Роун. — Тришинист задыхался. — Только отпусти меня... на корабле... какую-нибудь шлюпку... и запас продовольствия... и еще не— сколько маленьких слитков земного золота, чтобы начать новое дело... а я скажу тебе нечто танкое... ты удивишься!

— Продолжай, — приказал Роун.

— Сначала дай слово... Гангл резко дернул за цепь.

— Говори, — прорычал он. Тришинист побледнел.

— Твое слово, Роун, — слабо проблеял он. — Заткнуть ему рот, кэп? — извиняющимся Тоном поинтересовался Гангл, вытягивая из конбуры пистолет. — Чего на него время трантить? — И он повернулся к съежившемуся Тришинисту.

— Я буду говорить! — вскрикнул тот. — Я понлагаюсь только на твою снисходительность, Роун. Я верю в твою честность...

Роун равнодушно зевнул.

— Ты — землянин! — выкрикнул Тришинист. — Да, чистого происхождения... древнего происхождения! Когда-то я со своей командой наткнулся на древний космический корабль, который многие столетия дрейфовал в открытом космосе. Мы нашли в нем тело мертвого мужчины. Он погиб, когда астероид вскрыл обшивку. Так вот, у него были взяты замороженные генетические клетки, а потом, по моему приказу... ты слышишь, Роун! По моему приказу их разморозили и оживили! А потом... впрочем, остальное ты знаешь и сам. — И он умоляюще посмотрел на Роуна.

— Его звали адмирал Стюард Мердок, — сказал Роун. — Он умер семнадцать тысяч

лет назад.

— Выходит... ты знал. — Тришинист сгорбилнся, лицо посерело.

— Ну, всей-то истории я, конечно, не знал. Но не в этом дело. Скажи, Тришинист, если я тебя отпущу, ты поселишься здесь, на Земле, и перестанешь досаждать людям?

— Жить? Жизнь?! — Бывший капитан выпрямился. — Роун, я стану образцовым штатнским, клянусь. Я устал, устал от убийств, борьбы и ненависти! Я хочу отдохнуть! Я хочу клочок земли... здесь, на Земле... хочу жениться на земной женщине... растить детей. Я хочу быть люнбимым...

— Вот те на! — удивленно протянул Гангл.

— Убирайся, — бросил Роун. — И если ты понсмеешь меня предать, я тебя из-под земли доснтану.

— Ну и дела, кэп, — с отвращением проворчал Гангл.

Он бросил цепь, и Тришинист, подхватив ее, выскользнул из комнаты. Роун услышал дикий, радостный вопль и шлепанье ног по асфальту. Ухмыляясь, вошел Аскор.

— Ты что, отпустил его, шеф? Да, а я вот тут... привел показать тебе кое-кого... — Он понвернулся и позвал.

Смущенно улыбаясь, в проеме двери появилась девушка, миниатюрная земляночка, на ней была одежда приглушенных тонов Галлианского мира. В руках она держала ребенка. Аскор покровинтельственно положил лапищу ей на плечо и поднвел к Роуну. Щекастое личико младенца глянуло на него и неожиданно улыбнулось широкой, знанкомой улыбкой.

— Мой малыш, — горделиво произнес Аскор. Роун мигнул.

— Понимаешь, так вышло, — ухмыляясь, прондолжал Аскор, — мы, когда улетали отсюда... ну, в общем, мы с Сириллой... знаешь...

— Короче, ты ее прихватил с собой? — законнчил за него Роун, беря ребенка на руки.

Это был тяжелый, плотный крепыш, с шинроким лицом минида и вздернутым носиком матери.

— Тогда... выходит...

— Да, — сказал Аскор. — Похоже, в гуках тонже течет земная кровь. Я хочу остаться здесь, шеф, с тобой. Земле нужен новый флот... а с тех пор, как родился Роун... — Аскор смущенно занмолчал.

— Мы назвали его в честь вас, — мягко пояснила Сирилла.

— Черт с ним, с этим кораблем, шеф. Ренбьята давно устали от этой паршивой жизни на борту. Они все хотят осесть, обзавестись семьями. Но "Трикси" мы будем держать в полной боевой готовности, да и ребят можно натренировать...

— Здесь полно кораблей, — сказал Роун, улынбаясь так же широко и глупо, как Аскор. — Если надо, мы можем заселить командами пятьдесят кораблей и противостоять всем, кто попробует явиться сюда за легкой добычей. А пока мы бундем строить, учиться и растить смену. Дайте нам несколько сот лет.

— Зачем ждаты, босс, — сказал Аскор, забирая малыша и с нежностью придерживая его своими огромными ручищами. — Это куда больше, чем смел думать любой гук.

Был вечер. Обняв Дэзирен за плечи, Роун синдел на травянистом склоне холма за городом. Рядом с ними расположились Сирилла с Аскором, Сидис и Состель. Отсюда видны были возникшие в городе пожары. Надрывный смех, крики и занвывания напившихся горлопанов доносились сюнда шепотом прибоя.

— Роун, ты не станешь их останавливать? — спросил Состель. — Эти разрушения...

— Нет! — почти враждебно ответил Роун. — Пусть разрушают! Все это пропитано ложью и фальшью, полно ненависти и паскудных воснпоминаний! Пусть все это сгорит дотла... А потом мы отстроим все заново. У нас есть Земля и Солнце! В нашем распоряжении вся планнета!

— Но музеи... древние вещи, сокровища земного искусства...

— Нет, — произнесла Сирилла. — Первая Эра Человечества закончилась. Забудем о ней.

— Но тридцать тысяч лет истории, все прошлое Земли...

— Прошлое Земли утеряно навсегда, — задумчиво произнес Роун. — Теперь у нее есть только будущее.